

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

АНАСТАСИЯ ВОЛЖСКАЯ
ВАЛЕРИЯ ЯБЛОНЦЕВА

СИНХРОНИЗАЦИЯ СУДЕБ

Annotation

Я, Солана Диаз, знала: никогда, ни при каких условиях, ни в коем случае нельзя связываться с бойцами «Механического солнца» – безжалостными, практически неуязвимыми убийцами, презревшими все законы Абисс-сити. Знала, но все равно сделала то, чего требовало сердце, – спасла одного из них.

А ОН ИЗМЕНИЛ МЕНЯ.

- [Анастасия Волжская, Валерия Яблонцева](#)

- - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Эпилог](#)
-

Анастасия Волжская, Валерия Яблонцева Синхронизация судеб

© А. Волжская, В. Яблонцева, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Глава 1

Я летела.

Взмыла вверх, раскинув руки, и ветер трепал мои волосы, раздувал парусом широкие штанины комбинезона. Далеко-далеко внизу остались плоская крыша, опутанная проводами, и разномастные высотки семнадцатого. Вокруг было только небо, синее-синее, и оранжевый диск солнца, бликами отражавшийся на серебристо-белых чешуйках моей кожи.

Короткий упоительный миг невесомости, и притяжение Абисса неумолимо повлекло меня вниз, прямо в распахнутые руки.

Папины.

Падать было не страшно. Может быть, даже веселее, чем летать, потому что я знала, что со мной ничего не случится. Папа не даст удариться и разбить коленки. Папа не допустит ничего плохого.

Я вскрикнула, приземляясь в крепкие объятия Андреса Диаза, самого лучшего шейдера во всем Литианском секторе.

– Сола... – Глаза цвета ясного неба посмотрели на меня с мягкой укоризной. – Ты обещала, что попробуешь расправить крылья.

– Но па-а-ап! Мне нравится и так. Ты подбрасываешь меня высоко-высоко, и кажется, будто я вот-вот увижу самые верхушки Абисс-сити.

– И ты их увидишь, малышка, если научишься парить сама. Нужно только не бояться, а там поток ветра подхватит тебя, и – вшух-х – ты окажешься выше самого высокого небоскреба.

– Ну па-а-ап... – упрямо затанула я.

И осеклась под строгим отцовским взглядом.

– Ты шейдер, Солана Диаз. Шейдеры рождены летать. И не позволяй никому убедить себя в обратном. Ну, еще раз?

Я храбро кивнула.

По смуглой коже манна змейками пробежали золотые волны чешуек, увеличивая и без того немалую силу папиных рук. Я зажмурилась, предчувствуя, как резкий бросок взметнет мое тело вверх – прямо к небу и сверкающим шпилям Центра.

– Готова?

– Да.

Вш-шух!

Холодок по коже, свист ветра в ушах. Перед глазами мелькнуло уходящее вдаль бесконечное поле плоских крыш, увенчанных антеннами, вышками и площадками для хOVERов. И потом – вот оно, небо. Прекрасное, непривычно чистое, завораживающее.

«Сейчас», – зазвучал в голове папин голос.

Сейчас.

Сосредоточилась, как учил папа. По телу пробежала серебристая дрожь трансформации, и сердце забилося предвкушающе-радостно.

Голые лопатки, торчавшие в вырезе тонкой майки, зачесались, готовые раскрыться широкими кожистыми крыльями – совсем как у папы.

Мысленно потянулась к шейду, своему внутреннему «я». Еще чуть-чуть энергии, самую капельку...

Вшух-х.

Движение остановилось.

На одну бесконечно долгую секунду я зависла в воздухе, поймав поток ветра. Мир, так забавно смазанный во время взлетов и падений, застыл. С кристальной четкостью я увидела Абисс-сити, распростершийся от горизонта до горизонта, достающий острыми шпилями до самой орбитальной станции – сверкающий, великолепный, завораживающий.

А потом...

Би-ип, би-ип, би-ип!

Я потеряла концентрацию всего на миг, но этого хватило, чтобы крылья, слабые, непривычные к полной трансформации, смялись под шквальным ветром. Полет сменился падением, восторг – безотчетным ужасом.

Меня закрутило в воздухе. Небо, хOVERы, крыши Абисс-сити, неоновые огни рекламы и густой туман, скрывавший нижние уровни, мелькали перед глазами разноцветным калейдоскопом.

«Папа должен поймать меня, – билась в голове отчаянно-спасительная мысль. – Он здесь. Он рядом».

Еще немного, и этот кошмар закончится.

Но папы не было.

Не было нашей крыши и ярко-синего неба — только неконтролируемое падение вниз, вниз, вниз...

И вот уже не маленькая Сола, а я, Солана Диаз, падала, спеленатая в коконе собственных кожистых крыльев. Воздух раскалился, не давая вдохнуть, словно я была метеоритом, на полной скорости пронесившимся сквозь атмосферу Абисса. Тело горело, огни сливались в полосы ядовитого неона. Я выгнулась, с губ сорвался стон.

Би-ип, би-ип, би-ип!

— Да заткнись ты, шиссов кусок пластика! — на грани слышимости выругался кто-то. И добавил, миролюбивее и тише: — Ш-ш-ш, детка, не брыкайся.

Тяжесть обрушилась на меня спереди. Стиснула, сдавила, вминая во что-то горячее сзади. Я дернулась, вырываясь из липких тисков кошмара.

И проснулась.

Ярко-зеленый затылок, все еще едко пахнувший свежей краской, уткнулся мне в нос. Чуть ниже обзор закрыло плечо с татуировкой пылающей шестеренки. Широкая спина прижалась к моей груди, зад — голый! — бесцеремонно втерся между бедер.

Шей Анхель Кессель — конечно, кто же еще — оттеснил меня, втискиваясь на узкую койку. Я инстинктивно отодвинулась. Глупое решение — воспользовавшись моим отступлением, Анхель отвоевал несколько лишних сантиметров кровати.

— Давай еще глубже, детка.

Извернувшись, я попыталась пнуть обнаглевшего шейдера коленом — и вдруг почувствовала, как в ягодицы недвусмысленно упирается что-то твердое. Горячее тело за спиной, служившее живой преградой между мной и холодной бетонной стеной, опутанной жгутами силовых кабелей, шевельнулось, притираясь ближе.

— М-м-м... — От низкого чувственного голоса кожа покрылась мурашками. Не открывая глаз, Хавьер Кессель потянулся, проведя носом по моему плечу. Тяжелая рука по-хозяйски опустилась на бедро, пальцы скользнули по краю трусиков, нырнули под тонкую ткань. — Диаз...

Перспектива оказаться зажатой на одноместной койке между двумя Кесселями — да еще тогда, когда и тело, и шейд внутри активно реагировали на прикосновения Хавьера, — категорически не

обрадовала. Возмущенно скинув татуированную руку, я кое-как выбралась, предоставив братьям полную свободу развлекаться самим, если уж так приспичило.

Старший Кессель сонно сощурился, недовольный моим уходом. Зато Анхель моментально разлегся поперек койки, закинув на Хавьера руку и ногу.

– Би-ип, би-ип, би-ип!

Коммуникатор на руке младшего Кесселя вновь залился требовательной трелью. Бросив быстрый взгляд на дисплей, шейдер поморщился и нажал кнопку отключения.

– Анхель! – Я раздраженно сложила руки на груди. – Твоя смена еще не закончилась.

– А какого шисса вы спите тут уже пять часов? Другие, между прочим, тоже хотят.

– Сколько?

Под недовольным взглядом Хавьера конечности младшего Кесселя немедленно убрались прочь.

– Ну, хорошо, хорошо, – пошел на попятную Анхель. – Ты спишь час. Именно поэтому я не стал вас будить, а аккуратненько, никого не побеспокоив, пристроился рядом.

Я выразительно приподняла бровь.

– Это ты называешь аккуратненько?

– Ой, ну, чего ты такая скромная? – Зеленоволосый шейдер скорчил обиженную гримасу. – Хотите – развлекайтесь. Я не присоединюсь, пока не предложите.

– Не перегибай.

– Не жадничай. А то что, сам не хочешь, но и другим не даешь?

– Анхель!

Натолкнувшись на тяжелый, предупреждающий взгляд брата, зеленоволосый присмирел. Даже место освободил – на случай, если я надумаю вернуться в теплую компанию Кесселей.

Я покачала головой.

Нет уж, спасибо.

Через импровизированные шторы, сделанные из оплетки и выпотрошенных проводов, пробивался синеватый свет, косыми штрихами перечеркивавший пол и стены. Снаружи мерно гудели силовые кабели и вентиляторы, охлаждавшие стройные ряды серверов

автономного дата-центра. Перемигивались огнями высокие колонны процессоров. Из угла черным невидящим глазом пялилась обесточенная камера видеонаблюдения.

Для перенаселенного Абисс-сити «автономный» никогда не означал «пустой». Подвалы давали пристанище грызам и бездомным нор-рам, выброшенным на обочину жизни, полицейские участки, отвоеванные у литиан, становились базами банд, заброшенные склады превращались в нелегальные магазины, в теневых производственных цехах собирались гоночные хожеры и оружие. Технические помещения, обслуживающиеся в автоматическом режиме, – серверные, вышки связи и силовые станции всех форм и мастей, – были излюбленным местом проживания нелегальных хакеров, предоставляя практически неограниченный доступ к вычислительным мощностям и электроэнергии за городской счет. Парочка скрученных камер, моток силовых кабелей, руки, растущие из нужного места, – и высокотехнологичная нора готова, можно заезжать.

На одну из таких нам посчастливилось наткнуться во время поспешного бегства из последнего убежища, заготовленного «Механическим солнцем» на территории конкурирующей банды «Яростные кулаки», держащей окраинные районы пятого сектора. Сдали нас бандиты – один из местных узнал Анхеля и отправил властям сигнал, который, в свою очередь, удачно засекла Никс. Уходили мы в спешке, побросав все, что нельзя было унести в руках, не вызывая подозрений.

Кажется, когда-то тогда мы в последний раз нормально ели. И спали. Да и вообще, чувствовали себя в относительной безопасности, а не металась по чужому району точно загнанные грызы, не задерживаясь в одном месте дольше нескольких часов.

Последнее убежище, хозяин которого день назад был подстрелен в уличной потасовке, особыми удобствами не баловало. Освобожденный от техники угол, опутанный проводами стол из перевернутых ящиков, кресло и самодельная койка за загородкой, слишком узкая даже для двоих, не говоря уже о трех шейдерах и одной полукровки.

Ходить можно было только по дорожкам, выложенным из силовых кабелей, отмечавших границу слепой зоны камер. Никс ворчала и грозила вот-вот вырубить все следящее оборудование к

шиссам, но всегда находилась работа поважнее. К тому же мы понимали, что не сегодня, так завтра кто-нибудь вспомнит о безвременно почившем хакере и решит занять его место, а ввязываться в очередное противостояние с «Кулаками» не было ни сил, ни желания.

Одно радовало – здание серверной было подключено к базовым коммуникациям, так что старая душевая кабина, втиснутая предыдущим хозяином между блоками, худо-бедно, но работала.

Хорошо. После сегодняшнего пробуждения мне срочно нужно было охладиться.

Свет портативных голопроекторов, тайком переправленных из старого убежища и установленных на груде ненужных ящиков, стал ярче – бегущая строка полицейских логов сменилась сеткой изображений с наружных камер дата-центра, оттенив усталое лицо Никс бледной синевой. Фемма полулежала в оставшемся от предыдущего хозяина кресле, слишком большом для хрупкой невысокой полукровки. К худому предплечью тянулась полупрозрачная трубка капельницы.

Я машинально осмотрела ее, проверяя подачу жидкости, и тихо покачала головой. Пакет с нейростимулятором, закрепленный на спинке кресла, опустел больше чем наполовину. Сам же раствор, который должен был быть ярко-красным, едва отливал розовым. Медикаментов катастрофически не хватало. Равно как и... всего остального.

На мои манипуляции Никс не отреагировала. Массивные очки виртуальной реальности скрывали глаза, из-за чего невозможно было понять, спала она или соревновалась в скорости взлома каналов связи со службой безопасности Центра. Судя по бесполезной картинке на голопроекторе, скорее, первое. Похоже, хакершу в очередной раз выбили из системы и она отдыхала перед новой попыткой.

Сказать по правде, я немного завидовала Никс. Напряжение, прятки от полиции, грызня с бандами и постоянная нехватка ресурсов совершенно не тяготили ее. Несмотря на непрекращающиеся облавы и необходимость раз в сутки менять одну вонючую дыру пятого района на другую, еще более заброшенную и неустроенную, хакерша исправно выполняла свою работу и не теряла присутствия духа и едкого юмора. А после того, как к нам во время очередной вылазки прибил Анхель, и вовсе казалась всем довольной.

Никс не позволяла себе ни секунды сомнений. Она четко знала, что хорошо, а что плохо, беспрекословно подчинялась Хавьеру Кесселю и не задавала вопросов. И вряд ли по ночам – или в то время суток, когда хакерше удавалось урвать несколько часов на восстановление сил, – ее мучили кошмары о том, что могло бы случиться или не случиться, откажись она от почти самоубийственной операции в Центре.

О себе я такого сказать не могла.

Душевая кабина. Громкое название для обшитого пластиком узкого пространства между двумя кубами серверов, куда подавалась отработанная вода из охладителей. В предыдущем убежище не было даже такой, так что мертвого хакера стоило поблагодарить хотя бы за это. А также за отдельную раковину, сушику, чистые полотенца и бритвенный вибростанок на проводе, протянутом сквозь стену. Тот еще был модник, похоже... Но шальной выстрел из самодельного дробовика пришелся манну в голову, так что оценить дизайн аккуратной бородки не удалось.

Я замерла у раковины, опершись руками на холодный пластик, и вгляделась в собственное отражение. Темные волосы, собранные в привычный высокий хвост, смуглая кожа. Казалось бы, я была все той же Соланой Диаз – с поправкой на постоянную усталость – и вместе с тем что-то изменилось внутри меня, изменилось настолько непоправимо, что я каждой клеточкой тела понимала – назад дороги нет.

Тряхнув головой, я решительно полезла в душ. Настроила подачу воды, подставила лицо теплым струям.

Не раз за прошедший месяц, проведенный в бегах, я задавалась вопросом, хотела бы я отмотать все к поворотной точке, к черте невозврата, к Хавьеру Кесселю, лежащему ничком в темном переулке у порога клиники. Хотела ли не спасать его, не вырывать из цепких лап смерти, не запускать цепочку событий, связавших наши судьбы воедино и радикально изменивших мою жизнь и меня саму.

Нет.

Ответ всегда был – нет.

Сейчас я как никогда ясно понимала – Хавьер Кессель был лучшим, что могло случиться с семнадцатым районом. Проведя с ним почти месяц, я не могла не заметить, насколько же сильно он

отличался от других предводителей банд, в изобилии расплодившихся на теневой стороне Абисс-сити. Да, Кессель не был героем без страха и упрека, но он заботился о своих, избегал ненужного насилия и не терял самообладания даже в критических ситуациях. Он отличался от всех, кого я знала.

И я... восхищалась им. Не только профессионально, но и... как фемма манном. Восхищалась безупречным телом боевой машины, будто созданным для того, чтобы сражаться наравне с солдатами в литианских экзоскелетах. Железной волей и абсолютным самоконтролем, позволившим молодому шейдеру возглавить «Механическое солнце» и заслужить уважение в преступном мире окраин. Спокойной, уверенной силой, которой хотелось покориться.

Я закрыла глаза, казалось, на мгновение.

Слайд-дверь с легким шорохом скользнула в сторону.

Но не движение привело меня в чувство. А осознание, что за спиной он.

Теперь я всегда безошибочно узнавала его – то ли чутьем, то ли инстинктами. Шейд радостно восторжен от близости дуальной сущности. Я замерла, не поворачивая головы, чувствуя, как скользит по спине темный голодный взгляд – ниже, ниже. И...

Ждала.

Ждала, как забарабанят по широким плечам теплые струи, извилистыми дорожками стекая туда же, куда устремились мои затуманенные паром мысли.

Ждала, как тело, восхитительно сильное и горячее, прижмется так крепко, что ни одна капля воды не сможет просочиться между нами.

Ждала, как руки скользнут по плечам, бокам, животу. Как пальцы, одновременно ловкие и нежные, одним дразнящим прикосновением к напряженной груди разожгут внутри желание.

Ждала легкого укуса в основание шеи, мгновение спустя сменяющегося поцелуем, а затем еще одним, и еще, еще – так, что я не могла сдержать стона.

– Хави...

– М-м-м.

Широкие ладони манна легли на мои бедра, притягивая, лаская. Шейд внутри буквально захлебнулся от эмоций – да, да, еще, дай мне больше! Но шейдер не спешил. Я чувствовала восхитительную

твердость Кесселя – готового, уверенного, горячего и вместе с тем оставлявшего мне ровно столько свободы выбора, сколько я и хотела.

Открыто. Честно. Без принуждения и доминирования наших вторых сущностей, хоть я и чувствовала, что, дай им волю, я давно бы оказалась впечатанной в холодную стену душевой, пока Кессель вбивался бы в меня с голодным животным рыком.

Воображение и шейд подтолкнули мне эту картинку, расширили, добавив стонов – жарких, страстных. Неужели не хорошо? Отдаться Кесселю ко взаимному удовольствию, напав энергией обессиленные дуальные сущности. Сделать то, чего уже так давно хотелось, но чему всегда находились отговорки – не то место, не то положение, не тот настрой...

Потянувшись назад, я провела рукой вверх-вниз. За шумом воды послышался приглушенный свистящий выдох, который лишь распалил мою решимость. В конце концов, можно вечно ждать этого подходящего спокойного момента, чтобы сесть и разобраться в себе, своих чувствах и своем втором начале. Но зачем, когда вот же он здесь, Хавьер Кессель, манн, рядом с которым мое сердце бьется чаще, а внизу живота нарастает нервно-приятный предвкушающий спазм. И хочется большего. Хочется позволить себе больше.

Почему бы не сейчас?

С силой, которой не ожидала после долгих недель полубессонных скитаний, я развернулась в руках Хави и впилась в его губы яростным поцелуем. Шейдер ответил с не меньшей страстью. Горячие струйки воды стекали по лицу, мешая дышать, но мы едва замечали их, увлеченные друг другом.

Крепкие ладони подхватили меня под ягодицы, упирая спиной в стену душевой – и совсем, как оказалось, не холодную. Я вцепилась ногтями в широкую спину, выгнулась...

Би-ип, би-ип, би-ип!

Слайд-дверь отъехала в сторону, выпуская наружу пар и впуская холодный воздух и обладателя самого незатыкающегося коммуникатора на всем Абиссе. Недвусмысленная поза, закрытая дверь, намекающая на желание уединиться, и любезно освобожденная койка Анхеля при этом совершенно не смутили. Как я успела убедиться за время совместного существования, деликатность и уважение к личному пространству были ему чужды как таковые.

– Выйди, – не поворачивая головы, бросил глава «Механического солнца». – Считаю до трех. Раз. Два с половиной...

– Хавьер...

И что-то в голосе Анхеля, напряженном и звенящем, заставило нас прислушаться. Старший Кессель выдохнул сквозь сжатые зубы, посмотрел на меня, улыбнулся, криво и немного виновато. Пожав плечами, я расплела ноги, опускаясь на пол, – Анхель есть Анхель, ничего не поделаешь. От гормонов, вброшенных в кровь шейдом, немного потряхивало, и зеленая макушка младшего Кесселя, видневшаяся через плечо старшего брата, вызывала раздражение и стойкое желание отделить наглую голову от бесполезного тела. Судя по тому, как ходили желваки на лице Хавьера, тот думал примерно о том же.

Хорошо хоть, у Анхеля хватило ума дать нам остыть – и даже предусмотрительно швырнуть парочку полотенец из комнаты с раковиной, – а то вторжение в душ реально могло закончиться братоубийством.

Кессель вышел первым. Я следом.

Анхель был взбудоражен – ноздри нервно раздувались, взгляд перескакивал с предмета на предмет, от крепко стиснутых кулаков на мощных руках вздулись вены. По татуированной коже красными гребнями поднимались – и тут же опускались – чешуйки шейда. Не знай я, что вся химия, контролируемая в пятом районе враждебными «Яростными кулаками», давно кончилась, решила бы, что Анхель под кайфом.

Но эту стадию мы уже прошли – дважды я лично выводила шейдера из комы, а агрессию озверевший от ломки младший Кессель вынужденно вымещал в спаррингах с братом и яростных кувырканиях с Никс, когда хакерша была в настроении для постельных игр. В остальное же время неумные аппетиты Анхеля с успехом разбивались о легкий хлопок по ягодицам и мурлыкающее «не сейчас, милый», и, к моему удивлению, шейдер прекращал попытки залезть в чужие трусы и уходил колотить пустые ящики в подвале или искать счастья на стороне.

Впрочем, сейчас был не один из этих случаев.

– Рамон вышел на связь, – сквозь зубы процедил младший Кессель. – Ему и небольшой группе наших удалось прорваться из

оцепленного семнадцатого в пятый. Половина ранены.

– Пусть уходят вглубь сектора, – отрезал Хавьер. – Рамону известны основные точки.

– Литианам тоже. Вспомни, что случилось с группой Васкеса, которого мы с трудом вытащили из полицейского участка этого шиссового ублюдка Ли Эббота. Стоит нашим показать нос в убежище, их повяжут за пять минут. А то и проще...

– Рамон – безопасник. Он знает, что делать, и справится без нашей помощи.

– Поздно... – Анхель поморщился, упрямо поджав губы. – Я уже принял вызов. И согласился встретиться. Точка в четвертом квадрате.

– Ты... что?

Тут опешила даже я. Да, младший Кессель не отличался особым интеллектом, но надо было быть клиническим идиотом, чтобы вот так запросто подставить под удар и нас, и Рамона – а заодно и остальных шейдеров «Механического солнца», разбросанных по трущобам Абисс-сити. Хавьер неделю выбивался из сил, пытаясь обеспечить безопасный переход в другой район, договариваясь с местными главарями, но переговоры пока не дали результата. Нужно было еще несколько дней.

И вот, пожалуйста. Вся операция шиссу под хвост из-за одного...

Но Анхель встретил разъяренный взгляд главы «Механического солнца» с непривычным упрямством.

– Иначе было нельзя, – обреченно проговорил он. – С ними Ракель.

Глава 2

– Ситуация в Абисс-сити, где неделю назад вооруженная группа шейдеров совершила нападение на полицейский участок северо-западного центрального городского округа, по-прежнему остается напряженной. – Тонкие брови на кукольном личике литианки, ведущей голоновости, приподнялись, выражая тщательно выверенную степень обеспокоенности. – В результате неправомерных действий пострадало четыре сотрудника полиции. По оценкам независимых экспертов, общая сумма ущерба составила три миллиона четыреста семьдесят тысяч кредитов. Несмотря на активные розыскные действия и обнаружение штаба преступной группировки – так называемой банды «Механическое солнце», запрещенной на территории Литианского сектора, – основные организаторы налета до сих пор не найдены. Усиленные отряды полиции осуществляют оперативные действия в пятом, седьмом, семнадцатом и восемнадцатом районах Абисс-сити, в связи с чем на указанной территории введен пропускной режим и комендантский час. Власти мегаполиса обсуждают необходимость полной блокировки семнадцатого района, где по имеющимся данным базируются основные силы банды.

Я зло стиснула зубы.

– Напоминаем, – оскалилась с виртэкрана ведущая, – что виновные в преступлении все еще остаются на свободе. Если у вас есть какая-либо информация о местонахождении лиц, указанных на экране, просим сообщить на горячую линию или в ближайшее отделение полиции. Сумма вознаграждения приведена ниже.

Голову литианки сменили кривые голограммы предполагаемых организаторов налета. Изображения были нечеткими – видно было, что использовались данные с уличных камер видеонаблюдения, не позволявшие составить точные портреты боевиков. «Хавьер Кессель», «Анхель Кессель», «Рамон Перес» и другие члены «Солнца» были почти неузнаваемы. Зато «Солану Диаз» голоновости показали во всей красе – не иначе как отчим, чтоб его шиссы сожрали, предоставил полиции мои старые записи.

Никогда не интересовалась новостями – и вот, внезапно оказалась в центре того, что транслировалось по центральным литианским каналам.

– Да ты у нас звезда, детка, – развязно хохотнул Анхель, когда кадры, сделанные матерью в одну из наших последних прогулок по Центру, сменились более свежим изображением. Скрытая камера засняла, как я наклонилась над монитором, проверяя показатели. – Аппетитнее иных актрис.

Я хлопнула рукой по пульту, отключая проекцию. При виде клиники Михелей сердце кольнуло тупой иглой потери.

– Не смешно.

– Известность нашей детки создает определенные сложности, – поддержала Никс. – С засвеченным лицом я бы справилась – полтюбика зеленой краски, искажающая голографическая маска и поддельный ид-чип нам в помощь, – но что-то я сомневаюсь, что Ли Эббот ограничился передачей в базу старого семейного архива. Много у него на тебя нарыто?

Я поежилась.

– Судя по последней записи из клиники, предостаточно.

– Данные легального чипа плюс петабайты видео. – Хакерша покачала головой. – Фигура, походка, жесты, биохимические реакции тела – у них есть все. Тебя вычислит первая же камера с биометрическим сканером. Зато понятно, откуда в районе столько полиции после последней вылазки.

– Я могу остаться.

– Нет! – взвился Анхель. – Нам нужен медик в группе. А вдруг Ракель ранена? А вдруг они все ранены? И что тогда?

– Тогда они не дойдут до точки, и вы зря потратите время и ресурсы, – рявкнула Никс. – А с Соланой до точки не дойдете вы. Что, давно не бегал от литианских дронов, сладкий?

– Пусть попробуют! Я готов!

– Зато я не готова.

Я сложила руки на груди.

– Ты можешь пойти по канализациям. Стены коллекторов глушат сигналы поисковиков.

– Вот и иди хоть сразу к шиссу в пасть. Ты эту гадость заварил – сам и выкручивайся.

– Не моя вина, что ты у нас золотая девочка с самого верха, на которую приемный папочка-полицейский наснимал кучу домашнего видео...

– Анхель, милый, заткнись-ка ты лучше. Я ощущаю дурные вибрации в воздухе.

– Хави, ну, объясни ты им...

– Солана остается.

Голос разума и мой вздох облегчения утонули в возмущенном реве Анхеля.

– Что? Как? Почему?

– Солана остается, – тоном, не терпящим возражений, повторил глава «Механического солнца».

Кессели собрались быстро. Четверть часа на разведку обстановки и изготовление поддельных ид-чипов по базе местного морга, десять минут – на подзарядку оружия. В охладителе оставались последние полпачки стима, и я разделила его между братьями. Увы, неполный шприц золотой жидкости взрослому манну был как шиссу микрочип. На частичную трансформацию и то не хватит.

Шейд внутри недовольно ворчал, требуя своей порции, но я усилием воли приказала второй сущности успокоиться. Кесселям, выполнявшим в команде основную физическую работу, было нужнее. А я неплохо жила на энергетических батончиках из ближайшего магазина...

И поцелуях с Хавьером. Редких, почти случайных – но отчаянно-жадных, после которых в теле вновь появлялась сила и желание жить. Жаль только, что обстоятельства так и не позволили зайти дальше.

– Пустой перевод ресурса, – ухмыльнулся Анхель, уже получивший свою дозу и теперь активно мешавший процессу, глядя через плечо, как я обрабатываю антисептиком руку Хавьера перед инъекцией. – Лучше бы вкатила все мне, а оставшееся время потратила на то, чтобы восстановить нашего лидера древнейшим способом. Пушкам еще семь минут заряжаться. Насколько я знаю Хави, ему с лихвой хватит.

– Не вламывался бы в душевые кабины, получил бы двойную порцию, – огрызнулась я, примериваясь к выпуклой вене.

– А может, поменяемся? Ему – стим, а мне – твою аппетитную шейдерскую... Ай! Да понял я, понял и заткнулся.

Я хмыкнула. Удивительно, как Хавьер умудрился извернуться и пнуть брата, не изменив положения руки. Талант, да и только.

– Вернемся к вечеру, – пообещал лидер «Механического солнца», на мгновение сжав мою ладонь.

Без Кесселей время потянулось медленно. Никс засела за литианские полицейские переговоры, а я с головой ушла в изучение местной карты, пытаюсь отыскать плохо охраняемые склады, закрытые за пособничество конкурирующим бандам рестораны и магазинчики нор-ров, а также любые другие места, где у нас еще оставался шанс отыскать припасы и медикаменты.

Долгие поиски неожиданно увенчались успехом. Если судить по данным уличных камер, прямо сейчас небольшая медицинская компания освобождала два этажа и склад в высотке на границе пятого и пятнадцатого. Вряд ли рабочие оставили много полезного, но в качестве временного убежища место показалось вполне неплохим. Коммуникации и внутренние сети работали, аренда была оплачена еще на пять дней, а «Кулаки» в тот район почти не забредали.

Я повернулась к Никс, чтобы поделиться находкой, – как раз вовремя, чтобы увидеть, как хакерша, витиевато выругавшись, содрала с головы шлем.

– Что случилось?

– Повышенная активность полиции в четвертом квадрате, вот что случилось, – зло выплюнула она. – Кто-то сдал литианам точку сбора, а заодно любезно указал все возможные пути отхода. И когда я узнаю кто...

Кулак сжался вокруг шлема с такой силой, что затрещал пластиковый ободок обшивки. Но грозные обещания Никс расправиться с предателем волновали меня сейчас в последнюю очередь.

– Надо предупредить Хавьера.

– Пытаюсь, как видишь... – Тонкие пальцы порхали по виртэкрану коммуникатора. – Хави, Хави, как слышно? Это срочно. Отмена. Я повторяю, отмена. – Мы замерли, напряженно вслушиваясь в тишину, но ответом был лишь шорох помех. – Шисс, они глушат частоты. Подожди, попробую пробиться.

– Нет! – План пришел даже прежде, чем я осознала, что означали красные точки, наводнявшие карту, выведенную через голопроектор. –

Нет времени. Литиане уже накрыли точку сбора и прилегающие районы. Еще немного, и они вычислят нас. Уходим. Нужно предупредить Хавьера и Анхеля, прежде чем они угодят в ловушку.

После секундного размышления Никс коротко кивнула.

Словно в насмешку, на столе пискнул коммуникатор, который старший Кессель использовал для переговоров по закрытому каналу связи. На экране мелькнуло изображение шейдера – породистое скуластое лицо с темными узорами татуировки, волевой подбородок, легкая светлая щетина, пронзительный хищный взгляд. Но, прежде чем манн заговорил, Никс торопливо свернула виртэкран.

– Не нашего ума дело, – проговорила она, проследив за направлением моего взгляда, и, не сдержавшись, выругалась. – Шисс, если бы Хави был здесь...

– Кто это?

– Дамиан Рохас, – ответила хакерша с неохотой. – Из пятнадцатого района. Лидер «Хирургов». Понятия не имею, зачем Хавьер решил связаться с этим шиссом, но лучше нам не заставлять Рохаса ждать.

Коммуникатор переключался на свободное запястье Никс. Два голопроектора повисли на поясе. Шлем виртуальности хакерша, немного поколдовав с настройками, кинула мне, коротко приказав очистить от ненужного пластика. Силы шейда даже без дополнительной подкачки стимулом хватило с избытком – в несколько движений от громоздкого шлема осталась лишь тонкая полоска визора. Ее Никс нацепила мне на лоб.

– Настрою простую голограмму – хватит, чтобы обмануть уличные камеры. Но остальное, детка, тебе придется делать самой.

– Что именно?

Вместо ответа Никс хлопнула меня по заднице и вытащила из-под кресла ворох помятой одежды из личного гардероба любовниц предыдущего хозяина серверной, очевидно предлагая мне подобрать среди коротеньких топов и юбок, больше похожих на пояса, что-нибудь для себя. Проще было сразу выйти на улицу в нижнем белье.

Отыскав полупрозрачный укороченный топ, отливающий всеми цветами неоновой радуги, я с сомнением повертела его в руках.

– Предлагаешь изображать в этом... хм... продажную фемму?

Хакерша польщено фыркнула.

– Кого угодно, детка. Кого угодно, главное, не саму себя.

Хакерская нора, служившая нам временным убежищем, располагалась в довольно тихом промышленном районе. С одной стороны, это было кстати – меньше шансов, что кто-то отследит подозрительную активность в здании, которое по всем правилам должно было быть абсолютно пустым. С другой стороны, это же создавало дополнительные проблемы. На территории комплекса не бывало случайных прохожих, и внезапное появление шейдеров без должного разрешения и экипировки моментально могло привлечь ненужное внимание. И пусть возвращаться обратно, с учетом подозрительной осведомленности литиан, мы уже не собирались, все равно пришлось совершить увлекательную прогулку по техническим коридорам, вентиляционным шахтам и протянутым между зданиями силовым кабелям – так, на всякий случай.

До прилегающего к промышленному комплексу квартала нор-ров добраться, однако, не успели. Во время последней перебежки в слепой зоне камер Никс заметила грузовой хOVER. Вокруг транспортника сновали приземистые роботизированные платформы. Охранники стояли поодаль и, судя по расслабленному виду, не ждали никаких проблем с разгрузкой.

Глаза Никс хищно блеснули. Хакерша завела руку за спину, вытащила из заднего кармана шорт массивный браслет, по щелчку пальцев развернувшийся в металлический каркас литианской экзоперчатки. Надев его, Никс медленно, чуть ли не ползком, двинулась к хOVERу.

– Что ты делаешь? – одними губами прошептала я.

«Наслаждайся, – высветился перед глазами ответ, пришедший на монитор визора. – Когда начнутся выстрелы, беги и запрыгивай на пассажирское сиденье».

Я только головой покачала. Безумие – угонять транспортник прямо на глазах вооруженной охраны. Но что делать? Хавьер и Анхель давно ушли, до назначенного времени встречи осталось совсем недолго. Если мы хотели перехватить Кесселей, нужно было действовать быстро, а передвигаться еще быстрее.

Притаившись за углом склада, я наблюдала, как Никс, крадучись, подбирается к хOVERу. Хакерша держалась в тени силовых кабелей,

проложенных вдоль разгрузочной площадки. Охранники не обращали на нее внимания, занятые разговором.

Резкий бросок, кувырок – и Никс, тонкая и щуплая, закатилась прямо под низкое брюхо транспортного средства. Я задержала дыхание, готовая в любое мгновение сорваться в атаку, если кто-то дернется в сторону хOVERа. Но нет. Секунды шли, платформы сновали туда-сюда, один за другим вынимая тяжелые бронированные ящики, переговаривались охранники. Опасный маневр Никс остался не замеченным никем, кроме меня.

Минута. Две...

Внезапно хOVER чихнул. Темное облако вырвалось из-под брюха транспортного средства, окутав зону погрузки едким дымом.

Охранники заволновались. Но не успели они толком оценить ситуацию, как двигатели взревели, и хOVER, точно ослепленная тварь с пустошей, заметался по пустой площадке. Никс нигде не было видно. На секунду в душе всколыхнулась тревога, но, видимо, хакерша знала, что делала, затаившись под брюхом неуправляемого транспортного средства.

– Скорее, скорее, отстрелите блок управления, пока не рвануло! – раздались крики, приглушенные гермошлемами.

– Шиссова рухлядь вечно выходит из строя!

– Да не тормозите вы, внутри еще три ящика! Если вдруг что, с нас взыщут! А у меня кредит!

Затрещали выстрелы – сначала неуверенные, но постепенно переходящие в шквальный огонь.

«Сейчас, – вспыхнул визор. – Вдоль стены. Семь секунд».

Не тратя времени на раздумья, я побежала – быстрее, быстрее, – чувствуя, как шейд вкачивает энергию в мышцы. Мне еще не слишком хорошо давались пружинистые легкие движения, как у Хавьера, но в контроле над способностями второй сущности я делала определенные успехи.

После неизбежно придет откат – слабость и зверский голод, – но сейчас главное было убраться отсюда, как можно скорее найти Кесселей и вытащить их из лап литиан.

Из-за угла на полном ходу вывернул хOVER. Двигался он уже более целенаправленно и уверенно. Похоже, Никс приноровилась к управлению и теперь развлекалась вовсю. Позади слышались выстрелы и топот ног, но охрана была еще далеко.

«Три секунды».

Мысленно начала обратный отсчет.

Разогналась еще сильнее – и на «один» оттолкнулась обеими ногами от стены, бросая тело прямо на летящий хOVER.

Расчет оказался верным примерно наполовину – меня зашвырнуло на сидение, а потом со всей силы впечатало в переднюю стенку грузового отсека. От удара из легких выбило воздух, но серебристая чешуя шейда, вовремя прикрывшая бок и спину, защитила от серьезных повреждений.

Немного придя в себя, я перебралась на водительское кресло. Взялась было за рычаги – но сразу же поняла, что это бесполезно. ХOVER был под полным контролем Никс. Оставалось, как и во многом другом, смириться и расслабиться, доверившись талантам хакерши. И надеяться, что мы прибудем в нужное место, прежде чем охрана доложит о вышедшем из строя хOVERе и нас собьет первый же полицейский патруль во избежание опасной ситуации на трассе.

– Не парься! – Подтянувшись на руке с экзоперчаткой, Никс перебралась через порог кабины и развалилась на водительском кресле. – У нас есть примерно десять минут. Прокатимся с ветерком, а потом бросим эту малышку и пойдем пешком. Четвертый квадрат уже близко. Вперед!

Будто услышав приказ хакерши, хOVER взревел и на полной скорости снес складские ворота, вырываясь на загруженные трассы пятого сектора.

Десять минут безудержной гонки по воздушным путям с ежесекундным риском врезаться в недостаточно верткий пассажирский хOVER или аэробайк, и все закончилось. Бешеный транспортник успешно сделал вид, что окончательно потерял управление, и рухнул с дороги в неприметный переулок четвертого квадрата, заваленный строительным мусором. Сканеры показали движение группы полицейских, заметивших аварию, но к тому времени, как они добрались до места крушения, мы с Никс были уже далеко.

– Судя по сигналу маячка от фальшивых ид-чипов... – Хакерша, раздетая еще сильнее, чем обычно, подхватила меня под локоть, призывно виляя бедрами и посылая игривые взгляды прохожим. – Короче, Кессели примерно в трех кварталах отсюда. Плюс-минус пара

улиц, так что придется побегать. И от полиции тоже. – Заметив в переулке группу литиан в экзокостюмах, Никс потянула меня в толпу, выходящую из ближайшей станции скайвея. – Да не верти ты головой, детка, крути задом. Держись естественнее.

Легче было сказать, чем сделать. Как я могла притвориться развязной и дерзкой, когда внутри была точно сжатый комок нервов?

Да и окружающие не давали расслабиться. То ли маскировка Никс работала, то ли в пятом было больше грязи, чем в родном семнадцатом, – развязные оклики и предложения уединиться сыпались со всех сторон, сопровождаясь шлепками и попытками залезть под юбку. Приставали в основном полукровки и шейдеры, по виду которых сложно было говорить о цивилизованности.

Какова банда, таков и район. Нам с Саулом приходилось принимать в клинике проституток, и все они говорили, что «Механическое солнце» не дает спуску тем, кто слишком распускает руки. Но «Кулакам» и на своих, и на залетных, очевидно, было наплевать – лишь бы платили за покровительство.

Заплатить пришлось. Не успели мы пробыть на улице и пяти минут, как нас заметили. Бандитского вида шейдер с татуированным знаком «Кулака», чей многократно перебитый нос не могла исправить никакая регенерация, оттащил нас в сторону и потребовал разрешение на работу стоимостью в пятьсот кредитов – больше, чем можно было получить за ночь в трущобах.

– Нет денег – можете отработать со мной и моими друзьями, – нагло хохотнув, предложил «Кулак», по-хозяйски положив руку мне на грудь. – Мы как раз не против поразвлечься.

Я возмущенно вывернулась, с трудом подавляя желание помочь манну расстаться с явно ненужной конечностью. В десяти шагах от нас дружки «Кулака» трясли перепуганного нор-ра с тележкой уличной еды. Еще трое бандитов глядели из темного переулка.

Нет. Слишком много.

– Мы заплатим, заплатим, сладкие. – Крашенные коготки Никс скользнули по голой груди манна к карману брюк. – Держите. А нам с подружкой пора работать.

– То-то же!.. – ухмыльнулся «Кулак» и махнул рукой ожидавшим бандитам. – За мной. Я угощаю.

Шейдеры нетрезвой походкой зашагали прочь. Я проводила их злым взглядом – а потом поспешила к нор-ру, чтобы помочь поднять перевернутую тележку.

– Шпашибо, Шей, – поклонился торговец.

– Не обольщайся, приятель. – Никс хлопнула его по плечу. – Кредиты фальшивые. Так что, когда они разберутся, лучше бы тебе быть отсюда о-о-очень далеко.

Нор-р понятиливо кивнул. Хакерша наклонилась к нему – со стороны казалось, будто она решила поцеловать спасенного в щеку, но я видела, как быстро шевелились полные алые губы. На прилавок упало несколько кредитов – на этот раз настоящих. Никс едва успела подцепить с жаровни тонкую питательную пластинку, как тележка резко сорвалась с места. Несколько секунд, и торговец растворился в толпе.

– Вперед! – Хакерша вновь подхватила меня под локоть. – Уже недалеко.

Еще две полутемные улицы, переполненные затравленными нор-рами, грязными ресторанами, дешевыми клубами под безвкусными неоновыми вывесками и жуликами всех мастей, – и мы наконец добрались до нужного места. Нас пытались снять еще трижды, один раз пришлось отбиваться от конкуренток и дважды обходить полицейские посты, проверявшие у хмурых горожан документы. К счастью, карта, выведенная на визор, позволяла вовремя засекать угрозы, избегая ненужных столкновений. Или Никс, используя врожденное чутье, доставшееся полукровке от предков-нор-ров, моментально реагировала на изменения в движении толпы и начинала заблаговременно искать пути обхода.

Мимо проехала еще одна уличная тележка. Круглолицая нор-ра, на секунду отвлекшаяся от бесконечных однообразных завываний – «мяшные кубики, вкусные мяшные кубики ш пылу ш шару», – сунула в руку Никс палочку с закусками, кивнула куда-то в сторону и заторопилась дальше, предлагая товар.

Зачем-то я проследила за ее взглядом – и сердце забилось быстрее, растревоженное взбудораженным шейдом, почувствовавшим близость дуальной сущности.

Кессель был здесь. В толпе, в нескольких десятках метров от нас.

Мимо прошли полицейские. Спрятав страх глубоко внутри, я выпрямилась и нарочито дерзко повела бедрами. Луч сканера мазнул по мне, но в последний момент литианина отвлек нор-р, неудачно упавший прямо под ноги полицейского, и проверка так и осталась незавершенной.

Повезло.

– Разделяемся, – тихо шепнула Никс. – Я к нашим, ты к стойке с энергетиками. Встречаемся на точке, которую ты нашла днем. Помнишь координаты? Маршрут проложить сможешь?

– Да, но...

Я хотела добавить, что не понимаю, почему мы не можем перехватить Кесселей вместе, но Никс уже отделилась от меня, напоследок подтолкнув к указанной стойке.

– Не желают ли brave манны развлечься сегодня ночью? – послышался голос хакерши. – Могу удовлетворить сразу обоих, но, если не хотите делиться, у меня есть две виртуальные подружки, которые скрасят ожидание, пока я работаю.

Краем глаза я успела увидеть, как Никс сняла с висков визор и ловким движением натянула его на глаза Хавьеру. Как шейдер отреагировал на появление Никс и что увидел на экране, узнать не успела – в ладонь вцепились узловатые пальцы торговца энергетиками.

– Бар под шелтой вывешкой, Шей, – скороговоркой проговорил он. – Быстрее.

В дальнем конце улицы появился усиленный литианский патруль, так что медлить я не стала, бросила короткий взгляд на Хавьера, которого Никс уже тянула в ближайшую подворотню, и без раздумий влетела вслед за худощавым нор-ром в низкую дверь бара. Готовилась ко всему – начиная от полицейских и заканчивая горячей встречей с недавними бандитами «Яростных кулаков», – но никак не ожидала встретить во враждебном районе старого знакомого.

– Нор Цинь? – вырвалось изумленное.

Старый сухощавый нор-р выбрался из-за стойки и заключил меня в теплые, почти отеческие объятия. Посетители одобрительно загалдели, стуча ложками по разномастным алюминиевым мискам.

– Шей Шола. Шива.

– Как вы здесь оказались? Давно? Что случилось с вашей закусочной в семнадцатом?

– Вше... меняетша, Шей Шола... – Лю-Цинь неопределенно махнул рукой и мягко улыбнулся, словно говоря – дело прошлое, ничего уже не исправишь. – И ты. Ишменилашь. Ош-шень. Теперь Шей. Наштояш-шая, – хитро подмигнул он. – Пош-шти.

Я смущенно кашлянула. Прозорливость старого нор-ра всегда приводила меня в замешательство.

Но пообщаться нам не дали. В бар заглянул другой нор-р, вид у него был взволнованный. Короткий обмен взглядами, и Лю-Цинь, взяв меня за руку, настойчиво потянул к кухне.

– Уходить. Надо уходить! – Он подтолкнул меня к низкому темному проему, за которым неровными ступенями спускалась во мрак лестница. – В подвал, а оттуда еще нише. По трубе. Не бойша – шишшов нет. Мы вшех отвадили ешше давно. Найдешь друшей.

– Друзей? – переспросила я непонимающе.

– Шейдеров. Ш Шемнадцатого. Шолнце.

Я замерла. Неужели старый Лю-Цинь имел в виду группу Ракель и Рамона? Они... здесь?

– Там.

Словно подслушав мои мысли, нор-р нетерпеливо показал себе под ноги.

– Спасибо, Нор Цинь! – Я крепко обняла старого друга. – Спасибо. За все.

– Не за што, Шей, – послышалось сверху. Нор-р на секунду пропал – а затем на меня посыпались запечатанные питательные пайки и несколько банок энергетиков. Я торопливо собрала все в сброшенную следом сумку. – А теперь беги. Шиво, шиво!

Дверь с грохотом захлопнулась, отсекая от света и спасительного бара.

Медлить было некогда.

В ночном зрении шейда мир казался совсем иным. Плесень, росшая по стокам коллектора, светилась зеленоватым флуоресцентным светом. На стенах в местах прилегания силовых кабелей то и дело проступали паутинки энергетических линий – похоже, серьезные проблемы с изоляцией. Сверкали из темноты красные глаза грызов. Хищники скалили неровные острые зубы, но подойти не решались, чувствуя исходящую от шейдера угрозу.

В остальном подземные коллекторы были и оставались худшим местом в Абисс-сити. В отличие от семнадцатого, близость пятого района к Центру и многоуровневым высоткам требовала разветвленной сети канализаций, уходящей на десятки ярусов вглубь. Мусорные реки сменялись мусорными водопадами, потоки сливались, а где-то на самом нижнем уровне пировали шиссы, и их утробное рычание эхом отдавалось от каменных сводов.

Что ж, по крайней мере, ни одна из этих тварей не рвалась наверх, что не могло не радовать.

Сверившись с картой тоннелей, я отметила ближайшие точки выхода к месту сбора в четвертом квадрате и бодро зашагала вперед, стараясь не думать о том, что хрустело, шипело и чавкало под ногами. Отыскать группу шейдеров в коллекторах, глушащих все возможные сигналы, представлялось той еще задачей, но все же это было куда проще, чем найти маленький дротик среди тонн мусора. А дротик мы с Хавьером нашли. Даже не верилось, что это было всего месяц назад...

После часа блужданий, когда я успела уже сто раз решить, что заблудилась окончательно, за очередным поворотом забрезжил свет. Я замерла, напряженно вглядываясь, и заметила пляшущие по потолку вытянутые тени. Раздались голоса двоих или троих чавкающие шаги, приближавшиеся ко мне из бокового коридора.

Оружия при мне не было, и оставалось лишь рассчитывать на фактор внезапности и то, что незнакомцы не выстрелят первыми. Однако отчетливое «Хавьер» и смутно знакомый голос развеяли мои сомнения. Оторвавшись от стены, я сделала шаг вперед, выставя перед собой пустые ладони.

– Хорхе, это я, Солана. – В глаза ударил яркий свет, а чуткий слух различил щелчок взведенного бластера. – Не стреляй, у меня нет оружия.

– Диаз? – послышался недоуменный вопрос. Свет погас. Проморгавшись, я увидела в десяти шагах зеленоглазого шейдера в потрепанной спецовке, которого Хавьер когда-то давно представил мне как инженера широкого профиля. Позади с бластерами наготове стояли еще двое. Один из шейдеров смотрел подозрительно, второй, кажется Шон, с удивлением. – Откуда... Что ты здесь делаешь?

– Нет времени объяснять. В четвертом квадрате облава, квартал наводнен литианами. Кто-то сдал точку. – Лицо Хорхе помрачнело. Похоже, группа Рамона тоже успела пострадать от действий предателя. – Нужно идти дальше. Хавьер уже на пути к новому месту встречи.

– Хорошо, – чуть помедлив, отозвался инженер. – Но это будет непросто. У нас семь раненых, мы еле прорвались в пятый через оцепление. Мобильность группы снижена, сюда добирались почти двое суток.

Достав из сумки несколько питательных пайков, я кинула их шейдерам.

– Посмотрю, что можно сделать.

– Многие слишком ослаблены, не хватает стиму. Ракель подлатала всех, кого смогла, но раны плохо регенерируют. Похоже, литиане начали обрабатывать пули той дрянью, что нашли вы с Хавьером.

Я покачала головой. Плохо. Пока полицейские гоняли нас по всему Абисс-сити, разработчики неизвестного вещества, убивающего шейдеров, не сидели сложа руки.

– Как Ракель?

– Цела. – Оторвав зубами край пакета, Хорхе в три глотка высосал паек. – Истощена, как и остальные, но в перестрелке не пострадала. Рамон вывел нас из-под обстрела, можно сказать, с минимальными потерями.

– Уверена, Анхель будет раз это услышать.

– Анхель, конечно. – Инженер закатил глаза, но чувствовалось, что он рад был услышать знакомое имя. – Живучий шиссов сын. Так и знал, что его никакая литианская облава не возьмет.

Ракель и остальные расположились неподалеку на пересечении двух мусорных тоннелей. Шон, обогнавший разведывательную группу, уже успел предупредить о моем появлении, и в отряде ждали меня и заветных пайков с большим нетерпением.

Я оглядела помятых и потрепанных шейдеров «Механического солнца». Большинство из них оказались мне незнакомы, но видеть Хорхе, Шона, Ракель и даже неизвестно как пережившего тяготы многодневного бегства Химики было по-настоящему радостно. Как будто все они были моей семьей, потерянной и вновь обретенной.

Бывшая хозяйка «Логова» первой выступила из темноты. Мы обнялись долго и крепко, словно добрые подруги. Будто и не было отчуждения и давней ссоры. Честно сказать, я уже и не помнила, что послужило ее причиной. Главное, что Ракель была жива, а остальное не имело значения.

– Ты вовремя, – улыбнулась она, тряхнув густой косой, перекинутой через плечо. – Раненые в боковом коридоре. Если сможешь поднять хотя бы двоих, это значительно облегчит передвижение. Как я поняла, пройти предстоит немало.

Я кивнула.

– Попробую.

– Больше всего проблем с Рамоном. Его ранило во время облавы из литианской плазменной винтовки. Я подлатала, как могла, однако без регенерации толку от этого мало. Он пока держится, но... Если нужны лекарства, все, что осталось, рядом с носилками.

Я бегло просмотрела содержимое армейской аптечки. Сtima, конечно, не было ни капли, зато нашелся целый шприц транквилизатора и два пакета обезболивающих капсул. Не так уж и плохо...

– Сола...

Голос дяди, раздавшийся с ближайших носилок, заставил меня вздрогнуть. Я бросилась к раненому шейдеру, на ходу вытаскивая из аптечки анализатор.

Показания были... странные. Хотя с учетом последних достижений литианской химической промышленности я взяла за правило ничему не удивляться. Но все же...

Выстрелы плазмой серьезно заделали бедро и плечо Рамона, а на боку обнаружился синеватый след энергетического разряда, но в целом ничего по-настоящему серьезного. Жизненно важные органы не были задеты. Однако даже после двух питательных пайков регенерация просто... отказывалась запускаться. Я тщательно осмотрела края ран и даже срезала немного ткани на анализ, но ничего похожего на вещество, которым пытали Михелей и едва не убили Хавьера, не обнаружилось.

Я ободряюще улыбнулась Рамону. Что ж, если шейд не хочет регенерировать, будем лечить стандартными методами. Главное – добраться до убежища, а там разберемся.

– Сола... – Умирающим шейдер не выглядел, зато говорил так, будто вот-вот собирался отправиться на тот свет. – Хавьер... нужно связаться с ним... скорее. Вызови его.

– Вы непременно встретитесь, дядя. – Я обработала раны Рамона обезболивающей пастой, сделанной из растворенных капсул. – Просто потребуется больше времени.

– Нет, нет!.. – Шейдер попытался встать, но я не позволила, волевым движением уложив его обратно на носилки. – Сейчас. Сейчас, Солана, это очень важно.

– Важно, чтобы ты как можно скорее поправился, – отрезала я, встряхивая шприц с транквилизатором.

С такой раной идти самостоятельно Рамон все равно не сможет, а лучший пациент – тихий пациент. Особенно тогда, когда нужно двигаться максимально скрытно.

Моих манипуляций дядя не видел. А когда увидел, было уже поздно.

– Солана!.. – Шейдер дернулся, выхватывая из моей руки шприц. По предплечью пробежала темная волна чешуи – наконец-то! – но справиться с мощным лекарством ослабленный организм был не в силах. – Зачем? Я должен...

– Отдыхай, – приказала я, глядя, как Рамон обмякает на носилках. – Ты сделал достаточно. Дальше мы сами.

Глава 3

Два шейдера, которых Ракель отрядила для переноски бессознательного Рамона, смерили меня тяжелыми взглядами – очевидно, расчет был на то, что внезапно появившийся из ниоткуда чудо-медик поставит отряд на ноги, а не погрузит половину раненых в медикаментозный сон, осложнив жизнь остальным, – но возражать не стали, молчаливо подхватив носилки. Вышло не очень слаженно. Брезент, намотанный на срезанные куски трубы, опасно натянулся, едва не вытряхнув пациента на замешкавшегося носильщика. Правая рука дяди, свесившись через край, разжалась, выпуская небольшой коммуникатор, который шейдер все это время крепко сжимал в кулаке.

– Осторожнее! – Я зло сверкнула глазами, опасаясь, что раны, едва затянувшиеся чешуей, могут открыться от неловкого движения. – Не мешок несете.

Ответа не последовало.

Наклонившись, я подняла коммуникатор, выпавший из безвольной руки. Он отчего-то показался мне странно знакомым, но было не похоже, что устройство принадлежало дяде. Цвет был нейтрально-темным, однако ремешок явно был коротковат для широкого запястья манна.

Потрескавшийся экран не раскрывался голографическим монитором и не отвечал на прикосновения, лишь мигал сбоку тусклым индикатором заряда. Здесь, в коллекторах, с их толстыми стенами и техническими системами жизнеобеспечения мегаполиса, искажавшими сигнал, любые средства связи становились бесполезны. Но на сердце все равно потеплело от мысли, что, даже раненый, дядя до последнего старался держать руку на пульсе. Я задумчиво повертела коммуникатор в руках и, не придумав ничего лучше, сунула в карман, чтобы вернуть при случае.

Носилки с Рамоном скрылись за поворотом, где Хорхе и Шон под руководством Ракель готовили группу для марш-броска до новой точки сбора. За ними унесли еще одного раненого, а двое, которым я таки смогла ненадолго облегчить боль и запустить регенерацию, ушли самостоятельно.

На мое попечение остался контуженный подросток-полукровка, устало привалившийся к грязной стене коллектора. Энергетический выстрел, по касательной задевший голову, ослепил и оглушил шейдера на один глаз и ухо – хотелось надеяться, что временно. Большого я сказать не могла. Нужен был сканер, медикаменты и квалифицированная помощь – или, на худой конец, несколько дней полного покоя и наблюдения, – чтобы определить степень поражения головного мозга. Но...

Я вздохнула. Все, как всегда, упиралось в эти шиссовы «но» – в отсутствие специалистов, ресурсов, времени. С тех пор, как литиане выбили «Механическое солнце» из логова и семнадцатого, жизнь свелась к бесконечному бегству и выживанию вопреки логике и здравому смыслу. Рука литианского правосудия, затянутая в непробиваемую броню, сжималась вокруг наших шей все крепче. Не сосчитать, сколько раз мне казалось, что нас вот-вот настигнут, загонят в ловушку и захлопнут капкан, раз и навсегда избавляясь ото всех, кто пытался оказать сопротивление.

Но литиане не учли одного. Шейдеры – живучие твари. Нас не раздавить ударом бронированного кулака, не вытравить, не уничтожить. И даже навязанный пропагандой блокиратор, подавляющий вторые сущности, способен лишь сдерживать нас – до поры.

Пока мы не будем готовы дать отпор.

Пока мы не встанем плечом к плечу, сытые по горло литианской диктатурой.

Шейд внутри откликнулся на мои мысли волной глухой злости. По плечу пробежала волна чешуи, затягивая обнаженную руку в прочный корсет живой брони. Я протянула серебристую ладонь шейдеру, с трудом сфокусировавшему на мне мутный взгляд.

– Давай, приятель. Еще одно усилие.

– Гаррет, – слабо улыбнулся он. – Гаррет Васкес. Вы с Хавьером вытащили из участка моего отца.

Отца... Огонек благодарности, промелькнувший в темных глазах полукровки, ранил в самое сердце. Гаррет не знал... пока не знал, что группа заключенных под предводительством Васкеса была ликвидирована литианами через три дня после побега. И я не хотела

раньше времени лишать его надежды – только не сейчас, когда так важно было удержать манна в мире живых.

– Гаррет, – растянув губы в профессиональной улыбке Саула, терпеливо повторила я, помогая шейдеру подняться на ноги, перекинула через плечо вялую руку, практически взвалив на себя худого молодого манна, и, стиснув зубы, зашагала вперед. – Все будет хорошо, Гаррет. Потерпи. Осталось немного.

Следующие несколько часов слились в бесконечный темный тоннель вне времени и пространства. Под ногами хлюпала мерзкая липкая жижа, с потолка свисали клочья фосфоресцирующей слизи, из каждого угла угольками светились голодные глаза мелких подземных хищников. Твари покрупнее, разодранные когтями шейдеров, идущих впереди отряда, украшали своими тушами однообразный пейзаж коллектора. Время от времени по колонне бегущих передавали друг другу короткие сводки разведчиков: «шисс на нижнем уровне», «литинский дрон-разведчик движется по параллельной шахте», «промышленный сброс мусора, пятьдесят метров впереди». Все чаще и чаще попадались заваренные снаружи люки утилизаторов, и в напряженных голосах слышалась тревога.

Но отвлекаться на это не было сил.

Изредка сверяясь с голографической картой, я упрямо вела группу вперед, вслушивалась в ритм шагов и тихие стоны Гаррета, повисшего на моем плече. Постоянная тряска плохо сказывалась на контуженном шейдере. Манн держался молодцом, но по рваному дыханию, дрожи в мышцах и поджатым побелевшим губам я чувствовала, что его головная боль с каждым шагом усиливалась. Несколько раз Гаррет терял сознание, и приходилось вытаскивать его на ближайшее сухое место и аккуратно хлопать по щекам, приводя в чувство. Мысли о том, что манн может не очнуться после очередного обморока, я старательно гнала прочь.

Наконец мучения закончились. Шон, вернувшийся из очередной вылазки, передал, что путь свободен. В нескольких десятках метров отыскался открытый люк, выходящий на территорию склада, где должны были ждать Кессели и Никс. Еще немного...

Наверху послышались шорох и треск, смутно напоминавший выстрелы. Все мгновенно притихли. Шон, Хорхе, Ракель и я вскинули винтовки.

Люк заскрипел, открываясь.

– Свои! – донесся из зева утилизатора голос Никс.

Но мне уже не нужны были слова. Только один шейдер на всем Абиссе вызывал в моем теле такой яркий гормональный шторм.

Кессель!

От острого голода второй сущности закружилась голова. Каждая клеточка во мне зазвенела от напряжения, от неудержимого, нестерпимого желания броситься вперед, сокращая расстояние между нами в ноль. Дотронуться. Вжаться в его мускулистое тело, кожа к коже, шейд к шейду. Сплестись и не отрываться, пока не угаснет этот невыносимый голод.

Пока мой шейд, мой организм, мы не насытимся им.

Моим Кесселем.

Хлопок пониже спины застал меня врасплох, вырывая из дурманных объятий Кесселя в серую реальность.

– Не то чтобы я вот прямо получаю удовольствие от того, что прерываю вас, – подмигнула мне Никс, протискиваясь к Хавьеру, – но литиане висят у нас на хвосте. Нужно торопиться.

Я поспешно разжала руки, отпуская Кесселя. Мгновение Хавьер вслушивался в тишину шахты утилизатора. А потом коротко приказал:

– Двигаемся дальше. Пересечем границу районов и уйдем в пятнадцатый. Он вне зоны оцепления.

– Пятнадцатый? – ошарашенно переспросил Хорхе. – Но там же...

– «Хирурги». Которые, если кто забыл, ненавидят всех.

– Литиан они ненавидят больше.

– Это Рохас-то?

– Рохас? – встрепнулся Анхель, последним спрыгнувший в коллектор и плотно задраивший за собой люк. При виде Ракель он оживился, но, видимо, тема с «Хирургами» занимала его не меньше, чем воссоединение с бывшей барменшей «Логова», тем более что фемма не спешила к зеленоволосому в объятия. – Мы переходим к Рохасу? Хави, скажи, что ты не серьезно! Он же... шиссов псих!

– Не больше некоторых других, – еле слышно пробурчал Хорхе, явно раздраженный неуместным выплеском младшего Кесселя.

Но Анхель, разумеется, услышал и не подумал сдержаться.

– Не больше?! – взвился он. – Да что ты, чтоб тебе шиссы прямую кишку чистили, понимаешь?! Рохас – псих со скальпелем. Хави, ты же

помнишь, он обещал так порезать любого из наших, кто забредет на его территорию, что потом никакой медик не соберет. И... он может.

– Тихо! – рявкнул Хавьер, обводя внимательным взглядом каждого из полутора десятков шейдеров, окруживших его. – Это не обсуждается. Все, кто не хочет уходить в пятнадцатый, могут остаться здесь.

– Ну уж нет!

Вспомнив о принятом перед выходом вызове и жутком беловолосом шейдере, я, улучив момент, потянулась к Кесселю.

– Хави, – шепнула я. – Рохас... Этот манн пытался связаться с тобой.

– Хорошо, – так же тихо откликнулся Хавьер. – Больше шансов, что нас не перестреляют на подходе.

А потом, поймав мой взгляд, наклонился ближе. В темных глазах заплясали смешливые искорки.

– Неужели боишься, Солана Диаз?

Вопрос прозвучал достаточно громко, чтобы его услышали все.

На мгновение я оказалась в центре внимания. Манны затихли, словно бы ожидая моего ответа.

И я вдруг поняла – Кессель сделал это специально. Спросил меня, новенькую, медичку, еще недавно бывшую обыкновенной цивилизованной Шей с легальной работой, блокиратором и миллионом навязанных литианами страхов и предрассудков. Спросил, нутром зная, что я поддержу его план, каким бы безумным он ни казался.

Потому что верю в него.

– Нет. – Я выпрямилась, расправила плечи. – Мне надоело бояться. Это наш шанс уйти от литиан. И, раз все так боятся «Хирургов», может, и Ли Эббот не рискнет к ним сунуться. Он только к косметологу регулярно ходит.

Наверху раздался взрыв – литиане были уже совсем близко.

– Выдвигаемся, – заключил Хавьер.

– Быстрее! Быстрее!

Слаженный топот трех десятков ног эхом отражался от низких сводов тоннеля. Бежали группой, плотно сбившись плечами друг к другу, чтобы защитить раненых, Химику и Никс. Самые сильные бойцы держались по краям, а Кессель возглавлял процессию, уводя нас за собой все глубже и глубже в темноту.

Вшух-х, вшух-х...

Гибкие шипастые щупальца подземных тварей вспарывали воздух, норовя то обвить плечо, то вцепиться в ногу, но шейдеры оказывались быстрее. Резкое движение, звук разрываемой плоти – и очередной склизкий отросток оставался позади, втоптаный в мусорный поток подошвами тяжелых ботинок. Тоннель содрогался от рева раненого шисса.

И с каждой секундой он становился все громче, все ближе.

Что-то просвистело под ногами в считанных сантиметрах от лодыжки. Я инстинктивно отпрянула, и щупальце, прошуршав по конвейерной ленте, втянулось назад, увлекая за собой приличную кучу мусора.

Из темноты сверкнули светлые глаза – Хавьер обернулся, проверяя, все ли в порядке. Я коротко кивнула, не замедляя бега. Железобетонная уверенность Кесселя наполняла тело гибкой пружинистой силой. За ним я готова была пойти хоть к шиссу в пасть – с твердым намерением выйти с противоположной стороны. В конце концов, однажды он чуть было не проделал подобный фокус. И все получилось.

Разве сейчас могло быть иначе?

Наконец, тоннель начал расширяться. Мусорная река же, напротив, мелела – кое-где даже обнажилась пролежавшая по дну конвейерная лента. Все чаще попадались пересохшие потоки, уходящие в темноту боковых галерей.

Неудивительно, что шисс терял одно щупальце за другим, но все равно упорно продолжал тянуться в тоннель. А что ему оставалось делать? Ползти выше? Дальше? Или, что еще хуже, выходить на поверхность в поисках пищи?

Меня передернуло. Литиане методично перекрывали пятому району доступ к утилизаторам и, казалось, совершенно не осознавали последствий.

Когтистая красная лапа Анхеля оттолкнула отросток шисса, вынырнувший из темноты в опасной близости от моего плеча. Зеленоволосый шейдер был с ног до головы покрыт едкой слизью и вид имел зверский. Остальные выглядели не лучше. А щупалец при этом меньше не становилось.

– Шиссова яма! – прокричала Никс, отслеживавшая наше перемещение по интерактивной карте. – Прямо, двести тридцать метров!

Я бросила взгляд вперед и... ничего не увидела. Лишь темноту – густую, подвижную, прячущую от взглядов сотни извивающихся щупалец и несколько рядов острых как бритва зубов, способных раздробить металл, пластик и камень... не говоря уже о костях и плоти.

Шисс!

Ноги сбились с ритма. Я оступилась, и шейдер, следовавший за мной, невольно толкнул меня плечом, обгоняя. В голове промелькнули воспоминания о сужавшихся сводах пещеры, из которой мы с Хавьером успели выпрыгнуть лишь в самый последний момент. Повторять опыт не хотелось.

Но Кессель упорно вел нас прямо шиссу в пасть.

– Девяносто метров!

– В конце тоннеля должна быть гермодверь, – услышала я голос Кесселя. – Никс, сможешь закрыть ее за нами?

За? То есть... внутри ямы?

– Если буду у пульта, да.

– Анхель.

– Сделаю.

Зеленоволосый шейдер метнулся в центр группы и выхватил хакершу, одним движением забросив ее себе на спину. Никс, нисколько не смущенная новым способом передвижения, вцепилась в мощную шею.

– Шон, Хорхе. Вправо.

– Есть.

Три шейдера с Никс на закорках отделились от группы, прорываясь сквозь массу щупалец к стене тоннеля.

– Двадцать семь метров.

В луче налобного фонарика Никс металлически сверкнул пульт. Хакерша повернула голову влево, выхватив светом неровный ряд шиссовых зубов.

– Тринадцать метров.

Щупальце ударило Анхеля в грудь, сбивая манна с ног. Никс кубарем скатилась с его плеча и бросилась к пульта под прикрытием

Хорхе и Шона.

– Десять.

Носок ботинка коснулся толстого зубца гермодвери. Я перескочила через него на полной скорости, считая секунды. Спина Кесселя маячила на семь шагов впереди.

– Три.

– Стой!

Приказ Кесселя заставил тело замереть.

А в следующее мгновение неповоротливый механизм дверей поддался умелым рукам хакерши и с лязгом захлопнулся прямо за нашими спинами, отрезая самые нерасторопные щупальца, не успевшие вернуться к хозяину.

Рев шисса, распахнувшего пасть в считанных метрах от группы, оглушил. Тварь забилась, шипастые ротовые отростки нервно задергались, не в силах ухватить пищу.

Конвейерная лента издала жалобный чих и заглохла.

Поток мусора иссяк. Последние куски пластика сорвались в бездну прямо из-под наших ног.

Поняв, что еда закончилась, шисс разочарованно взвыл. Клыкастая пасть захлопнулась, и гигантский червь исчез в темноте, погрузившись на дно шиссовой ямы. Почти инстинктивно я проследила за его движением.

И похолодела.

Яма... Огромная круглая шахта на границе пятого, четвертого, пятнадцатого и шестнадцатого была, наверное, не меньше полукилометра в диаметре и уходила под землю так глубоко, что дно ее терялось в туманных испарениях гниющего мусора и продуктов жизнедеятельности шиссов. Толстые бетонные стены, щедро пропитанные защитным покрытием против разъедающей шиссовой слизи, отливали металлическим блеском.

Ровную гладкость поверхности, резко контрастирующей с покрытыми мхом и плесенью стенами коллекторов, разрывали углубления гермодверей, ведущих в боковые галереи. Я насчитала около десяти уровней и больше сотни дверей. Мы были на третьем сверху – недостаточно низко, чтобы стать шиссовым обедом. Твари обычно выбирали более глубокие тоннели, начиная с шестого-седьмого уровня и ниже.

Но литиане спустились под землю, и все изменилось.

Обычно — за исключением экстремальных ситуаций — все гермодвери держались распахнутыми, обеспечивая бесперебойный сток мусорных рек в недра шиссовой ямы. Но сейчас почти все заслонки были закрыты — а незапертые пересохла и не давали корма.

И шиссы... предсказуемо пришли в ярость.

Гигантский червь, по нашей милости лишенный последнего скудного ручейка питательных нечистот, скрылся в тумане токсичных испарений, поднимавшихся со дна ямы. Темнота внизу недовольно заворочалась, воздух задрожал от низкого утробного рева. Несколько щупалец метнулось в нашу сторону, норовя если уж не пообедать как следует, так хотя бы перекусить группой незваных гостей, добровольно заперших себя в шахте, полной голодных хищников.

Хавьер отбил атаку шипастых отростков.

Пока.

— Никс?

Хакерша вывела на голопроектор объемную модель шиссовой ямы.

— Мы сейчас здесь. — Ноготок, выкрашенный неоновым-оранжевым лаком, коснулся красной точки в верхней трети карты. — Проходы в пятнадцатый... — Модель развернулась. — Здесь, здесь и здесь. Верхние уровни заминированы «Хирургами». Хорошая новость — литиане и шиссы туда не сунутся. Но, если честно, нам тоже не советую. Можно пройти через четвертый или пятый уровень, здесь... — Палец Никс обвел несколько выходов почти на противоположной стороне шахты. — Вот только...

— Шиссы, — закончил Кессель.

Темнота внизу откликнулась скрежещущим воем.

Их было пять или семь — а может, и больше — шевелящихся в тумане осклизлых тел, оцетинившихся подвижными шипастыми отростками. Шиссы беспокойно ворочались на дне ямы, словно спутанный клубок гигантских червей. Щелкали, изрыгая смрад, жадные белые пасти — как раз рядом с темными провалами тоннелей, ведущих в заветный пятнадцатый. Оттуда еще подавался мусор, и шиссы толкали друг друга в попытке присосаться к кормушке.

— Нужно их отвлечь. — Хавьер указал на ряд гермодверей прямо под нами. — Оттянуть к другим тоннелям, пока основная группа, —

описал он рукой полукольцо, – проберется по стене к ближайшему входу в пятнадцатый. Никс, сделаешь?

К всеобщему удивлению, хакерша покачала головой.

– Прости, Хави, милый, но ничего не выйдет. Дистанционно открыть двери не получится – заглушки старые и требуют ручного поворота рычага. Ничего сложного, – показала Никс на запирающий механизм за нашими спинами, – если бы не одно но. Все двери автономны. Процедуру придется повторять для каждого тоннеля. – Никс обвела взглядом помрачневшие лица. – В отдельности.

– Шисс, – выругался кто-то.

Будто откликнувшись, один из копошащихся внизу червей встрепенулся, выпуская в нашу сторону несколько щупальцев.

Хавьер отмахнулся от них, как от надоедливых мелких грызов.

– Разделимся, – приказал он. – Часть группы спустится со мной вниз, чтобы открыть гермодвери, а остальные двинутся к пятнадцатому по техническим карнизам и лестницам.

В животе противно заныло дурное предчувствие. Да, все последние планы Хавьера отдавали легким сумасшествием, но этот переходил все границы разумного.

Вот только... выбирать не приходилось. Малейшая тень сомнения, и дисциплина, держащаяся на беспрекословном подчинении лидеру, отправится шиссу в пасть. А вслед за ней и мы.

Прямо туда же.

Шейдеры, три фигурки, почти неразличимые за белесыми клубами едкого тумана, неровными прыжками двигались почти параллельно друг другу на разных уровнях шиссовой ямы. Первым к гермодвери добрался Хавьер, взявший на себя седьмой, самый низкий и близкий к шиссам тоннель. На мгновение шипастая спина скрыла манна, и я затаила дыхание, ожидая, пока огромный червь пройдет стороной.

Секунда. Две. Три...

На шестой удар сердца раздалось шипение. Гермодверь отъехала в сторону. Мусор, успевший забить технический тоннель до самого потолка, хлынул вниз в распахнутые пасти.

Шиссы завозились, отесняя друг друга. Самый шустрый с неожиданной для крупной твари ловкостью просунул зубастую голову

за створки дверей. Длинное кольчатое тело втянулось в тоннель, оставив влажный след.

Минус один.

Дождавшись, пока шисс скроется из виду, Хавьер вспрыгнул на карниз следующей двери. Щупальца ударились в стену шахты там, где секунду назад был шейдер, но поймали лишь воздух и переключились на Шона, распечатавшего еще один темный проход. Я проследила взглядом за мускулистой фигурой Кесселя.

Выше, выше...

В плечо ткнулся край гравиносилок, зависших над пропастью между мной и державшимся позади шейдером. Я обернулась и коротко кивнула.

Кессель справится.

Я подтянулась на руках, перебираясь по технической лестнице с одной узкой металлической скобы на другую. Повернулась, чтобы взять управление гравиносилками, позволяя следующему за мной подняться. Впереди маячила спина Гаррета, еще дальше – плечи Ракель и зеленоволосая голова Анхеля. Младшего Кесселя руками и ногами обвивала Никс.

Низкорослая ловкая хакерша, конечно, могла передвигаться и сама – более того, узкие скобы, сделанные под маленькие ладони нор-ров, были для нее куда удобнее, чем для всех нас, – но вот защищать ее от шиссовых отростков тогда было бы просто некому. Анхель же без проблем ограждал подругу от ударов шипастых щупалец и, кажется, в целом был даже рад трущейся о широкую грудь фемме.

Рывок. Еще рывок. Внизу снова заволновались шиссы – похоже, Кесселю удалось открыть еще одну дверь. Я мельком бросила взгляд на противоположную стену шахты, выискивая три темные точки.

И оттого первой в подробностях увидела все.

Гермодверью коридора на шестом уровне занимался Хорхе. Я повернулась ровно тогда, когда рычаг поддался давлению крепких рук инженера, проворачиваясь вниз. Металлические створки с шипением разъехались в стороны – вот только за дверью была не конвейерная лента и не мусор.

А литианские дроны.

Темнота тоннеля взорвалась шквальным огнем. Хорхе не успел ни трансформироваться, ни отскочить – лучи плазмы прошли его тело

насквозь, сбрасывая обожженного манна прямо в жадные пасти шиссов. Хавьер и Шон дернулись было на помощь, но...

Поздно.

Расширенными от шока глазами – литиане спустили драгоценную технику аж на шесть уровней под землю, как такое вообще возможно? – я смотрела, как Хорхе срывается с карниза в туман, а шиссову яму наводняют дроны, палящие во всех направлениях.

Вверх.

Вперед.

Вниз.

Несколько выстрелов высекли бетонную крошку из стены меньше чем в метре от меня. Это все еще не был прицельный огонь – скорее, случайные сгустки плазмы, выпущенные наугад сквозь затянувшийся яму смрадный белесый пар. Но я понимала – не пройдет и нескольких секунд, как операторы дронов разберутся, что к чему.

Шиссы оказались быстрее.

В первое мгновение я даже не поняла, что произошло. Шахту сотряс яростный рев, пробирающий до костей. Туман вспороли сотни извивающихся щупалец. Дроны заметались, словно рой растревоженных крылатых тварей с пустошей, беспорядочно паля по противнику.

Но сделали только хуже.

Три червя взметнулись вверх, затягивая в распахнутые зубастые пасти замешкавшиеся дроны. Еще одна тварь на полной скорости ворвалась в тоннель, затыкая его своим мощным телом. Щупальца, агрессивные и верткие, были везде, хватая, срывая, вспарывая наискось острыми шипами.

Стоны, крики, грохот. Шейдеры заметались, выискивая укрытия на гладкой стене шахты. Часть стремительно редющей группы попыталась повернуть назад, другая – рванула вперед, к спасительным тоннелям пятнадцатого. Кажется, в кого-то попали, кто-то сорвался вниз. Вопил от ужаса Гаррет. Анхель без устали размахивал когтистыми руками, неизвестно чем удерживаясь за скользкие узкие скобы.

Все это не имело значения.

Мой взгляд был прикован к двум крошечным точкам у самой границы тумана четырьмя уровнями ниже нашей группы. Там шиссы

бесновались сильнее всего – я едва различала Хавьера и Шона за мешаниной извивающихся тел, охотящихся на оставшиеся дроны. Шейдеры, наполовину трансформировавшись, перескакивали с карниза на карниз мощными прыжками – буквально над самыми глотками шиссов. Щупальца тянулись к ним, но живая добыча, в отличие от механических дронов под дистанционным контролем операторов, была хитрее и проворнее, постоянно ускользая из-под удара.

Им оставалось совсем немного, всего парочка прыжков.

Но...

За мгновение до того, как я, перескочив вслед за Гарретом на шаткий уступ перед заклинившей гермодверью, отвела взгляд от Хавьера и Шона, оба шейдера держались рядом, успешно отбиваясь от озверевших шиссов. А секунду спустя Шон, крепко стиснутый в кольцо щупалец, уже летел вниз, а Кессель, самоотверженный и бесстрашный, бросился следом, на лету полностью трансформируясь и расправляя кожистые крылья.

Время застыло.

Словно в медленно прокручивающейся голопроекции, я скорее увидела, чем услышала, как закричала Ракель. И как Анхель, уже покрытый алой чешуей шейда, оттолкнулся от карниза, бросаясь на помощь. И как шисс, почуявший добычу, вырвался из тумана навстречу трем шейдерам, несущимся прямо в зубастую пасть.

Только на этот раз увернуться и остановиться в самый последний момент уже не получится.

Не успеют.

Они не успеют!..

Дрожь трансформации пробежала вверх от пальцев, одевая руку в плотную броню, непроницаемую для едкой шиссовой слизи. Мышцы на ногах напряглись, готовые к прыжку. Я почти наяву слышала, как затрещала, растягиваясь, ткань шорт и топа под кожанкой Хавьера, уступая место серебристой чешуе.

Еще немного, еще чуть-чуть! Расправить крылья – и вниз, вниз, вниз.

«Ты шейдер, Солана Диаз. Шейдеры рождены летать...»

Но... Ничего не вышло.

Трансформация остановилась.

Когти беспомощно царапнули бетонную стену. Руки сжались в кулаки.

Дальше, дальше, дальше!

Любой шейдер способен к полной трансформации. Хавьер мог. Анхель мог. Рамон, Шон... Даже Саул, регулярно ставивший инъекции блокиратора, смог перекинуться, пока не получил второй отравленный дротик в шею. Но не я.

Почему?

Почему, почему, почему?..

В отчаянии я бросила взгляд на стремительно удалявшуюся красную точку. Потянулась к своему шейду, чувствуя, как разгоняется сердце и звенят от напряжения мышцы. Я готова была на все – абсолютно на все! – лишь бы вторая сущность смогла взять контроль над моим телом и, развернув кожистые крылья, броситься на помощь дуальному шейду. Но я...

«Жалкая, бесполезная, беспомощная Шей...»

Просто...

«Благодари за каждый урок, Солана. Громче. Громче!»

Не знала...

«Спасибо, что выбил из нее трущобную дурь, Ли Эббот...»

Как...

Память тела, искалеченная годами правильной литианской жизни, подвела меня. Уроки отца оказались забыты. Тяжелая рука Ли Эббота и бесконечные дозы блокиратора, которые я много лет упрямо вкалывала себе, подавляя инстинкты и способности шейда, что-то безвозвратно сломали во мне. Я умела лишь то, чем пользовалась вопреки запретам: усиливать мышцы рук и ног, чтобы поднимать коробки и переносить раненых, когда в клинике Михелей ломались гравиносилки. А остальное...

Для остального всегда был Хавьер Кессель. Хавьер Кессель, который всегда знал, что надо делать. Он и его дуальный шейд, способный одним поцелуем пробудить во мне спящие до поры способности. Починить меня.

Без него я ничего не могла.

А сейчас...

Я его теряла.

Анхель скрылся в едком тумане, где несколькими секундами ранее исчезли Хавьер и Шон.

Рука разжалась, выпуская ржавую скобу. Взглядом я наметила карниз на уровень ниже того, где находились мы с Гарретом. Если прыгнуть туда, а потом еще ниже и как-нибудь увернуться от шиссов...

Я должна что-то сделать!

Что-нибудь!

Что угодно!

Толчок...

Пальцев, клещами стиснувших предплечье, я не почувствовала. Зато ощутила рывок, когда вместо прыжка впечаталась в гермодверь, пойманная и отброшенная Гарретом.

– Пусти! – Я дернулась, но наполовину трансформировавшийся манн держал неожиданно крепко. – Пусти! Им нужно помочь!

– Ты ничего не сможешь сделать! – Молодой шейдер тяжело дышал, его лицо искажала гримаса ярости. – Солана, пожалуйста! Твоя трансформация не завершена. Ты погибнешь! Кессель справится. Пожалуйста...

Туман разорвали мощные хлопки крыльев.

На мгновение я увидела Анхеля, медленно поднимавшегося вверх с тяжелой ношей. Красные чешуйчатые лапы держали под плечи брата, а тот, в свою очередь, крепко вцепился в загривок Шона. Еще немного – и манны окажутся в безопасности...

А потом зубастая пасть огромной твари поглотила их.

– Не-е-ет!

Я не услышала собственного крика. Не почувствовала, как забилась в руках Гаррета. Каждая клеточка моего тела рвалась на помощь Кесселям. Сердце колотилось в груди с отчаянной надеждой на то, что в следующую секунду Анхель и Хавьер сумеют вырваться из пасти смерти, и тогда я подхвачу их.

Тогда я помогу.

Но ничего не происходило.

И надежда таяла, выцветала, блекла, сменяясь беспробудным отчаянием.

И осознанием собственной беспомощности.

Никчемности.

Бесполезности.

«Жалкая, жалкая Шей...»

Абсолютной.

Всепоглощающей.

Я обмякла в железной хватке Гаррета, до рези в глазах вглядываясь в неподвижный туман. Перед глазами плясали кровавые всполохи.

Сколько раз в ночных кошмарах, вновь и вновь возвращающих меня в момент смерти отца, я представляла, что если бы я, такая, какой была сейчас, – взрослая и сильная, – оказалась среди защитников «Механического солнца», то не позволила бы Андресу Диазу погибнуть. Многократно прогоняя в голове смутные образы – взрыв, крики, пожар, – я думала, что будь я старше, быстрее, сильнее, я бы справилась. Я бы спасла его.

Но...

Вот я – взрослая и сильная – снова бессильна перед лицом смерти.

И все, что я могла, – беспомощно смотреть, как гибнет в пасти шисса дорогой мне манн. Как колышутся спины червей на краю белесой пелены, застилающей дно шиссовой ямы. И как все затихает...

Опять.

Снова.

«Не осталось никого, кого волновала бы твоя судьба, Солана Диаз. Только я. Только я...»

Серая мгла внизу зашевелилась.

Оттесненная от края не в меру заботливым Гарретом, я вытянула шею, привлеченная нервными движениями подземной твари. Темная спина, покрытая слизью, поднялась из едкого тумана. По чешуйчатой коже пробежали волны дрожи, кольчатое тело подергивалось, словно от разрядов тока. Казалось, будто что-то распирало его изнутри.

Шисс изогнулся, пасть, усеянная неровными зубами, раскрылась, извергая в фонтане полупереваренного мусора и зеленоватой слизи... трех шейдеров, крепко вцепившихся друг в друга.

Отчаянная радость, смешанная с невероятным облегчением, прокатилась по телу хмельной волной. Я отдалась этому чувству – всего на мгновение, – а потом закричала во всю силу легких, видя, что остальные, остолбенев, уставились на невиданное зрелище.

– Ловите их! Они почти под вами! Ракель, скорее сбрось носилки! Пять крылатых фигур оторвались от стены, выполняя приказ.

Фонтан, исторгшийся из шисса, прибил маннов к карнизу недалеко от входа в пятнадцатый. Шейдеры, изрядно пожеванные, камнем обрушились вниз. На этот раз более удачно – бессознательного Шона поймали и водрузили на носилки, Хавьера подхватил незнакомый мне боец «Солнца», а Анхель, которому повезло пробить внутри шисса меньше остальных, сам ухватился за ближайшую техническую скобу и помог удержать брата.

Шисс, обиженно рыгнув, уполз залечивать раны в темноту.

– Двигаемся! – Я обвела взглядом рассредоточившуюся группу. – Живо! Живо! Гаррет!

Трясущимися от напряжения руками я схватила носилки, не замечая, как когти трансформированных рук пропороли пластиковую обшивку. Гаррет взялся с другой стороны, помогая толкать раненого Рамона в сторону тоннеля, куда уже поднимались спасенные манны.

Мыслями я была рядом с Кесселем, повисшем на плече Анхеля, карабкавшегося по отвесной стене шиссовой ямы. Взгляд с невозможной зоркостью подмечал рваные перепонки крыльев, прожженные дыры в майке и следы от зарядов плазмы на плечах и боку, затянуть которые у темного шейда не хватало силы.

Мы справились – шиссы, осознавшие, что и так не слишком-то сытная добыча оказалась не в меру кусачей и прыткой, окончательно потеряли к нам интерес, затаившись в тумане.

Хавьер справился.

Но какой ценой?

Ракель, первой добравшаяся до намеченного тоннеля, забрала у меня носилки и подала руку Анхелю, помогая тому влезть на карниз, где уже собирались немногочисленные уцелевшие шейдеры. Оттолкнув Химику, замешкавшегося у гермодверей, я бросилась к краю шиссовой ямы.

Туда, где был Кессель.

Выглядел Хавьер ужасно. Помятый, изжеванный, покрытый едкой шиссовой слизью, способной прожечь любой незащищенный участок тела, и глубокими темными ожогами от плазменных выстрелов, он едва держался на ногах, но все равно нашел силы выпрямиться и

обвести отряд твердым, пусть и немного помутневшим взглядом. Шейдеры оскалились в ответных ухмылках.

А я...

– Сола...

Губы Кесселя растянула кривая усмешка.

Я шагнула к нему, подставляя плечо для опоры. Мысленно приготовилась к спорам, возражениям и недовольству – разве мог грозный лидер проявить слабость перед подчиненными, приняв помощь медички? Но Хавьер глупыми предрассудками не страдал. Широкая ладонь опустилась на мое плечо, чуть сжав его в молчаливой благодарности.

Я почувствовала, как расслабляется в груди тугой нервный узел. Радость от близости дуального шейда – вопреки всему, живого и почти невинного – заставляла быстрее биться сердце. Мой шейд ликовал. Хотелось прижаться к Хави, делаясь текущей в крови силой, – плотнее, ближе.

Хотелось...

– Хави...

Я повернулась к нему.

Но не успела сделать и шага, как в спину недвусмысленно уперлось дуло плазменной пушки.

Глава 4

От кабинета манна, который, по словам Анхеля, обещал так порезать любого бойца «Механического солнца», кто забредет на его территорию, что потом никакой медик не соберет, я ожидала чего угодно – от подпольной лаборатории, где проводились нелегальные модификации и торговля органами, до бандитского притона, полного кровожадных убийц со скальпелями. Однако к тому, что из катакомб окраинного района мы попадем на верхние этажи элитного небоскреба Центра Абисс-сити, я оказалась совершенно не готова.

Кабинету, куда нас с Хавьером привели молчаливые охранники главы «Хирургов», пожалуй, позавидовал бы не только Ли Эббот, но и некоторые из его вышестоящего литианского начальства. Воздух, простор, дорогая отделка. За огромным, во всю стену, окном виднелись высокие шпили небоскребов. Яркое светило столь редкое в трущобах солнце, а небо, не расчерченное белыми следами хOVERов, ослепляло бескрайней синевой.

В первое мгновение это дезориентировало. Но стоило глазам привыкнуть к свету, как стало очевидно – передо мной была голограмма, искусно спроецированная на пустые стены. Своеобразное решение. Если верить причитаниям Никс, трясущейся над нашим переносным голопроектором, дешевле было выстроить полноценный кабинет, чем воссоздать его голографическую копию, обвешав подземный ангар датчиками по самое не могу. Но Дамиана Рохаса, судя по всему, это совершенно не волновало.

Иллюзия была идеальна – даже оранжевое солнце рвано пульсировало почти как живое, мешая сфокусировать зрение на высокой фигуре, сложившей за спиной крепкие руки, у панорамного окна. В глаза бросились белоснежный костюм и непривычно светлые для чистокровного шейдера волосы. На смуглом запястье металлически сверкнул из-под рукава корпус дорогого коммуникатора, выпущенного в ограниченную продажу меньше месяца назад.

«Позер, – мысленно фыркнула я, рассматривая манна сквозь прищуренные веки. – Лишь бы пыль в глаза пустить».

По широким плечам пробежала полоска ряби, и я с удивлением осознала, что и сам Дамиан Рохас – не более чем голограмма. Зловеще молчаливая голограмма.

Что ж, после теплого приема, который оказали нам «Хирурги», этого стоило ожидать.

Солдаты, абсолютно невидимые до самого последнего момента, окружили нас в ту же секунду, как уцелевшие после шиссовой ямы собрались у входа в тоннель пятнадцатого. Сопrotивляться было бесполезно – на каждого шейдера «Механического солнца» приходилось по два-три «Хирурга» в черной униформе, а на груди Хавьера, лишь частично прикрытой чешуей шейда, застыло не меньше десятка красных светящихся точек.

Адреналин, бурливший в крови после схватки с дронами и шиссами, возможно, и толкнул бы особо рьяных на самоубийственный прорыв – Анхель, судя по напряженной позе, так точно был готов ввязаться в бессмысленную драку, – но короткий взмах руки старшего Кесселя остановил готовящуюся бойню. Хавьер с присущим ему каменным спокойствием позволил «Хирургам» забрать его оружие и коммуникатор, а потом, все так же опираясь на мое плечо, первым шагнул в темноту вслед за молчаливыми проводниками. Остальные нехотя последовали его примеру. Кроме Химики, который в своей непостижимо неуклюжей манере, слабо сочетавшейся с бесконечным бегством на пределе возможностей, умудрился скормить комм одному из шиссов, и Ракель, у которой его вообще не оказалось.

К самому Рохасу ожидаемо пустили не всех. Даже Ракель, которая некогда утверждала, что знает предводителя «Хирургов» лично, наткнулась на недвусмысленно выставленные стволы винтовок и отступила. Меня же остановить не получилось. Прижавшись к Хавьеру, я прошла с ним в приоткрывшуюся дверь кабинета, зло сверкнув глазами на охранника, попытавшегося преградить путь.

Увы, старания пропали даром. Голографический лидер «Хирургов», очевидно, не был настроен на конструктивный разговор.

– Рохас... – Хавьер прочистил горло, когда молчание стало уже совсем нестерпимым. – Я бы и рад подольше полюбоваться такой великолепной копией кабинета мэра Абисс-сити, но, увы, время сейчас крайне дорого.

– Кессель...

Голографический манн даже не удосужился повернуться.

Небрежное движение головы – и на стекле вместо проекции неба вспыхнули изображения с камер видеонаблюдения. Я увидела друзей – Никс, Анхеля, Ракель, Химику и других шейдеров, нервно переминавшихся посреди коридора в окружении нескольких десятков «Хирургов», которые держали отряд на прицеле.

– Это все, что осталось от «Механического солнца»?

– С нами группа, которой удалось вырваться из оккупированного литианами семнадцатого.

– Негусто.

Голограмма усмехнулась. Пальцы дрогнули, командуя невидимым оборудованием. Проекцию одной из стен сменили трансляции особо любопытных моментов последних часов нашего бегства. При виде шиссов, снятых с высоты первого уровня ямы, и крохотных движущихся точек-шейдеров в животе предательски заныло.

Не желая снова переживать падение Шона и Хавьера, я перевела взгляд на Рохаса, почти бессознательно отмечая пальцы манна – пальцы хирурга. Легко было представить, как они порхают над телом пациента, сжимая острый наноскальпель или сверхточные рычаги манипуляторов. Неужели свое прозвище Рохас получил не за педантичную чистоту голографического кабинета и идеально белый удлиненный пиджак, чем-то напоминавший медицинский халат?

– Впрочем, – прервал мои мысли глава «Хирургов», – так даже лучше. Меньше тел отправлять на утилизацию.

Рука Хавьера сжалась на моем плече.

– Ты нарушаешь договоренность.

– Договоренности не было. Предыдущее соглашение остается в силе. Любой боевик «Механического солнца», ступивший в пятнадцатый, не выйдет живым. Единственная из вас, кто может здесь находиться, – это Ракель Вега. – Камера выхватила из толпы бывшую барменшу, склонившуюся над Рамоном. Шейдер шевельнулся – кажется, действие препаратов закончилось, и дядя пришел в сознание. Не слишком вовремя. Даже слишком не слишком. – Ее я готов принимать в пятнадцатом. А полтора десятка маннов, как минимум один из которых тащит на хвосте литиан...

– Рохас...

– Меня не волнуют неприятности семнадцатого. Я уважаю самостоятельность. Вы сами влезли к шиссу в пасть, посчитав это осмысленным, вам и выбираться – с любой стороны, которая покажется привлекательнее. Именно это я и сказал бы тебе, Кессель, если бы ты потрудился ответить на мой вызов.

Хавьер упрямо мотнул головой, рвано выдохнув сквозь стиснутые зубы. Хватка на моем плече усилилась. Он держался... держался из последних сил. Он сделал все, чтобы мы смогли добраться сюда. А шиссов Дамиан Рохас не удостоил нас и взглядом.

Равнодушная тварь.

И тут я поняла, чем же он мне так не понравился. Кабинет, точная копия офиса мэра Абисс-сити, дорогой костюм, манера говорить, чистота речи – предводитель «Хирургов» не был похож на Хавьера, Анхеля или виденных мною в пятом «Кулаков». Он был похож на литианина.

И трудно было представить, что он хоть пальцем шевельнет ради общего дела – не то что Хавьер, который был на все готов, даже броситься к шиссу в пасть.

Кровь вскипела от ярости.

– Шей Рохас! – зло бросила я прямо в равнодушную голографическую спину. – Неужели вы не понимаете, то, что вы с усмешкой называете неприятностями – это проблема всех шейдеров. Не только семнадцатого, не только Хавьера Кесселя. Сейчас в немилость к литианам попало «Механическое солнце», но потом... потом, уничтожив нас, они обратят взгляды на других. И, возможно, это будете вы. Ведь им достаточно любого повода, даже самого абсурдного. Вы же знаете Саула и Хельми Михелей? Уверена, знаете, сообщество трущобных медиков довольно замкнуто, а вы, хоть и хвастаетесь дорогушим коммуникатором последней модели, один из нас. Михелей убили литиане. Полицейские. И за что? Потому что не нашли меня. И потому, что я случайно узнала об их последней разработке. О той дряни, которую они планируют использовать, чтобы подавлять наших шейдов вернее любого блокиратора. И эта шиссова штука уже на финальной стадии разработки. И дальше... будет только хуже.

– Ну-ну... – Острым сарказмом в голосе голографического манна можно было порезаться. – И что же, по-твоему, нужно делать?

– Прекратить это бессмысленное противостояние за трущобные территории. Перестать убивать друг друга. Объединиться. Прямо здесь, прямо сейчас. Шей Рохас, сделайте шаг навстречу, и, может быть, у нас будет будущее. Если же нет... – Я повернулась, утягивая за собой Хавьера. – Дайте нам уйти. Мы найдем союзников в другом месте.

– Ну-ну...

За спиной послышался шорох. Я обернулась, готовая ко всему, и столкнулась с еще одним Дамианом Рохасом. На этот раз – во плоти.

Внешне манн, поведением так похожий на чистокровного литианина, почти не отличался от настоящего шейдера – разве что волосы и щетина были непривычно светлого оттенка. Мощное тело бойца, породистое скуластое лицо с темными узорами татуировки, волевой подбородок. Наверное, некоторые феммы назвали бы его привлекательным – но меня смущали две вещи. Взгляд, пронзительный и острый, как лезвие скальпеля, и неприкрытая насмешка в темных глазах.

Я скрипнула зубами. Реальный Дамиан Рохас неторопливо, словно большой хищник, подошел ко мне и остановился. Неуютно близко.

– Кого-то ты мне напоминаешь... – Рука с идеально чистыми ногтями потянулась к моему подбородку, и я отпрянула, прожигая «Хирурга» злым взглядом. – Ну-ну, не бойся. Знал я одного такого же идеалиста. Бросил обеспеченную жизнь и, как пророк, спустился в трущобы, чтобы открыть глаза униженным и обездоленным. Травил их маленькие умы неосуществимыми мечтами о дивном новом мире вдали от литианской диктатуры. Говорил, что надо лишь сделать шаг – один маленький шаг навстречу друг другу. А потом... – Драматичная пауза. – Счастье снизойдет на всех шейдеров. На всех, кто поддержит безумные идеи Андреса Диаза.

– Вы... – Я задохнулась от возмущения. – Вы совершенно не знали Андреса Диаза!

Губы главаря «Хирургов» изогнулись.

– Ну почему же? Я его прекрасно знал, Шей Солана Диаз. Прекраснейше. Признаться, на одно кратчайшее мгновение я даже поверил в ту сладкую чушь, которую он щедро лил всем в уши.

– А потом вы его предали!

– А потом он умер, – равнодушно произнес Рохас. – И я понял, что противостояние с литианами бессмысленно и несет одни лишь убытки. Строить бизнес в тени Центра гораздо прибыльнее, чем бросать все кредиты в пламя революции.

Литианин, до мозга костей литианин!

Я смерила «Хирурга» презрительным взглядом.

– То есть вы сдались и покорились. Продались за дорогие побрякушки. Но эта тихая жизнь... долго не продлится. И мой отец это понимал.

Наш разговор прервал сдавленный стон. Хавьера повело в сторону, его колени ослабли. Он тяжело привалился к моему плечу. Вцепившись в манна, я с трудом удержала его на ногах.

Шисс!

Не вовремя, как все не вовремя!

– Желудочный секрет шисса, – уведомили Рохасы – настоящий и голографический – со скучающим видом. – Высокотоксичная субстанция с повышенным содержанием нейротоксинов и некротоксинов. Ее воздействие на кожу и слизистые любого живого организма вызывает галлюцинации и шок, а попадание в открытые раны приводит к обширной интоксикации организма. Физико-химические свойства желудочного секрета шиссов позволяют в кратчайшие сроки разъедать и размягчать любые ткани и материалы, подготавливая объект к последующему перевариванию. При поражении более пятидесяти процентов тела вероятность летального исхода каждые десять минут возрастает на семь – девять процентов в зависимости от исходного состояния организма пострадавшего.

Меня прошиб холодный пот.

Забыв о том, что мы с Кесселем были на территории враждебно настроенной банды и в комнате находился еще один шейдер, я развернула манна к себе и принялась как могла счищать едкую слизь с лица и плеч Хавьера. Тот не сопротивлялся. Мутный расфокусированный взгляд был устремлен куда-то в пространство, ноздри раздувались, дыхание, горячее и рваное, выходило со свистом.

Санитайзер, где-то в поясной сумке должен был быть санитайзер!

Рваная рубашка с дырками на месте, где ее прорвали кожистые крылья, полетела на пол. Предводитель «Хирургов» и его голограмма

наблюдали за разворачивавшимся зрелищем с насмешливым интересом.

– Похвальное рвение, – издевательски проговорили они, не делая попытки помочь. – Но я не заказывал стриптиз. Во всяком случае, не от Кесселя.

Я выругалась сквозь зубы. В татуированную физиономию хотелось запустить чем-нибудь столь же едким, как насмешки манна, – например, изодранной майкой Хави.

И этот Рохас еще называет себя хирургом? Да в шиссе больше участия, чем в этом... облигнившемся шейдере!

– Не заказывал, так не смотри, – огрызнулась я. Синтетическое волокно майки под пальцами начало расползаться от желудочного сока шисса. Я и сама начинала чувствовать воздействие токсина – не помогала даже чешуя шейда на руках. Мышцы непроизвольно сокращались, мир перед глазами подрагивал, как будто идеальную голографическую проекцию литианского офиса искажала рябь помех, а шиссова Дамиана Рохаса все сильнее и сильнее тянуло послать далеко и надолго в недра великого червя. – И вообще, гостеприимные хозяева так себя не ведут.

– Так и вы не гости, – ответно оскалился «Хирург», – а будущий корм для шиссов. Некоторых, – многозначительно выгнулась светлая бровь, – даже подготавливать к перевариванию не придется.

– Если бы вы собирались нас утилизировать, то не пустили бы на вашу базу, не пригласили бы в кабинет и... не отпускали бы заумные комментарии про свойства шиссова желудочного сока.

– Может, мне просто нравится смотреть, как дергаются медички с откровенными пробелами в образовании.

Не сдержавшись, я зашипела. Руки так и чесались от души вмазать Рохасам по наглым физиономиям. По крайней мере, на одного это точно подействовало бы – а может, и на обоих, если голограмма синхронизировалась с оригиналом в режиме реального времени.

Вот только Хавьеру это не поможет.

– Ну, так просветите, о великий хирург, – подавив кровожадные порывы, проговорила я, – как по медицинскому протоколу следует поступать с пациентом, оказавшимся в пасти шисса и подвергшимся воздействию его желудочного секрета?

– Не доставать.

Бесит! Как же бесит!

– Логично предположить... – Дамиан Рохас, без сомнения, наслаждался моим раздражением. – Что в случае поверхностного воздействия на организм любого поражающего вещества первостепенной задачей является удаление данного вещества с тела...

– Это очевидно, профессор!

– С помощью абсорбирующей антисептической жидкости. Простое вытирание слизи синтетической майкой не поможет ни пациенту, ни майке, ни моему кабинету.

В ответ я запустила в Рохаса пустым баллончиком из-под санитайзера и вышеупомянутой майкой, которой действительно пыталась очистить обожженные раны Хавьера от слизи.

«Хирург» с легкостью уклонился. Майка с глухим шлепком прилипла к двери и медленно сползла на пол.

Не оборачиваясь, Рохас вывел на голографический экран перед собой изображение испорченной стены и поморщился, заметив, как вспучилась под дорожкой слизи светлая краска.

– Фабио! – Гермодверь распахнулась, впуская в кабинет тощего шейдера-полукровку с торчащей во все стороны шевелюрой немыслимой неоновой расцветки. – Распорядись, чтобы наших ни в коем случае не гостей изолировали максимально оптимальным способом. Раненых – в медблок, остальных – в одиночные комнаты. Выдай каждому по полкубика стима, разбавленного один к десяти, и приставь охрану. Этим тоже. – Рохас указал на нас шейдерам, вошедшим вслед за неоновым манном. – Предоставь Шей два набора первой помощи, предварительно вынув оттуда все острое. Надеюсь, медичке с пробелами в образовании не придется объяснять, как пользоваться дезинфицирующим раствором? И... – Глава «Хирургов» брезгливо покосился на лежавшие посреди комнаты куртку и рубашку, источавшие ужасающую вонь коллектора, и скомканную майку, застрявшую между стеновой панелью и гермодверью. – Вызови уборщиков продезинфицировать полы. Еще пару часов – и следы пребывания наших гостей легче будет забетонировать, чем отмыть.

– Попросите дизайнеров смоделировать какой-нибудь экспонат времен Литианской космической экспансии из Центрального музея, – съязвила я. – Дорого, безвкусно, зато черная зависть мэра будет греть вашу позерскую душу.

Дамиан Рохас хищно улыбнулся.

– Непременно воспользуюсь советом, Шей Диаз. Вот только решу, как поступить с вами, и сразу же свяжусь со специалистом по высокоточным репликам.

Глава 5

По комнатам нас развели под конвоем, не позволив перекинуться и парочкой слов. Единственное, что я успела сделать, прежде чем молчаливый «Хирург» поторопил меня тычком приклада в спину, – это вручить Ракель одну из аптечек Рохаса и дать краткие указания по оказанию первой помощи Анхелю и Шону, пострадавшему от желудочного сока шисса сильнее всего. По-хорошему, нужно было заняться этим самой, но у меня был другой пациент, о котором крайне важно было позаботиться.

И этот пациент... бесил меня едва ли не сильнее, чем невыносимый недолитанин Дамиан Рохас.

После тщательной обработки ран и укола стимула в комплекте с противосудорожными и антигистаминными инъекциями Хавьеру стало легче – не настолько, чтобы оставить все как есть и позволить шейду восстанавливать тело самостоятельно, но достаточно, чтобы манн надумал отказаться от дальнейшей помощи, дабы минимизировать мой контакт с токсичным секретом. Стоило мне закончить с основными процедурами, как аптечка была решительно изъята, а дезинфицирующий спрей, которого и так было мало, оказался на моих руках, покрытых тонкой корочкой слизи. Шейдер мягко, но настойчиво обернул мои ладони влажным антисептическим полотенцем, стирая едкий секрет шисса.

– Прекрати, – попыталась я вырваться из его хватки.

Бесполезно. Хавьер, даже раненый и отравленный, был крепче и быстрее меня.

– Ты запачкалась, мелочь.

– А ты чуть не умер! Прекрати переводить ценный ресурс и позволь мне обработать раны, как полагается по медицинскому протоколу.

– Я справлюсь сам.

Непрошибаемая уверенность в его голосе раздражала – как и то, что Хавьер не выпустил моих рук, пока не стер с кожи всю шиссову слизь. А потом забрал из аптечки остатки антисептика и скрылся с ними в душевой.

Да еще и запер дверь.

На замок.

Шейд внутри взвыл. Не в силах справиться с нахлынувшей злобой – на литиан, на Рохаса, на Хавьера Кесселя, а больше всего на себя и свои противоречивые чувства, – я от души двинула кулаком по переборке.

– Открой, чтоб тебя!

Ответа не последовало.

Глухо зашумела вода.

Я зло скрипнула зубами. Заперся он, как же! А вдруг ему снова станет дурно? А вдруг?..

Сценарии в голове разворачивались один мрачнее другого – будто моя тревожность только и ждала этого момента, чтобы развернуться в полную силу. Я не могла потерять Хавьера. Не могла, и все тут. От одной мысли, что что-то может снова пойти не так, глаза начинало щипать.

Эмоции бурлили, не находя выхода. Я металась по комнате, словно запертый в тесной клетке зверь, прожигая взглядом непроницаемую дверь, за которой скрылся Кессель. Хотелось бежать, крушить, действовать – что угодно, лишь бы заглушить нараставшую тревогу, от которой все быстрее и быстрее стучало сердце, а по рукам произвольно пробегали серебристые волны чешуи. Шейд, истощенный и оттого совершенно неуправляемый, бесновался, еще сильнее распаляя мое беспокойство.

Почему так долго?

По-чему?

Я с ненавистью посмотрела на шиссову дверь, кровожадно мечтая выместить злость на запирающей панели душевой. Увы, умом я понимала, что, скорее всего, моя вспышка кончится тем, что механизм заклинит и я запру Хавьера внутри на радость язвительному Дамиану Рохасу, с которого после еще станет выставить нам огромный счет за испорченное имущество. Да и... это было как-то неприлично – врываться к манну в такой ситуации...

Но ведь сам Кессель избыточной деликатностью никогда не страдал и не стеснялся присоединиться ко мне в те редкие моменты, когда нам удавалось уединиться в душевой или на узкой койке. Кессель вообще действовал уверенно и решительно. И целовался, и

принимал решения, и сражался, и рисковал собой, не раздумывая ни секунды. И заботился, не позволяя лишний раз прикоснуться к едкой шиссовой слизи. И вот, двери запирали – во избежание насильственного... лечения, где-то в своей упрямой башке, верно, аргументируя это тем, что иначе я бы вырвала у него санитайзер и все сделала по-своему, до ушей перемазавшись токсичной слизью.

А лучше бы...

Лучше бы думал о том, что я чувствую, и не рвался подышать при каждом удобном случае. И не только потому, что «Механическому солнцу» и семнадцатому району не найти лучшего лидера, а потому что... потому что мне, мне, Солане Диаз, не все равно, жив он или мертв. Мне не все равно...

Бесит!

Я замахнулась на многострадальную переборку, но в ту же секунду дверь с шипением втянулась в стену. Передо мной стоял, вопросительно глядя на занесенный над невинной электроникой кулак, Хавьер Кессель.

Манн был полуобнажен. По мускулистому торсу стекали капли воды, впитываясь в плотную ткань тренировочных штанов. Короткие темные волосы, влажные после душа, блестели. Ожоги и раны, едва затянувшиеся тонкой корочкой чешуи шейда, покрывали тело, напоминая о долгом и тяжелом пути к пятнадцатому.

«А ведь Хавьер несколько раз совершил полную трансформацию за последние сутки, – мелькнуло в голове. – Даже один оборот требует от шейдера огромного количества энергии, доводя организм до крайнего истощения. И полкубика разбавленного стимула, щедро предоставленного «Хирургами» для незваных гостей, было ничтожно мало – капля в море по сравнению с тем, что требовалось для восстановления организма крепкого, физически развитого манна».

Но был и другой способ...

Злость испарилась, уступив место... голоду и желанию – не слишком уместным чувствам для медички, но совершенно естественным для шейдера, остро нуждавшегося в энергетической подпитке. Я вдруг ощутила, что тоже истощена, тоже растратила за время бесконечного бегства куда больше энергии, чем имела. И тоже остро нуждалась в ее восполнении.

Нуждалась в нем.

Мне показалось, Кессель это почувствовал. Что-то мелькнуло в его потемневших глазах, шальных от токсина, антидота, стиму и всепоглощающего голода. Казалось, еще мгновение, и манн перестанет сдерживаться, набросится – прямо здесь, прямо сейчас – и сделает то, чего мы оба безумно хотели.

Возьмет меня.

Страстно.

Жестко.

Хавьер наклонился, и я, дурея от гормонов, которые шейд выбросил в кровь, подалась ближе. Встала на цыпочки, потянулась...

Но Кессель всего лишь наклонился к полке за моей спиной и протянул сбереженные – для него, между прочим! – полкубика стиму из моего пайка.

Шиссовы.

Полкубика.

Стима.

Ну уж нет!

Я не позволила ему развернуться и уйти в очередной раз спасти мир, наплевав на собственное состояние, едва затянувшиеся раны и интоксикацию шиссовой слизью, бросилась вперед и, прежде чем он успел потянуться к панели управления внешней дверью, преградила ему путь.

– Хавьер Кессель! Что ты, шисс тебя подери, собрался делать? Думаешь, штаны нацепил, так и все, снова в бой? Тебе нужен отдых!

– Я в порядке, – ровно возразил манн, но чуткий слух уловил хрипотцу в его голосе и напряжение темного шейда. – Нужно закончить переговоры.

– Какие переговоры? – взвилась я. – Ты чуть не умер! Уверена, даже шиссов Рохас это понимает, раз распорядился на время оставить нас в покое.

– Ты плохо его знаешь, – усмехнулся Хави, глядя на меня. Улыбка вышла кривая, и это только усилило мою ярость. – Покой и Рохас – вещи абсолютно несовместимые. Он всегда что-то планирует. Всегда.

– Не пытайся уйти от темы!

– Я в порядке, мелочь.

Взгляд Кесселя, тяжелый и темный, говорил об обратном. Я чувствовала голод его второй сущности – не могла не чувствовать, – и

ответное желание переполняло тело, буквально сводя с ума от близости недоступного дуального манна.

Моего – и пусть только кто-то попробует это оспорить! – манна.

«Взаимное удовольствие, Диаз, – всплыли в памяти его слова. – Вот что питает обоих шейдов эффективнее всего».

Но Кессель не двигался с места, не пытался приблизиться, прикоснуться. И я... абсолютно, совершенно, целиком и полностью не могла этого понять. Все внутри буквально кричало о том, что он хотел меня так же, как я хотела его, и вместе с тем он сдерживался. Будто не хотел этого – жадных поцелуев, сорванной одежды, соединения двух тел, двух шейдов в одно целое. Будто после всего, что мы пережили, ему не нужно было так же ярко, как мне, почувствовать, что мы оба живы. Ощутить, как с каждым толчком, резким и болезненно-сладким, уходит страх, напряжение и бесконечное ожидание новых потерь.

Просто быть с тем, к кому так настойчиво тянулись тело, разум и шейд.

И сердце.

– Кессель...

Он навис надо мной – грозный, сильный, темный. Кровь заструилась по артериям быстро и жарко. Я потянулась ладонью к груди манна, не в силах противостоять его магнетизму.

Хавьер отстранился.

– Не надо.

– Почему?

Черные зрачки, неестественно расширенные, практически бездонные, неотрывно смотрели прямо на меня. Шейд внутри чувствовал голод дуальной сущности, прорывавшийся из темноты глаз Хавьера блестящими искрами. И предвкушал...

– Не надо, мелочь. В таком состоянии нам трудно себя сдерживать.

Я недоуменно моргнула.

«Сдерживать».

Еще недавно вся моя жизнь была подчинена этому слову. Еще недавно я испугалась бы, услышав такое признание от вольного шейдера, никогда не глушившего свои животные инстинкты литианским блокиратором. Но сейчас... сейчас я доверяла Хавьеру. Безоговорочно.

– Не сдерживайся... – Я бесстрашно посмотрела в его глаза. – И меня... не сдерживай. Ты сам сказал, что взаимное удовольствие восстанавливает лучше всего.

– Сола...

– Хавьер Кессель, я спасла тебе жизнь. Вытащила тебя с того света – и не один раз. Так где твоя благодарность?

Темные искры заплясали в светлых глазах.

– Благодар-ность?

От низкого хриплого шепота по телу пробежала дрожь.

Я не стала отвечать. Потянувшись к краю топа, сняла его одним рывком, обнажаясь перед Кесселем, и смело шагнула к нему. Плотно прижалась всем телом, потерлась о мощную мускулистую грудь, чувствуя, как рвутся друг к другу изголодавшиеся шейды и как разгорается желание, которое и так едва поддавалось контролю.

Наше обоюдное желание.

– Где благодарность, Кессель?

Потемневшие глаза сверкнули предвкушающим голодным блеском. Губы хищно изогнулись. Миг – и сильное тело манна вдавило меня в стену. Пальцы сомкнулись на моей шее, лишая возможности к сопротивлению – как тогда, в темном переулке, где Кессель нашел меня, а я, пытаясь остановить его, требовала благодарности за спасение. Иной благодарности.

А сейчас я была готова. Сейчас я хотела, чтобы Хавьер пошел до конца. Позволил нам, нашим шейдам сплестись в единое целое.

Палец скользнул по подбородку, заставляя запрокинуть голову и разомкнуть губы. Манн впился в них жестким требовательным поцелуем – так резко и напористо, что я не смогла сдержать стона.

– Хави...

Хавьер отстранился от меня, пожирая шальным голодным взглядом.

– Довольна?

Я потянулась к нему, прихватывая зубами нижнюю губу манна, дразняще горячую после недавнего поцелуя.

– Нет.

Горячий язык ворвался в рот, переплетаясь с моим, рука сжала ягодицы. Я обвила Хави ногами, скользнула – вверх, вниз – по ощутимо твердой выпуклости. Кессель хрипло выдохнул мне в губы. Я

чувствовала – не могла не чувствовать, – что он хотел меня так же сильно и остро, как я его... в себе... сейчас...

Это было похоже на безумие – жаркое, страстное безумие. Наши шейды, словно спущенные с поводка хищники, не желали останавливаться. От гормонального шторма, накрывшего тело, меня трясло. И я нырнула в эту страстную бездну, погружаясь все глубже и глубже. Я хотела...

Больше.

Сильнее.

Сейчас.

Ладони манна подхватили меня под бедра и легко, почти без усилий, подняли выше, открывая обнаженную грудь поцелуям Хавьера. Я застонала в голос, не в силах сдерживать разгоравшийся внутри пожар. Энергия, дикая и необузданная, переполняла меня, заставляя извиваться в руках Кесселя от дикого неудовлетворенного желания.

Шейды внутри – серебристый и черный – бесновались и сходили с ума. Шейды хотели большего.

Как и я.

– Хави, Хави, Хави...

Вывернувшись из его хватки, я заставила манна опустить меня на пол. Прильнула к нему, скользнула рукой под пояс тренировочных штанов. В голове, давно потерявшей способность связно мыслить, мелькнула шальная идея проверить то же, что месяц назад я сделала на заброшенной стройке...

Но Хави не позволил.

Сильные руки, едва тронутые темной чешуей трансформации, вцепились в края микрошорт и резко рванули в стороны. Послышался треск, и в огромных лапах Хавьера осталось два неровных кусочка неоновой ткани. Я замерла, полностью обнаженная, под темным голодным взглядом.

Терпения хватило ненадолго. Мы были слишком возбуждены, чтобы долго продолжать эту игру, доводя друг друга до грани. Хриплый вздох – и Хавьер подхватил меня на руки и в один прыжок преодолел расстояние до кровати. Опустил, темным горячим штормом нависнув сверху.

Миг – и...

– Да!

Я не стала сдерживать жаркий вскрик. Хави вошел в меня на всю длину, глубоко и резко, а затем продолжил – еще, еще и еще, – срывая с моих губ хриплые бессвязные стоны вперемишку с поцелуями.

– Еще! Еще! Больше!

Я вцепилась в широкую спину Хави, как в единственную опору посреди безумного мира. Шейды – серебристый и черный, – казалось, сплелись в единый ревущий вихрь, переполняя наши тела звенящей чистой силой. И это было невозможно правильно – именно так, как и должно быть.

Разделенное желание, разделенная страсть. Полная гармония, чистый восторг, упоение и восхитительное, ни с чем не сравнимое чувство наполненности. Крепкие руки, жар тел, бездонная темнота глаз и сила черного шейда, отдающего себя без остатка и принимавшего мою энергию в качестве ответного дара.

И все это был он, Хавьер Кессель. Невозможный, невероятный шейдер, пробудивший меня от дурного литианского сна – и вместе с этим подаривший что-то несоизмеримо большее.

Страсть.

Цель.

И чувства, о которых не надо было даже говорить вслух – настолько ясно они читались в его глазах и в моем сердце.

– Хави...

– Сола...

Люблю...

Краткие минуты расслабленного спокойствия прервались настойчивым стуком. Не выпуская меня из объятий, Кессель приказал голосовому помощнику вывести на голопанель двери сигнал «Не беспокоить», но в ответ снаружи забарабанили с утроенной силой.

– Хавьер, – раздалось в динамике встроенного в дверь коммуникатора. – Мне нужно поговорить с тобой. Это срочно.

Кессель хрипло выругался.

– Минуту.

Стук прекратился.

– Рамон... – Я приподнялась на локте, стряхивая расслабленность и сладкий туман недавнего удовольствия. – Он до последнего пытался связаться с тобой, когда я нашла их в тоннеле. Рвался на поверхность,

бредил о чем-то. Ожоги не позволили бы ему двигаться со скоростью группы, и я применила наркоз. Думаешь, зря?

Хави пожал плечами, натягивая тренировочные штаны, чудом пережившие напор моего голодного шейда.

– Узнаем.

Рамон был не один. Дядю сопровождал молчаливый шейдер-охранник из «Хирургов». Проблемы незваных гостей его интересовали мало – по крайней мере, до тех пор, пока они не касались Рохаса и пятнадцатого, – но настороженный взгляд и рука, красноречиво лежавшая на рукоятке бластера, давали понять, что ситуация в любой момент может измениться.

– Хавьер! – Едва дождавшись, когда откроется дверь, дядя заскочил внутрь. Покосился на дверной проем, за которым с мрачным видом встал «Хирург», гулко сглотнул и проговорил, стараясь не привлекать внимание наблюдателя: – Если я правильно понимаю, где мы оказались, у нас большие проблемы.

К моему облегчению, выглядел дядя вполне здоровым и даже как будто посвежевшим, словно литианин после десяти часов глубокого сна в медкапсуле и питательной маски. За время отключки шейд сделал свое дело, без следа затянув раны, которые упорно отказывались регенерировать, пока Рамон оставался в сознании. Как медичку, это не могло меня не радовать.

Вот только сам шейдер моих чувств не разделял, явно не простив вмешательства в его планы. Заметив смятую постель, разбросанные в порыве страсти вещи и полуодетую меня, он недовольно поджал губы и отвернулся, показательно игнорируя мое присутствие.

– Срочный разговор, – напомнил Кессель.

Рамон нахмурился.

– Хавьер... – Быстрый взгляд за спину на «Хирурга» – и вновь торопливая скороговорка: – Надо бежать отсюда. Скоро литиане проведут бомбоудар. Они знают, где мы. Я хотел тебя предупредить, но она... – Рамон раздраженно покосился на меня, но договаривать не стал, натолкнувшись на прищуренный взгляд Кесселя. – В «Механическом солнце» предатель. И я знаю, кто это.

По позвоночнику прошел холодок.

– Кто?

– Ракель Вега.

В первое мгновение я не поверила. А потом...

– Для такого обвинения нужны доказательства, – помрачнел Хавьер.

– Да сколько угодно, – презрительно сплюнул на пол Рамон. – Всем известно, что она водила виртуальные шашни с литианами. Не удивлюсь, если еще тогда она сливала данные своим друзьям из Центра. А потом, дождавшись, когда основные наши силы покинули «Логово», передала коды безопасности.

Я поежилась. Слова дяди звучали... правдоподобно. Пугающе правдоподобно.

В конце концов, я же сама видела, как Ракель писала кому-то, подозрительно похожему на Ли Френнеля. А с учетом того, что я встретила бывшего ухажера не где-нибудь, а в полицейском участке...

Слишком много мелочей для простого совпадения.

– Подтверждаю, – нехотя призналась я, а Хавьер вопросительно вскинул брови. – Ракель общалась в виртчате с литианином по имени Ли Френнель в первую ночь, которую я провела в «Логове». Она быстро переключила коммуникатор, но я почти уверена, что узнала его лицо. Этот литианин служит в полицейском отделении Ли Эббота. Возможно, это ничего не доказывает, но...

– Вот видишь, Хавьер, – не дав мне договорить, вставил Рамон. – Об этом я и пытался тебе сказать. Еще в туннелях я отобрал у Ракель комм. Он был настроен на передачу данных литианам. И я сообщил бы это еще тогда, – вновь обернулся ко мне шейдер, – если бы не Солана.

Злость во взгляде Рамона начинала откровенно напрягать. Да, после аргументов дяди я готова была поверить в виновность Ракель – глупо было отрицать очевидное. Но Рамон вел себя так, будто знал о моем недолговременном общении с Ли Френнелем и считал меня по меньшей мере соучастницей бывшей барменши «Логова».

– Вообще-то, – с раздражением возразила я, – ты едва не умер от ран. Транквилизатор помог запустить регенерацию. И если ты был так уверен, что нас сдает именно Ракель, то почему никому не сказал об этом – ни Шону, ни Хорхе?

– Хороший вопрос, – поддержал Кессель. – Ракель далеко не самый сильный боец. Не стоило тащить с собой предателя, разобраться с которым не составило бы труда.

– И как, по-вашему, я должен был это сделать? – Рамон нервно сжал кулаки, посмотрев на меня едва ли не с ненавистью, и вновь обратился к Хавьеру. – Это же Ракель! Все наши ее обожают. И не горят желанием связываться со взбешенным Анхелем. Да если бы только твой вечно обдолбанный агрессивный братец узнал, что я причастен к смерти его ненаглядной Веги, он разорвал бы меня на части, даже не попытавшись вникнуть в ситуацию. Нет, без твоей санкции я не мог ничего предпринять. А теперь уже поздно. Если нас не убьют литиане, это сделает Дамиан Рохас, когда узнает, что мы притащили на хвосте литианского шпиона. Надо скорее бежать отсюда!

Я покосилась на безучастного солдата за дядиной спиной. Чего Рамон не знал, так это того, что глава «Хирургов» изначально был в курсе о предателе в «Механическом солнце». Вот только спокойствия это не добавляло. Вряд ли Рохасу придется по душе расправа над Ракель, если эти двое и правда были хорошо знакомы. Да и вообще, затевать разборки на чужой территории – идея так себе.

Хави тоже не спешил поддаваться панике.

– Спокойно, Рамон, – осадил он заметно разнервничавшегося шейдера. – Не торопись. Даже если ты прав, нам как минимум нужно собрать остатки нашей группы.

– Не важно! Хавьер, – Рамон проникновенно посмотрел на Кесселя, – ты сердце «Механического солнца». Ты единственный, чья жизнь имеет значение. Бросай все и уходи. Прямо сейчас. Я помогу...

Он попытался было схватить Хавьера за предплечье, но вовремя остановился под жестким взглядом первого в «Солнце».

– Достаточно, – отрезал Кессель. – Спасибо за информацию, Перес. Я разберусь.

Отстранив Рамона, Хавьер выглянул в коридор. Охранник смерил его равнодушным взглядом, однако рука на энергетическом пистолете предупреждающе сжалась.

Хавьер проигнорировал намек.

– Все слышал? – «Хирург» кивнул. – Проводи нас к Ракель Веге.

Несколько секунд ожидания, короткий сигнал входящего сообщения. Прочитав текст на виртэкране, молчаливый охранник махнул рукой, приглашая следовать за ним.

На душе было мерзко. Одно дело – смутные подозрения и бесконечные угрозы Никс лично расправиться с гнусным грызом, закравшимся в ряды «Солнца», и совсем другое – доподлинно знать личность предателя. У меня в голове не укладывалось, как фемма, поддерживавшая меня в тяжелые первые дни в «Логове», бесплатно угощавшая энергетическим коктейлем и лечившая раненых, могла без капли раскаяния докладывать литианам о перемещениях боевиков, еще недавно улыбавшихся ей из-за стойки бара. Но факты говорили сами за себя. Ли Френнель, переданные коды безопасности...

– Не понимаю, – недовольно скривился Рамон, принаравливаясь к размашистому шагу главы «Механического солнца», – что еще ты хочешь выяснить? Моих слов и слов Соланы тебе недостаточно? Оставь Ракель «Хирургам» и беги отсюда, пока не стало слишком поздно. Да и вообще, – добавил он вполголоса, – не надо было в принципе приходить в пятнадцатый.

– Золотые слова. – Голографическая фигура Рохаса в сопровождении неоновой манна-секретаря с проектором вынырнула из ближайшего коридора и присоединилась к нам. – Жаль, ваше раскаяние несколько запоздало, и теперь приходится терпеть и ваше присутствие, и неистребимую вонь шиссовой ямы. Неудивительно, что в такой неблагополучной среде завелась гниль.

– Я сам разберусь, Рохас.

– Ну-ну... – осклабился глава «Хирургов». – Только постарайся не пачкать стены.

Хавьер поморщился.

– Что до литиан...

– Об этом можешь не беспокоиться. Думаешь, я бы пустил вас сюда, если бы за тобой был хвост? Сигналы отслеживаются. – Рохас многозначительно изогнул бровь. – Отслеживаются, анализируются и блокируются. При необходимости – вместе с источником.

– В комме, изъятом у Шей Диаз, – отчитался неоновый, – обнаружен вирус. Каждый раз при подключении к глобальной сети он отправлял пакет данных на сервера литианской полиции. За последние стандартные сутки произведена одна передача координат устройства. Владелец коммуникатора идентифицирован как Шей Ракель Вега, однако зафиксирован вход как минимум с одного стороннего аккаунта.

– Любопытно, не так ли? – хмыкнул глава «Хирургов».

Я похолодела. Еще один предатель?

– К тому же, – добавил секретарь и почетный носитель проектора, – моя сигналка сработала на попытку выйти во внешнюю сеть. Злоумышленник использовал тот же вирус, что и в коммуникаторе Шей Веги.

– Что вы хотите сказать? – напрягся Рамон.

Ответить неоновый манн не успел. Дверь в конце коридора распахнулась, и оттуда вылетел взбудораженный бледный Гаррет. Бросился было к охраннику, стоявшему неподалеку, но увидел нас и моментально сменил направление.

Шейд, чутко улавливавший витающее в воздухе напряжение, отреагировал гормональным выплеском, что только усилило мою тревожность. В висках застучало предчувствие близкой опасности.

– Солана! Кессель! – Голос, отчаянный и ломкий, тревожно резанул по натянутым нервам. – Ракель... Все было хорошо, а потом она вдруг упала и... – Гаррет судорожно втянул воздух. Взгляд расширившихся глаз с крохотными точками зрачков метался по нашим лицам. – И... кажется, она больше не дышит!

Глава 6

В медотсеке, куда поместили раненых бойцов «Механического солнца», царил настоящий хаос. Шейдеры метались, кричали. Анхель, наполовину обратившийся и совершенно обезумевший, тряс безучастного охранника из «Хирургов», царапая когтями бронированные наплечники.

– Твари! Что вы с ней сделали? Отрава? Бракованный стим? Да я вас тут всех порву так, что начальник не сошьет!..

Швы униформы затрещали, пальцы охранника сомкнулись на рукоятке энергетического пистолета. Но исполнить угрозу или получить заслуженный разряд плазмы в упор Анхель не успел.

– Р-р-рохас! – Увидев в дверях голографическую фигуру главы «Хирургов», младший Кессель отпихнул охранника и, зарывав, бросился вперед. – Это твоих рук дело! Шиссов ублюдок!

Я еле успела отскочить в сторону, пропуская зеленоволосого шейдера, несущегося со скоростью разогнавшегося скайвея. Не обращая внимания ни на предостерегающий жест Хавьера, ни на издевательскую усмешку неоновой манна, Анхель всем телом врезался в плечо Рохаса, рассчитывая, верно, сбить противника с ног... И, пролетев сквозь проекцию, кубарем прокатился по коридору до противоположной стены.

Белозубому оскалу Дамиана Рохаса позавидовал бы любой шисс.

– Блестяще, Анхелитто, блестяще! Великолепная демонстрация воздействия наркотических веществ на разум, возможности которого изначально были весьма ограниченными. Галлюцинации и навязчивые идеи – опасный призрак необратимого повреждения нейронных связей.

Одним прыжком Анхель вновь вскочил на ноги. Покрасневшие глаза налились кровью.

– Что, боишься появиться лично? Моральный урод, убийца, предатель, да еще и трус!

– Продолжай в том же духе, Анхелитто, и ты с успехом отправишь к шиссам так нужный твоему брату союз.

– Р-р-рохас! Ты, шисса кусок!..

– Анхель! – рявкнул старший Кессель. – Достаточно.

– Да кого ты защищаешь, Хави! Он же псих, шиссов псих! Ракель...

– Я разберусь. Солана.

Отстранив Анхеля, загородившего проход, я бросилась к бывшей барменше «Логова».

Ракель лежала на полу, неестественно неподвижная и бледная. Зрачки не реагировали на свет, пульс не прощупывался. Я потянулась к шейду феммы, но не получила ответа. Не оставалось сомнения, Ракель Вега была...

– Что произошло?

Хавьер, собранный и невозмутимый, обвел глазами шейдеров, собравшихся в медотсеке.

Не считая нас, Рамона и неоновую манна с голографическим проектором под мышкой, их было десять – Гаррет, троица бойцов «Механического солнца», которых я осматривала еще в тоннелях, два охранника из банды «Хирургов» и Анхель, затесавшийся к остальным на правах побывавшего в пасти шисса. Шон и один из раненых в тяжелом состоянии лежали под куполом биокамер, погруженные в медикаментозную кому.

– Все было в порядке, – запинаясь, отчитался Гаррет. – Ракель обработала раны Шона и вколола ему антидот, который посоветовала Солана. Потом поменяла наши повязки, произвела диагностику состояния Рамона. Осмотрела Анхеля, отправила того мыться. Он сопротивлялся, рвался помогать и строил из себя героя, но куда ему спорить с Ракель. Когда он ушел, она раздала стим. Приняла свою порцию и вернулась к раненым. А полчаса спустя...

Шейдер поежился, бросив недоверчивый взгляд на молчаливых «Хирургов». Если энергетический коктейль и правда был отравлен, не пройдет и нескольких минут, как у нас будет еще восемь трупов. А может, и больше...

– Кто-нибудь проверял стим?

– Нет. Пакеты были запечатаны.

На столе рядом с раскрытой аптечкой лежали вскрытые ампулы и семь использованных шприц-ручек. Не дожидаясь приказа Хавьера, я сгребла их на поднос и сбросила в куб анализатора рядом с капсулой Шона.

– Не доверяешь?

Вкрадчивый голос, раздавшийся, казалось, у самого уха, заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Ну да, конечно.

– Не вижу причин.

Я дернула плечами, надеясь, что наглая проекция найдет занятие поинтереснее и уберется прочь.

– Закономерно.

Анализатор пискнул, оповещая об окончании первой стадии сканирования. Я бросила взгляд на экран и с облегчением выдохнула – чисто. Стим, пусть и разбавленный, был качественным продуктом с минимальным содержанием допустимых примесей.

Что бы ни убило Ракель, «Хирурги» однозначно были здесь ни при чем.

– Интересно, не правда ли? – От издевательского тона заныли зубы. – Настоящая медицинская головоломка. Жаль, медиков среди вас нет.

Я обернулась – слишком резко – и оказалась внутри голографической головы Дамиана Рохаса.

– Полегче, Шей Диаз, – усмехнулся манн. – Не то чтобы я против близкого знакомства, но это несколько перебор...

– Вам что, наплевать? Вы же знали Ракель Вегу! Она была вашим деловым партнером или что-то вроде того.

– Вот именно, была. – Ухмылка стала еще гаже. – А сейчас она – моя очередная проблема. Неподвижное тело, не подающее признаков жизни, ожидающее отправки в утилизатор. Или...

– Сердечная активность отсутствует, – зачем-то сообщила я, как будто «Хирургу» было какое-то дело до моих наблюдений. – Пульс не прощупывается, дыхание тоже. Нет реакции шейда.

– Bravo, bravo! Небывало острый нюх и зоркий глаз. В следующий раз не буду тратить на профессиональное медицинское заключение с использованием высокоточных приборов, а одолжу тебя у Кесселя на пару часов.

Едкий ответ застрял в горле! Я говорила о смерти, а шиссов Рохас вел себя так, будто происходящее было какой-то игрой! Выругавшись про себя, я зашарила взглядом по медотсеку в поисках сканера и диагностической койки.

– Выдвижная панель рядом с аппаратной, – сжалился надо мной «Хирург». – Код безопасности – ноль-джей-пять-семь-кью.

– Гаррет, – окликнула я. – Помоги. Нужно перенести Ракель.

Юный шейдер мигом бросился исполнять поручение. Вдвоем мы подхватили тело бывшей барменши «Логова», переместив ее на выдвинувшуюся из стены койку под гибкой дугой сканера. Неоновый манн с проектором и голографический Рохас последовали за нами, оставив Хавьера продолжать допрос.

– Как Ракель вела себя в последние часы жизни? – спросил Кессель. – Необъяснимая тревожность, странное поведение, конфликты?

Манны взволнованно загудели.

– Нет.

– Ничего такого.

– Все было в полном порядке, Хави, клянусь. Я бы заметил.

– Рамон?

– Что, подозреваешь? – Дядя выразительно фыркнул. – Увы, я не настолько безжалостен и скор на расправу. К тому же, насколько тебе известно, меня здесь не было, когда все случилось.

– Ты не ответил на вопрос.

– Что, теперь ты хочешь знать мое мнение? Ну, так вот, как по мне, все предельно просто. Если Ракель не уничтожил твой новый друг Рохас, прознавший о ее темных делишках, значит, она сделала это сама.

Рука, сжимавшая манипулятор, дрогнула. Самоубийство? Но зачем Ракель убивать себя?

– Сама? Сама?! – От голоса Анхеля, низкого и опасно-тревожного, по телу пробежали мурашки. Я слишком хорошо знала отношение младшего Кесселя к барменше «Логова» и помнила твердость пола под лопатками и смертельную хватку красной лапы, сжимающей горло. – Что ты, шисс подери, несешь?

– А ты не догадываешься? – зло сощурился Рамон, на всякий случай отступая за широкую спину старшего Кесселя. – Ракель Вега, твоя ненаглядная подружка, сотрудничала с литианами. И как только поняла, что ее вот-вот раскроют, совершила самоубийство.

Слова Рамона произвели эффект разорвавшегося снаряда.

– Засунь свои обвинения обратно в лживую пасть! – Анхель, взревев от ярости, бросился вперед. – Ракель никогда бы так не поступила! Слышите! Все, все – слышите?!

– Анхель, довольно. – Темная рука перехватила наполовину трансформировавшегося шейдера за плечо и с силой отбросила назад. – У Рамона есть веские доказательства. Коммуникатор Ракель Вега использовался для передачи данных о местоположении наших групп литианской полиции. Также специалистами Рохаса была зафиксирована попытка взлома системы безопасности. Кто-то из медицинского блока искал способ выйти во внешнюю сеть.

Все заговорили разом.

– Невозможно!

– Не верю!

– Да разве Ракель могла?..

– Никогда!

– Тихо! – Резкий окрик Хавьера осадил возмущенных шейдеров. – Факты говорят сами за себя.

Бип-дилип.

Монитор пискнул, выводя на экран результаты расширенного анализа с куба-анализатора. И рядом – краткие данные объекта. Шприц-ручка Ракель.

«Обнаружено неизвестное вещество. Приблизительная формула...»

Я похолодела. В висках застучало. Воспоминания о белых стенах медицинского отсека и неподвижных телах Саула и Хельми Михелей, таких же безжизненных и бледных, накрыли с головой, затягивая в пучину отчаяния. До последнего не хотелось верить в виновность Ракель, но врезавшаяся в память молекулярная структура литианской дряни, найденная на стенке ее шприц-ручки, стала последней каплей.

Ни у кого из шейдеров «Механического солнца» не могло быть этой отравы. Ни у кого, кроме настоящего предателя.

– Хави...

Он увидел все одновременно со мной – монитор и койка Ракель были не так далеко от места, где стояли шейдеры. Лицо главы «Механического солнца» посуровело, губы сжались в жесткую линию.

Все было кончено.

И для Ракель тоже. Если шейд после воздействия литианской дряни столь долгое время не отзывался, вернуть организм к жизни было невозможно даже с помощью полного переливания крови.

Я знала это лучше других.

– Нет! – Голос Анхеля, отрывистый и резкий, взрезал тревожную тишину медотсека. – Нет! Не верю! Не может быть!..

– Анхель, прекрати...

– Нет! – Младший Кессель вырвался из хватки брата. – Что вы такое несете? Вы себе-то верите? Разве Ракель может быть предателем? Наша Ракель!

Ответом ему было молчание. Шейдеры смотрели – кто с осуждением, кто с сомнением, – но поддержать Анхеля никто не решился. Слишком многие погибли за то недолгое время, что бойцы «Механического солнца» провели прячась по темным норам от облав литианской полиции. У всех был кто-то, кого они потеряли в противостоянии, заранее обреченном на провал.

Бип.

– Судите сами, – проговорил Рамон, стараясь держаться подальше от тяжело дышащего Анхеля. – Рохас не терпит чужаков и предателей, а коммуникатор Ракель, с которого она выходила на связь со своими литианскими друзьями, благодаря Солане оказался в руках «Хирургов». Нетрудно было предположить, что и пары часов не пройдет, как сторонний сигнал обнаружат, а после выследят и его отправителя. А все знают, что бывает с теми, кто попадает в пыточную Дамиана Рохаса.

Дядя опасливо оглянулся на голографического главу «Хирургов», и я тоже не сдержала любопытства. Но Дамиан Рохас никак не отреагировал на дерзкие слова бойца «Механического солнца» – лишь холодно улыбнулся, обводя взглядом занервничавших негостей. Светлые глаза холодно блеснули, давая понять, что дурная слава «Хирургов» была абсолютно заслужена.

Бип.

– Осознав безвыходность своего положения, – отвернулся Рамон, – Ракель попыталась воспользоваться местной системой, но снова потерпела неудачу. И тогда...

– Разве у нее был коммуникатор? – неуверенно возразил один из раненых шейдеров. – Если бы кто-то из местных дал ей браслет, мы бы

видели...

– Не говори о том, чего не знаешь! – огрызнулся дядя. – Я лично стоял рядом с Ракель около стола, пока она готовила стим, и видел, как она вводила что-то на медицинской панели, у которой, как известно, есть доступ к внешней сети интранета. Заметив, что я смотрю, она сразу же отключила экран.

Бип.

– И ты никому не сказал?

Вопрос Хавьера, заданный ровным и бесстрастным тоном, привел Рамона в бешенство.

– Не сказал? – ядовито выплюнул он. – А что я, по-твоему, сделал, когда пришел к тебе? Как я мог догадаться, что сигнал заблокирует местная система безопасности? Счет шел на минуты!

– Би-и-ип.

Противная имитация механического писка резанула слух. Сжав зубы, я, почти не глядя, дернула локтем – и, судя по возмущенному ойканью, попала. Неоновый манн, секунду назад поднесший динамик проектора к моему уху, скривился, потирая ушибленный бок.

– Босс сказал, иначе тебя не дозовешься.

Я зло посмотрела на голограмму, стоявшую по другую сторону койки Ракель.

– Что еще?

– Изумительная некомпетентность, – покачал бесплотной головой Дамиан Рохас. – И как только у Саула пациенты выживали, ума не приложу. С такой-то медичкой...

Бип. Бип...

Я скосила взгляд вниз и чуть не подпрыгнула от изумления.

Прямая линия пульса дрогнула – слабо, едва заметно. Долгая пауза, за которую начало казаться, что это был последний удар отравленного умирающего сердца, – и...

Бип.

Шисс!

Я бросила на бессознательную фемму короткий взгляд, выбрасывая из головы лишние мысли. За годы, проведенные бок о бок с Саулом, я довела нужный рефлекс до автоматизма. Как бы я ни относилась к Ракель, что бы ни думала о ее возможном предательстве, здесь и сейчас она была пациенткой, а я – медичкой, пусть и без

образования и лицензии. И мой долг – сделать все, что в моих силах, чтобы вернуть пациента к жизни.

– Хави! – позвала я, перекрикивая разгоравшуюся перепалку, а руки меж тем порхали над телом Ракель, подключая дополнительные мониторы и нащупывая вену для стимулирующих инъекций. – Хави, она еще жива! Ракель жива!

А дальше... пусть разбирается Кессель.

– Что?

Анхель подлетел к нам за долю секунды. Оттолкнул зазевавшегося Гаррета и наполовину залез на голограмму Рохаса, падая на колени перед койкой. Чешуйчатая красная лапа бережно сжала узкую ладонь, казавшуюся совсем крошечной в трансформировавшейся руке манна.

– Ракелита, сердце мое...

– Потянись к ее шейду! – приказала я, не отрывая взгляда от экрана жизненных показателей, дополнившегося выведенными мозговыми импульсами. – Давай! Она слабеет.

Шейдер не откликнулся, продолжая бормотать что-то бессвязно-ласковое, поглаживая безвольную руку. Только лицо, искаженное болезненной гримасой, скривилось еще сильнее.

Я в ярости треснула кулаком по стеновой панели. Бесполезен, он просто бесполезен! Гаррет в растерянности, у меня недостаточно способностей. Хави мог бы... но у Хави были другие проблемы.

Вдох.

Выдох.

«Соберись, Сола».

– Да что ты с ней возишься? – Голос Рамона буквально сочился злобой. – Разве не ясно? Она предатель!

– Нужно допросить ее.

– Не нужно! – взвился шейдер, и несколько голосов нестройно поддержали его. – Пусть подышает, раз сама этого хотела!

Я пропустила слова дяди мимо ушей.

– Мне нужно оборудование для гемодиализа, – обратилась я к Рохасу, с трудом прогоняя из головы разраставшийся страх и воспоминания о неудавшейся реанимации Михелей. – Аппарат для переливания крови, дефибриллятор, капельницы, шприцы,

катетеры... – Голографический манн молчал, словно ожидая, когда я закончу список. – Искусственная кровь... хоть что-нибудь...

– Прошу...

Рохас театральным жестом взмахнул рукой, дистанционно открывая нужные ящики.

Я мысленно – ехидная физиономия предводителя «Хирургов» отбила всякое желание говорить такое вслух – поблагодарила его за предусмотрительность. Ну, наконец-то адекватный медотсек, рассчитанный на любой непредвиденный случай, а не только на авось и естественную регенерацию шейдеров.

Тонкая силиконовая трубка потемнела, наполняясь кровью. Дыхательная маска накрыла рот и нос феммы, насос заработал, перегоняя воздух. По монитору одна за другой побежали волны – сердце постепенно оживало.

Бип.

Бип...

Если бы не шейд Ракель, остававшийся недостижимым для моих отчаянных и неумелых попыток ощутить ответный отклик, я бы сказала, что реанимация проходит успешно.

– Состояние стабилизировалось, – отчиталась я, встретившись взглядом с Кесселем. – Я все еще не чувствую ее шейда, но в остальном жизнь Ракель вне опасности.

– Бесплезно. – Рамон, наблюдавший за моими манипуляциями, презрительно сплюнул на пол. – Шейдер без шейда все равно что мертв. Ты зря тратишь время, Солана. Неужели не помнишь, что случилось с Михелями? Литианская дрянь убивает любого, в чей организм попадает.

– Но Ракель жива.

– Подтверждаю, – кивнул голографический Рокас.

Лицо Рамона побледнело.

– Бесплезная дура, – пробормотал он. – Даже отравиться не смогла как следует.

– Может быть, Шей Перес, – многозначительно выгнул бровь глава «Хирургов», – это потому, что Шей Вега использовала вещество, которое заведомо не могло ее убить?

– Но... как? – Я потрясенно уставилась на невозмутимого Рохаса, ехидно смотревшего на Рамона. – Я видела своими глазами... Я знаю,

как действует эта дрянь на шейдера...

– Показания приборов, Шей Диаз, однозначны. Гемодиализ протекает по плану. Состояние пациентки нормализуется.

Я сверилась с датчиками. Невероятно, но... Дамиан Рохас был прав. Шейд Ракель не отвечал и, казалось, был мертв, но организм, вопреки всему, прекрасно реагировал на лечение и восстанавливался, очищаясь от отравленного стимула. Как будто... на койке передо мной лежала литианка, нор-ра или полукровка, вообще не имевшая второй сущности, на которую мог бы подействовать литианский препарат.

Шейдер... без шейда.

Как такое было возможно?

И тем не менее...

– То есть ты подтверждаешь, – уточнил Хавьер у голограммы, – что Ракель выживет?

– Со всей определенностью.

– И сможет дать показания касательно последнего часа и остальных обвинений?

– После завершения гемодиализа – да. Разумеется, если ей будет что сказать.

– Хорошо.

– Ничего хорошего! – Рамон совершенно вышел из себя. Показалось, еще чуть-чуть, и он набросится на меня, Ракель и Рохаса. – Хавьер! Зачем нам слушать предательницу и ее жалкие оправдания? Хочешь привести Ракель в чувство, чтобы дать ей возможность сговориться с Дамианом Рохасом и выступить против нас? Прости, но такого решения я одобрить не могу!

– А я не могу понять другое... – Я недоверчиво покосилась на дядю. В груди с каждой секундой крепло подозрение, что желание Рамона поскорее закрыть вопрос с предателем имело иное объяснение. – Почему Ракель решила убить себя именно этой отравой, когда в ее распоряжении была целая аптечка сильнодействующих препаратов?

– Да какая разница!

– Она знала, – вдруг поднял голову Анхель, до этого сторбившийся у койки Ракель и не участвовавший в перепалке. В светлых глазах зеленоволосого шейдера застыла боль – и вместе с тем непробиваемая уверенность в каждом своем слове. – Она знала.

Шиссова дрянь, убивающая шейдов, не подействовала бы на нее. Если бы она и правда хотела... убить себя, она выбрала бы что угодно другое.

Шейдеры зашептались. Таким, неожиданно серьезным и собранным, Анхеля, пожалуй, не видели еще никогда, и это производило впечатление.

– Да кого вы слушаете! – взорвался дядя. – Наркомана и алкоголика, давно потерявшего всякую адекватность! Хавьер!..

– Рамон. – Глава «Механического солнца» шагнул вперед, закрывая нас от взбешенного бывшего безопасника. – Ты точно ничего не хочешь мне рассказать?

– Я... – На целую секунду он замер, придавленный твердым взглядом и железной волей старшего Кесселя. – Хавьер...

А затем неоновый секретарь Дамиана Рохаса щелкнул пальцами, и на пустой белой стене медотсека вспыхнула проекция, снятая, судя по углу обзора, на одну из камер, установленных в комнате прямо над столом. Камеры поменьше показывали лишь спину и затылок Рамона, ловко прикрывшегося от основных следящих устройств, но одна, мастерски скрытая, осталась незамеченной.

Замерев от ужаса и потрясения, мы наблюдали, как руки Рамона порхают по клавиатуре медицинской панели в попытке пробиться во внешнюю сеть. Из порта сбоку торчала не до конца вставленная пластинка чипа. Символы на небольшом экране сменяли друг друга, но Рамон раз за разом терпел неудачу.

«Что-то не так?» – прозвучал голос феммы за пределами видимости.

Рамон развернулся – нарочито непринужденно и спокойно, – ловким движением выдергивая и сминая в пальцах чип с вирусом.

«Нет. Все в порядке. Просто хотел кое-что проверить. Кстати, возьми... – Угол обзора скрытой камеры сместился, следя за руками бывшего безопасника. В поле зрения объектива попала наполненная шприц-ручка. – Пусть стима и недостаточно, не стоит жертвовать собой ради других».

«Спасибо, Рамон».

Неоновый остановил запись и, разведя пальцы, приблизил изображение.

Слабое зеленое облачко едва заметно кружилось среди золотистых частиц стима.

А в рукаве куртки Рамона наполовину исчез до боли знакомый крохотный шип с острыми немного погнутыми иглами. Неужели тот самый, что мы с Кесселем когда-то достали из пасти шисса и принесли на анализ в «Механическое солнце»?..

В комнате повисла напряженная тяжелая тишина.

– Хавьер... – Рамон, побледневший еще сильнее, повернулся к главе «Механического солнца». – Я...

– Ты. – По рукам и спине Анхеля пробежали волны красной чешуи. – Это все ты! Связался со мной, нарушив приказ Хавьера о радиомолчании, соврал о тяжелом состоянии Ракель, чтобы я точно согласился встретиться. И если бы не Никс и Солана, нас ждали бы не вы, а целый взвод литиан.

– С моей группой случилось то же самое, – добавил кто-то. – Мы пытались прорваться из семнадцатого, но наткнулись на заградительный огонь на границе. Операцией дистанционно руководил Рамон.

– А Ракель... Да, я узнал, что она выжила после облавы лишь тогда, когда встретился с ними в пятом...

– Еще Алварес. И Виго.

– И отряд Васкеса. Их бы не поймали, если бы не...

– Васкес? – Гаррет, до этого лишь растерянно наблюдавший за происходящим, тяжело поднялся, в упор глядя на Рамона. – Отец? Мой отец?!

Но глупостей юный шейдер наделать не успел – на плечо опустилась когтистая красная лапа.

– Погоди-ка, малец... – Выпустив руку Ракель, Анхель, огромный и жуткий, встал рядом с младшим Васкесом. – Он мой.

– Хавьер. – Рамон затравленно обернулся. Попятился к дверям, но выход перегородили молчаливые охранники «Хирургов». – Ты что, будешь вот так стоять и слушать все это? Позволишь им обвинять меня? Меня, бессменного безопасника «Механического солнца»? Себастиан Кессель и Андрес Диаз полностью доверяли мне. А ты...

Но острая сталь в светлых глазах старшего Кесселя заставила бессменного безопасника замолчать.

– Доказательств достаточно, Шей Перес. Признайся сам, и я прослежу, чтобы наказание было быстрым. В противном случае...

Кольцо вокруг Рамона начало сжиматься. Боевики «Механического солнца», потерявшие слишком многое по вине предателя, подходили все ближе, и зверские оскалы на лицах не предвещали ничего хорошего.

И Рамон... сдался.

– Да! – запальчиво выкрикнул он, обводя бывших друзей сверкающим взглядом. – Да, да, да, я это сделал! Но я хотел как лучше! Просто... – Он запнулся. – Одно потянуло за собой другое...

– О да, – раздался скептический смешок голографического Рохаса, – знаем-знаем. Тяжелый путь предателя. Раз поступился совестью, согласившись на что-то такое маленькое, незначительное и, как кажется, абсолютно безвредное, но вот уже это маленькое ведет к среднему, большому, огромному – и тут ты понимаешь, что продался целиком. И дальше либо идти до конца, либо...

– А что мне оставалось делать? Сначала шиссов дротик, за которым охотится вся полиция Абисс-сити, потом самоубийственный налет на полицейский участок... Мы раздражили литиан! Им было нужно только «Механическое солнце». Если бы они получили свое, все вернулось бы в норму. Но эта глазастая сучка, которая и правда путается с литианами, начала подозревать...

Последнего говорить не стоило, особенно при Анхеле, который и так был на взводе. Рычащий монстр в красной броне сбил Рамона, прежде чем тот успел добежать до двери. Сцепившись в клубок, противники покатались по полу, оставляя за собой широкую и густую полосу из крови, плоти и кусков одежды.

А когда несколько ударов сердца спустя Анхель, тяжело припадая на одну ногу, поднялся, все было уже кончено.

Рамон был мертв.

Глава 7

Горевали о предателе недолго.

Не успела кровь, хлеставшая из разорванного горла Рамона, остановиться вместе с его сердцем, как двери медицинского блока отворились, впуская внутрь трех роботов-уборщиков и молчаливую нор-ру. Бесстрастно окинув взглядом бурые пятна и безжизненное тело в углу, фемма засучила рукава и деловито принялась за работу. Загудели механизмы, зашуршали щетки. Комнату наполнил едкий запах химикатов, перебивший запах крови. Явившиеся следом крепкие охранники унесли тело. Шейдеры семнадцатого проводили их угрюмыми взглядами.

Слов не было, мыслей тоже.

Все произошло слишком быстро. Казалось, ситуация начала налаживаться – пятнадцатый оказался не таким негостеприимным, как показалось вначале, раненым оказали помощь, а изможденным от бесконечного бегства бойцам нашлось место, где можно было перевести дух, не беспокоясь о коллекторных тварях и литианских энергетических пистолетах.

И вдруг в один момент все изменилось. Предатель Рамон погиб от когтистой лапы Анхеля, Ракель оказалась на грани жизни и смерти, а вчерашние союзники смотрели друг на друга с недоверием, гадая, кто следующим может переметнуться к врагу. Один лишь голографический Рохас сохранял абсолютную невозмутимость и наблюдал за уборкой и транспортировкой Ракель в хорошо оснащенную медицинскую капсулу с видом всезнающего и всеведущего властелина мира.

Пять минут, и в медотсеке не осталось ничего, что напоминало бы о растерзанном безопаснике Рамоне Пересе.

– А теперь все, кто в состоянии держаться на своих двоих, вон, – не дав никому опомниться, распорядился глава «Хирургов». – Кроме вас, Диаз и Кессель.

Судя по облегчению на мрачных лицах, шейдеры и сами рады были подчиниться. Все, кроме Анхеля. Доковыляв до капсулы Ракель, зеленоволосый шейдер замер, положив ладонь на полупрозрачный

корпус купола. И, наверное, так и остался бы стоять, прикидываясь частью декора, если бы не покашливание Хавьера.

– Анхель, – приказал он. – Выйди.

С братом младший Кессель спорить не стал, хоть по его лицу и видно было, что хотелось.

– Хорошо. Проведаю Никс.

Помятый шейдер нехотя поплелся к выходу. В дверях он ненадолго остановился, пожирая тоскливым взглядом закрытую капсулу, в которой лежала Ракель.

– Обещайте, что позаботитесь о ней.

– Разумеется, – ответила я. – Она – мой пациент.

Новый кивок. Дверь с шипением отъехала в сторону и секунду спустя закрылась. Я бросила короткий взгляд на Хавьера и успела поймать в светлых глазах отголосок легкой тревоги, с которой он провожал брата.

– Не переживай, – ободряюще коснулась я его плеча. – Раны не такие серьезные, как кажутся. Шейд Анхеля справится без дополнительной подпитки.

– Не сомневаюсь, – раздалось сбоку.

Повернув голову, я увидела, как из прохода, открывшегося прямо в стене, выходит настоящий Дамиан Рохас. Не обращая на нас внимания, глава «Хирургов» быстрым шагом направился к капсуле Ракель и самым тщательным образом изучил показатели – хотя, казалось бы, минуту назад сам же помогал мне их настраивать.

– Что ж, – закончив проверку, выпрямился он и посмотрел на меня. – Могло быть и хуже. Тебе удалось не уморить Шей Вега. Пусть и с четвертой попытки.

Не в силах сдержать раздражение от насмешливой снисходительности во взгляде непревзойденного и гениального медицинского светила Дамиана Рохаса, я зашипела:

– Сам-то и пальцем не пошевелил, чтобы помочь.

Холеный мизинец издевательски качнулся в мою сторону.

– Мои пальцы, равно как и прочие части тела, включая мозги, требовались для другого. Например, решить сложный вопрос, что же с вами делать и как при этом не заляпать стены... – Рохас покосился на сверкающую чистотой панель, по которой еще недавно стекали потеки

крови, выплеснувшиеся из разорванного горла Рамона. – Платить уборщикам сверхурочные как-то не очень хочется.

– Чем платить, электричеством?

– Думаешь, легко протянуть под целым районом силовые кабели, да так, чтобы ни одно производство не обнаружило утечки ресурсов? А тут еще разыскиваемые по всему Абисс-сити нахлебники на мою голову тратят дорогостоящую энергию.

Хавьер прочистил горло.

– Мы заплатим, как только появятся деньги.

– Откуда? – Светлая бровь скептически изогнулась. – Разберете Анхелитто на органы и продадите на черном рынке? Предупреждаю сразу, за такую печень много не выручить, да и мозг, полагаю, тоже не очень сохранился. Или ты, Хавьер, планируешь повернуть еще одну банковскую аферу, пойдя по стопам отца? Разблокировать скрытые счета, вывести средства, которые Кессель и Диаз – старшие предусмотрительно сохранили для потомков? Разочарую – все давно растрачено. Даже на новые шортики твоей медичке не хватит.

Последнее, похоже, проняло даже Хавьера.

– Дамиан, – скрестил руки на груди шейдер, – может, хватит паясничать? Мы знаем, что, если бы ты и правда хотел от нас избавиться, утилизировал бы еще в шиссовой яме, не дав сделать и десяти шагов по своей территории. И пустил ты нас явно не для того, чтобы много раз повторить, насколько мы тут нежеланные гости. А потому что уже что-то подсчитал для себя.

– Подсчитал... – ушел Рохас от прямого ответа. – Убытки. А вот выгоды что-то никак найти не могу. Разве что и правда сдать вас литианам, да и то возни будет больше, чем дохода. Так что, – посмотрел он на Хавьера в упор, – может, просветишь, что за великий план вы сочинили? Про объединение шейдеров я уже слышал от медички без лицензии, решившей подработать политагитатором.

– Во время налета на полицейский участок нам удалось выкачать данные о новом веществе, которое Рамон пытался использовать против Ракель. Том, что воздействует на шейда, убивая его. Никс, наша хакерша, уверена, что поставки ампул идут из секретной лаборатории, расположенной на территории заброшенной шахты по добыче тяжелых металлов за пределами Абисс-сити.

– И?

— У нас есть шанс остановить производство. Тринадцатый согласился снабдить ударную группу оружием, седьмой, восьмой и одиннадцатый выделяют скаутов, неплохо знающих нужный сектор пустошей. Хьюго Видадь и его манны из пятого тоже с нами. В десятом, где налажено крупнейшее подпольное производство стима, пока думают, но, если надавить, присоединятся и они. Тут нам нужна твоя помощь.

— Надо же! — Рохас иронично поднял бровь. — Сутенеры, контрабандисты, наемники, хакеры и наркоторговцы спешат позабыть многолетние распри, дабы объединиться ради благородного дела. Да ты, я смотрю, умеешь уговаривать не хуже Себастиана Кесселя.

— Ситуация исключительная, — нахмурился Хавьер. — Еще немного, и литиане начнут нас отстреливать, словно диких тварей. Медлить нельзя.

— Дай угадаю, — оскалился в неприятной улыбке глава «Хирургов». — Вы хотите ударить первыми. Проникнуть в лабораторию, зачистить сервера, уничтожить запасы уже готовых дротиков. А потом взорвать к шиссам производственный цех, стерев с лица Абисс любое упоминание о литианской разработке. Правда, придется заодно убить всех специалистов, которым известна формула вещества. Ученых, химиков, лаборантов, технологов на производстве. А еще секретарей и уборщиков... Мало ли, вдруг и они что-то случайно запомнили.

Хавьер окинул Рохаса тяжелым взглядом.

— С чего вдруг ты стал таким гуманистом?

«Хирург» насмешливо фыркнул.

— Я просто понимаю, что будет дальше. Вас заклеят террористами, дискредитировав на весь Литианский сектор. Полиция получит легальный повод устроить массовую зачистку в трущобах, уничтожив тех, кто хоть как-то связан с подпольными бандами. Найдут, разумеется, не всех, после чего, прикрываясь необходимостью покончить с организованной преступностью, прежде чем зараза распространится за пределы Абисс-сити, выбьют у правительства санкции, чтобы сравнять все с землей. Успехи в борьбе с терроризмом полиция припишет себе, а неудачи спишет на вас. И общество, состоящее из литиан, цивилизованных шейдеров и нор-ров, которые пострадают во время карательных операций сильнее всего, будет

захлебываться от восторга, празднуя ликвидацию трущобной преступности и не замечая последствий собственной слепоты.

Я дернулась, чтобы ответить, но Рохас не дал мне произнести ни слова.

– А потом, – продолжил он безжалостно и остро, – вместо одного разрушенного завода построят другой. Возможно, на этот раз даже не на Абиссе. И все продолжится – тихо, аккуратно и с полного молчаливого одобрения общественности, запуганной террористической угрозой. Правда, это уже будут не наши проблемы. И я, и вы к тому времени останемся лишь папками в полицейских архивах, а наши тела давным-давно переварятся и расщепятся в желудке у шиссов.

Правда резала глубже и больнее скальпеля. Будущее, описанное Дамианом Рохасом, было безрадостным – и оттого еще более правдоподобным. Но все равно! Все равно...

Руки сжались в кулаки.

– Как бы то ни было, это не повод ничего не делать! Пусть альтернативы одна другой хуже, но мы не можем просто ждать, когда нас всех перебьют, прикрываясь попыткой спасти. Саул и Хельми Михели, Андрес Диаз, Себастиан Кессель... Сколько еще достойных шейдеров должно пострадать, прежде чем мы решим открыто выступить против литианской тирании?

– Тем более мы не собираемся молчать, – добавил Хавьер. – И поэтому, как ты понимаешь, мы здесь. Нам нужны твои медиамогущества, чтобы рассказать нашу сторону вопроса.

Я повернулась к нему, удивленная. Разве план был не в том, чтобы проникнуть в литианскую лабораторию и остановить производство? Или... не только в том?

В ледяных глазах Рохаса мелькнуло легкое уважение.

– Ну-ну... А я было подумал, что ко мне пришли два безумных революционера, но посмотрите-ка, в ваших словах есть искорка здравого смысла.

– Значит, ты согласен помочь?

Небрежный жест – и часть стены медотсека отъехала в сторону, открывая темный узкий проход. Вдалеке, почти на грани слышимости, я различила жужжание серверов, гудение охладителей и перешептывание голосов.

— Всего искорка. — Рохас хищно и предвкушающе улыбнулся. — Но я знаю, как раздуть из нее настоящий пожар.

Глава 8

– Слушайте «Голос Абисса». Делитесь своими историями. И будьте готовы.

Кивнув боссу, неоновый покинул нашу теплую компанию, переместившись за один из голомониторов. Рохас задерживаться не стал. Им с Хавьером предстояла серьезная подготовка к десанту на заброшенную шахту, где, по сведениям, полученным Никс из полицейских архивов, располагалась секретная литианская лаборатория. На экскурсию по базе «Хирургов» времени не предусматривалось.

Но даже то, что удалось увидеть мельком, поражало.

Огромное помещение, в котором Дамиан Рохас устроил подпольную голостудию «Голос Абисса», чем-то напоминало заброшенное здание серверной, где мы с Никс и Кесселями скрывались до самоубийственного броска из пятого в пятнадцатый: те же провода, змеящиеся по полу, стенам и потолку, гул вентиляторов, перемигивание системных блоков, осветителей и камер. Вот только здесь все было оснащено по последнему слову техники. Круто, модно, безумно дорого.

А главное, эффективно.

Дамиан Рохас не переставал удивлять. Признаться честно, прежде мне казалось, что в районе под управлением «Хирургов» должна процветать торговля органами или вживление нелегальных имплантов, однако в реальности оказалось, что главным товаром Рохаса была информация. Именно ее продавали, покупали, вырезали по частям из официальных, полуофициальных и совершенно неофициальных источников, а после разбирали и рассказывали другим, высвечивая с четкостью хирургического сканера проблемы общества.

И весьма успешно.

Я слышала о «Голосе Абисса» несмотря на то, что в прежней, цивилизованной жизни мало интересовалась политикой родного мегаполиса. Новостные колонки, высказывания лидеров мнений, расследования, петиции – на порталах, полулегальных каналах и соцсетях «Голоса» можно было найти все, что никогда не всплыло бы в

официальных источниках. Стоило лишь приподнять завесу литианской пропаганды, как вся неприглядная изнанка выползала наружу, обнажая правду.

«На стройке произошла авария. Сорвался кран. Я вцепился в противовес, пытаюсь удержать трос, но сил шейда не хватило из-за недавно поставленного блокиратора. Семеро нор-ров и один шейдер погибли, а мне пришлось уйти с работы из-за травмы обеих рук. Трос сжег ладони до кости. Случай признали не страховым, отказали в компенсации. Я слышал, что шейд может восстановить тело, но без должного навыка трансформации регенерация проходит очень медленно».

«Сократили зарплату. Не хватило на новую дозу блокиратора. Два дня я держался, а потом... произошел срыв. Что было дальше, не помню. Очнулся на заброшенной свалке, в крови, без денег, без работы и в розыске. Пришлось выдрать ид-чип, сбежать в трущобы и податься в «Кулаки», чтобы хоть как-то выжить».

«Третий год живу без блокиратора. Научилась полностью контролировать себя, однако отсутствие отметки об инъекции не позволяет найти достойную работу, которой хватило бы, чтобы накопить кредитов и встать на учет в клинике за тем самым блокиратором».

«Из-за сбоя в системе ид-чипов отметка о получении последней дозы блокиратора не отобразилась в системе. Многократные обращения во все инстанции привели к тому, что мой ид-чип заблокировали за подозрительную активность. Официально заменить его не удалось – по причине отсутствия идентификации в общей базе жителей Абисс-сити. При попытке нелегальной замены меня поймали во время полицейского рейда и держали в камере восемь стандартных дней, потому что до подтверждения личности не могли начислить штраф».

Десятки лиц, сотни похожих историй – покупка блокиратора отнимает больше половины доходов, без него не дают вести цивилизованную жизнь, а с ним чувствуешь себя неполноценным. И выхода всего два – либо выживать на грани нищеты, ежемесячно выгрызая нужную сумму, либо уходить в тень, навсегда получая клеймо бандита и изгоя.

Лицемерное желание сделать всех физически равными не приводило к настоящему равенству в правах, возможностях и доходах.

Но разве можно было объяснить это литианам?

– Через тридцать секунд запускаем блок о беспорядках в пятом, – раздалось из-за ближайшего монитора. – Подгрузите видеосъемку с дронов на сервер для оперативного монтажа.

На отгороженной площадке вспыхнул свет. Двое ведущих – молодая Шей и презентабельно одетый полукровка в возрасте – заняли места за полукруглым столом. Вокруг них крутилась, подправляя картинку, съемочная группа.

– Комментарий эксперта будет?

– Ждем соединения.

– Принято. Передайте Рамиресу, пусть на всякий случай подготовит две версии текста.

– Видео загружено. Пятнадцать секунд до эфира. Ана, Ренсо?

– На низком старте, милый, – обворожительно улыбнулась фемма-ведущая.

– Десять секунд. Восемь. Семь... Эфир!

– А мы продолжаем освещать беспорядки, вызванные так называемыми антитеррористическими операциями, организованными литианской полицией, – в наступившей тишине хорошо поставленным голосом прочитала с голосуфлера ведущая. – Мусорный кризис в пятом районе набирает обороты. Из-за заваренных по приказу властей утилизаторов система сбора и переработки органических и неорганических отходов полностью нарушена. На улицах и в тупиках рядом с прежними точками сброса начинают скапливаться горы мусора. Недовольство жителей неуклонно нарастает. За последние сутки было зафиксировано три попытки разгерметизации утилизаторов, а также семь случаев столкновений с полицией. Задержано тринадцать гражданских и три активиста.

– Литианские правоохранительные силы, – подхватил тему соведущий, – возлагают вину за беспорядки на представителей банды «Яростных кулаков» и требуют от властей города расширенных полномочий и введения комендантского часа. Пресс-секретарь мэра Абисс-сити Ли Обелля пока не дал четкого ответа, однако наш неофициальный источник, приближенный к мэрии, сообщает, что подобное распоряжение будет отдано со дня на день. Как видите,

налицо умелая подмена причины и следствия. Искусственно спровоцированный мусорный кризис в пятом, оцепление и регулярные проверки вынуждают недовольных идти на прямое столкновение с полицией, что, в свою очередь, служит поводом для ужесточения режима. «Голос Абисса» выступает с резкой критикой подобной политики.

– Нравится? – раздался над ухом насмешливый голос Дамиана Рохаса. – Что скажешь, медичка без лицензии?

Я посмотрела на Рохаса с невольным уважением. Подпольная студия «Голоса» ничем не уступала официальным литианским каналам, а по части правдивости и значимости новостей даже превосходила их.

Но доставлять главе «Хирургов» удовольствие и расхваливать его гениальное детище после всех наглых ухмылок я не стала бы даже под пытками.

– Для медиамагната без лицензии, – фыркнула я, – неплохо.

Шутку Дамиан Рохас оценил, театрально поклонившись.

– Польщен столь высокой оценкой, Шей Диаз.

Шейдеры за операторским пультом засуетились, по цепочке вскинув большие пальцы вверх, пока это не заметила ведущая. Фемма приосанилась, переключая текст суфлера на мониторе.

– С нами на связи Ли Сайнс, сын известного медиамагната и лейтенант литианской полиции. Он прокомментировал данную ситуацию.

Я удивленно подняла брови. Вот уж не ожидала, что мой бывший ухажер Ли Френнель-Сайнс, помимо зависания в виртчатах, полицейской работы и спасения полужнакомых Шей, раздает интервью подпольным новостным каналам. Но увидеть знакомое лицо было приятно. Раз даже среди чистокровных литиан находились те, кому была небезразлична судьба шейдеров, значит, не все потеряно.

– То, что происходит в семнадцатом, восемнадцатом и пятом районах Абисс-сити, нельзя назвать иначе как полицейским произволом, – четко чеканя слова, проговорил литианин. – Тысячи, если не сказать десятки тысяч жителей испытывают трудности с передвижением, работой и выполнением ежедневных задач. Меры, которые правительство Абисса принимает в отношении шейдеров, избыточны...

– Дослушаете остаток программы в записи. – Голос Рохаса отвлек нас от речи Ли Френнеля-Сайнса. – Я показал вам «Голос Абисса» не затем, чтобы Шей Диаз вдохновлено любовалась представителем прогрессивной литианской молодежи. Это мое условие. Я готов выделить ресурсы, приложить усилия и помочь с уничтожением лаборатории. Но все, от первого до последнего вашего шага, будет транслироваться на моем канале.

– Как ты это представляешь? – Хавьер скептически выгнул бровь. – Хочешь сказать, ты наивно веришь, что среди преданных зрителей «Голоса Абисса» нет служащих литианской полиции, которая, между прочим, мечтает добраться до террористов, недавно совершивших налет на один из центральных участков? Сколько понадобится времени, чтобы выслать группу захвата? Две минуты? Пять?..

– Не переоценивай боевую подготовку нашей полиции, Кессель. По моим подсчетам, никак не меньше тринадцати. Но раз уж ты так настаиваешь, я организую часовую задержку трансляции. Как раз хватит, чтобы все осмотреть, взорвать и убратся оттуда, пока не нагрянет полиция. Но взамен мне нужна идеальная картинка – такая, чтобы проигнорировать ее было абсолютно невозможно. Мой манн Фабио будет контролировать процесс. Говорить, куда повернуться, что снять, где пустить слезу.

– Зачем? – Я посмотрела на Рохаса с непониманием и недоверием. – Хотите подставить нас под удар? Ради чего? Ради хорошего шоу и высоких рейтингов?

– Искра, – напомнил шейдер. Резко подавшись ко мне, он больно щелкнул меня по лбу у самой линии роста волос. Я поморщилась: ногти «Хирурга» царапнули кожу. – Нужна одна по-настоящему яркая искра, чтобы действительно все изменить. И ты, Шей Солана Диаз, станешь этой искрой, хочешь ты того или нет. Такова цена за мою помощь.

– Хорошо, – согласилась я. Да, игра на камеру во время секретной операции казалась верхом глупости, но выбора, похоже, не было. – Только заранее предупредите, если нужно будет плакать.

Губы «Хирурга» растянулись в довольной усмешке.

– Прекрасно. Мне нужны результаты анализов и все, что вы успели накопать по веществу, убивающему шейда.

– Дротик, изъятый с тела Рамона, у тебя уже есть. Остальное возьми у Химики.

– Отлично. Пусть также передаст полицейские архивы, которые вы добыли в участке. Хочу взглянуть, из-за чего столько шума.

– Они у нашей хакерши, Никс.

– Восхитительно! – Рохас хлопнул в ладони. – В таком случае не будем терять времени. Выдвигаетесь завтра. Конференция с лидерами районов через пятнадцать минут. Кессель, приглашение распространяется только на тебя. Фабио... – Неоновый манн, точно голограмма, возникающая по щелчку пальцев, пулей вылетел из-за мониторов, занимая место рядом с боссом. – Найди Химику и Никс. Передай им приказ Кесселя, пусть поторопятся. Но сперва проводи Шей Диаз в ее комнату. Ей не мешает отдых.

Отдохнуть не получалось. Несмотря на то, что предстоящая операция находилась в надежных руках Кесселя, а союзников оказалось больше, чем можно было предположить, прячась от полицейских по вонючим трущобным норам, на душе все равно было беспокойно.

Казалось бы, что могло пойти не так – предатель уничтожен, цель обнаружена, и все восемнадцать трущобных районов в кои-то веки договорились забыть взаимные разборки и выступить единым фронтом против опасного врага. Кессель договорился о ресурсах, бойцах, поддержке с воздуха. И даже постоянное наблюдение, обещанное Дамианом Рохасом, могло оказаться полезным, позволив в случае чего оперативно обнаружить литиан.

Но все равно мерзкое глубинное чувство когтистой хваткой сжимало сердце. Я нутром чуяла – ничего хорошего не произойдет, и все тут.

– О-о-ох!

– Да чтоб тебя!..

От тревожных размышлений отвлекла перепалка в соседней комнате, по нелепой случайности опять доставшейся Анхелю. Младший Кессель, как и собирался, отправился к Никс и, видимо, все-таки уговорил хакершу помочь ему снять напряжение, но страстное уединение нарушило появление неоновое. Секретарь Рохаса оказался невозмутим, остер на язык и крайне нечувствителен к толстым намекам, что хорошо бы подождать за дверью. Анхель, напротив,

компенсировал недостаточно богатый лексикон изрядной порцией агрессии и редкостной прямоотой.

Парочка фраз, и манны сцепились, выясняя, чье общество предпочтет хакерша. Выбор был по-настоящему сложным – сеанс жесткого декодирования литианских архивов в компании полукровки или не менее жесткие кувыркания в койке и не только со страстным любовником, еще не растерявшим боевой пыл.

За рыками Анхеля Никс я почти не слышала, но в ответе хакерши не сомневалась. Выглянуть решила любопытства ради, чтобы своими глазами увидеть очевидную развязку. Но...

В коридоре никого не было.

Нет, голоса остались. Но раздавались они из соседнего блока, и разобрать слова, если специально не вслушиваться, было практически невозможно – звукоизоляция базы, одновременно служившей подпольной голостудией, была на уровне.

В памяти всплыла насмешливая улыбка Хавьера.

«Звукоизоляция как раз хорошая... – сказал он когда-то в «Логове» о развлечениях все того же Анхеля, вдоволь насладившись моим возмущенным лицом. – Это ты зачем-то решила подслушивать».

Не я. Шейд.

Или...

Я с раздражением закрыла дверь. Неприятное чувство в теле лишь усилилось, во рту появился гадкий горький привкус.

Быть может, дело было даже не в предстоящей вылазке, а в моей собственной неуверенности, обострившейся после шиссовой ямы. Тогда я едва не потеряла Кесселя из-за того, что в нужный момент не смогла справиться со страхом и шейдом. Что, если подобное произойдет еще раз? Что, если моих способностей снова окажется недостаточно?

Медичка без лицензии, шейдер без полной трансформации...

Опустившись на край койки, я попробовала сосредоточиться. Представила, как тело облачается в тонкую серебристую броню, потянулась к шейду. Вторая сущность откликнулась, кровь потекла быстрее, наполняя тело пружинистой силой. И...

Ничего.

Напряжение, готовность действовать, легкий зуд на коже, где вот-вот должны были проступить гибкие чешуйки. Но на этом

трансформация замерла. Шейд наотрез отказался тратить с трудом накопленную энергию на ненужные тренировки. Или же... просто отказывался подчиняться мне... как, впрочем, всегда.

Шиссово семя!

Я начала заново. Представила во всех подробностях шиссову яму и Кесселя, падавшего прямо в зубастую пасть. Вспомнила отчаяние, беспомощность и страх, которые всеми силами стремилась преодолеть.

Ну же, ну!

Ничего.

Еще раз!

– Не-е-ет!

– Мелочь?

Возвращение Хавьера застало меня врасплох. Похоже, на бесплодные попытки достучаться до несговорчивого шейда я потратила порядочно времени, заработав нервное перенапряжение и головную боль, но так ничего не добившись. А стоило появиться дуалу, как шейд моментально встрепнулся, вбрасывая в кровь уже совсем другие гормоны.

Я проигнорировала его намек.

– Кессель. – Не дав шейдеру опомниться, я порывисто поднялась с койки и шагнула к нему. – Я хочу, чтобы ты научил меня трансформации. Полной.

Хави смерил меня удивленным взглядом.

– Это энергоемко, ресурсоемко и не всегда осмысленно. Большинство шейдеров – и я в том числе – прекрасно обходятся частичной. А она у тебя отлично получается.

– А вдруг будет надо? Вдруг что-нибудь случится?

– Не психуй, мелочь, – приобнял меня за плечи манн. – План выверен до последней детали. И на этот раз не только мной, но и другими главарями банд, включая Рохаса. А он, как ты успела убедиться, чрезвычайно продуманный тип. Все пройдет гладко. На случай непредвиденных обстоятельств готовы несколько путей отхода.

– Ну уж нет! – Я возмущенно вырвалась из его хватки. – Не заговаривай мне зубы, Кессель! В любом плане что-нибудь обязательно идет не так. И поэтому я хочу быть готова. Хочу научиться использовать свою силу. Как ты.

Хавьер только фыркнул, но, чувствуя мою упрямую решимость, спорить не стал.

– Хорошо, хорошо. Попробую... – На плечи опустились крепкие ладони. – Прислушайся к себе.

Я честно выполнила указание. Но почувствовала лишь ритмичные удары собственного сердца и жар ладоней Хавьера, сбивавших с тренировочного настроения на более горячие мысли.

Шиссов озабоченный шейд!

Нет. Не сейчас.

– Слушай, – размеренно повторил Кессель. – Просто слушай.

Ничего.

Я попробовала воскресить в памяти Ли Эббота, Михелей, взрыв, унесший жизнь отца, шиссову яму...

Гнев, ярость, агрессия, экстремальные ситуации, требовавшие быстроты реакции и полной отдачи сил, – все это инстинктивно пробуждало шейда, делая меня быстрее и выносливее. Но без реальной опасности вторая сущность упрямо молчала, отказываясь подчиняться моей воле.

Бесит!

Волна раздражения вывела меня из транса. Я зло дернула плечом, сбрасывая руку Кесселя.

– Ничего не слышу. Шейд не говорит, если ты не забыл. Он... вообще не имеет собственного разума. И голоса.

Хавьер терпеливо усмехнулся.

– Звучит так, будто ты пытаешься взять контроль над чуждой тебе сущностью и одновременно боишься, что это она овладеет тобой. А правда в том, что шейд – часть тебя. И голос шейда – твой собственный голос.

– И что я могу сделать? – Менторский тон Кесселя ужасно раздражал. Он что, реально думал, что набор ничего не значащих общих фраз чудесным образом сдвинет что-то у меня в голове, открыв дивный новый мир гармонии с собой? – Я ничего не слышу. Ничего не чувствую, пока шейд не начинает по собственному почину вбрасывать в кровь гормоны. Я не управляю этим. Не могу – и все тут.

– Тебе мешает страх. Чего ты боишься, Солана Диаз?

– Я...

«Жалкая, бесполезная, беспомощная Шей...»

«Спасибо, что выбил из нее трущобную дурь, Ли Эббот...»

Инстинкты, все это не более чем звериные инстинкты...

– Шейд не превратит тебя в кровожадное неадекватное чудовище, мелочь, – донесся будто издали голос Хавьера. – Нельзя разделять шейдера и шейда. Это неправильно. Невозможно. Ты не чудовище, Солана Диаз, и полная трансформация не сделает тебя им.

– Ну, спасибо, о великий психоаналитик без диплома, – огрызнулась я. – Мне стало намного легче.

Кессель беззлобно поднял вверх руки. За резкий порыв и ответ в стиле шиссова Рохаса стало стыдно. Но... трудно было не признать, что слова манна что-то задели в душе. Хавьер был прав...

– Хорошо, давай попробуем по-другому.

Прежде чем я снова начала спорить, он обошел меня и прижался к моей спине. Горячие ладони скользнули по предплечьям и, обхватив запястья, заставили меня поднять руки.

– Чувствуй... – Темный шейд потянулся ко мне, провоцируя мою вторую сущность на ответный отклик. Кессель немного сдвинул пальцы, обнажая серебристые браслеты из тонких чешуек, обвившиеся вокруг запястий. – Чувствуй...

О да, это я чувствовала.

Чувствовала его силу, ровное биение сердца, размеренное дыхание, шевелившее волосы на моем затылке. И энергию, которой щедро делился со мной темный шейд.

Ладони Хавьера скользили все выше, одевая мои руки в серебряные перчатки. Предплечья, локоть, плечо... Кессель прижался ко мне еще плотнее, обхватывая пальцами шею, отчего безумно захотелось обернуться и впиться в губы манна жадным поцелуем...

Трансформация остановилась.

– Так, хорошо... – Хави решительно развернул меня к себе. По обнаженным рукам шейдера пробежала волна трансформации. – Попробуй почувствовать меня.

Серебро коснулось угольной черноты, такой твердой и одновременно притягательной. Я обрисовала пальцами контур плеч, скользнула на грудь, рельеф которой не скрывала обтягивающая майка. Кессель следил за моими руками потемневшим взглядом. Там, где мои ладони касались его обнаженной кожи, возникала чешуя брони – темный шейд чутко реагировал на каждое движение. И не только он...

Моя вторая сущность тоже.

Я чувствовала, чувствовала, чувствовала – но вовсе не тот отклик, на который рассчитывала. Зато именно тот... какой хотела.

Взгляд скользнул ниже, к плотному поясу брюк и недвусмысленной выпуклости. Рука инстинктивно опустилась ниже – но замерла, пойманная за запястье крепкими пальцами.

– Там броня совершенно ни к чему. – Голос Кесселя, низкий, хриплый и немного насмешливый, отозвался в теле волной жара. – Я и так справлюсь...

А мгновение спустя мы уже целовались, упав на койку, так удачно оказавшуюся прямо за нашими спинами. Срывали друг с друга одежду, сплетаясь телами, душами, шейдами. Близость Кесселя – такая важная, такая желанная – окрыляла.

– Чувствуешь? – Он ворвался в меня, срывая с губ крик. – Чувствуешь? Сола...

О да, я чувствовала. Я, шейд – сейчас между нами не было разницы. Хавьер был прав... хотя бы в этом вопросе...

– Да! Да...

Удовлетворенно потянувшись, Кессель обнял меня за плечи, прижимая к горячему обнаженному боку.

– Ну, – белозубо усмехнулся он, – если мне были нужны дополнительные доказательства, что профессия учителя мне совершенно не подходит, то вот и они.

Я фыркнула, собственнически забрасывая ногу на его бедро.

– Ну-ну. Не хочу, чтобы ты вот так кого-то учил.

– Что, совсем? – поддел он.

– Ага.

– Да ты, я смотрю, жуткая жадина, мелочь.

Приподнявшись на локте, я заглянула в самодовольные светлые глаза и притворно нахмурилась.

– Еще какая. Сама съем и никому не дам!

Я извернулась и укусила наглого Кесселя за губу – чтобы перестал планировать уроки со всякими левыми феммами.

Укус моментально сменился поцелуем. Который, судя по горячим ладоням, сжавшим мои ягодицы, готов был перерасти в нечто большее.

Я чуть отстранилась.

– А что, хочешь сказать, ты не против, чтобы меня учил кто-то другой? Р-рохас?

Вместо ответа Кессель перекатился, подминая меня. Шею обжег поцелуй.

– Порву любого другого. И Р-рохаса в первую очередь.

– А он, кстати говоря, утверждал, что нам стоит отдохнуть. Завтра выход. О-ох...

– М-м... Хочешь, чтоб я прекратил?

Я обвила ногами бедра манна, притягивая его ближе.

– Да ну, к шиссу его. К шиссу все – хотя бы на один день. Х-хави...

Глава 9

Мелкая красноватая пыль – предвестник начинающейся бури – застилала визор и проникала в легкие даже сквозь фильтры респиратора. Воздух, мутный и душный, отчетливо отдавал гарью и горечью. Низкие красные облака с примесью тяжелых металлов закрывали солнце, и единственным источником света в пустошах были лучи налобных фонариков, да и те терялись в пыльной взвеси через несколько десятков метров.

Ховеры «Хирургов», забравшие нас от границы шестнадцатого, остались в десяти километрах от базы на случай возможной слежки. Дальше решили идти пешком, прикрываясь бурей. Ориентировались по данным навигатора, наблюдениям скаутов и оранжевому светящемуся куполу Абисс-сити по левую руку от группы. Очертания небоскребов мегаполиса, прорезавших шпилями низкие тучи, были едва различимы, зато неоновое мерцание вывесок, дорожных огней и рекламных экранов было заметно даже из космоса. Хотя здесь, на бесконечных вулканических пустошах Абисса, цивилизация казалась лишь миражом, оптической иллюзией, плодом воспаленного сознания, отравленного ядовитым воздухом и пылью негостеприимной планеты.

Выжить на Абиссе – в той части, где его не коснулось терраформирование, – без экзоскостюма было практически невозможно. Недостаточный процент кислорода, избыток тяжелых металлов в воздухе и почве, почти полное отсутствие пригодной для питья влаги и регулярные пылевые бури, способные вывести из строя любой, даже герметичный механизм, сводили на нет возможность плотной колонизации планеты.

Многочисленная фауна была под стать суровому климату. Пещерные грызы, крыланы, гнездящиеся в скалах над облаками, бронированные ящерицы и, конечно же, дикие песчаные шиссы, немодифицированные родственники коллекторных тварей, питавшиеся всем, что попадало в зубастую пасть. В Абисс-сити, окруженный силовыми полями, они практически не заползали, развлекаясь налетами на горнодобывающие заводы и поглощением нерасторопных

транспортников. Мы же – без хOVERов и массивной техники, – по всей видимости, казались для них слишком мелкой добычей.

И тем не менее...

– Диаз, вправо! – зашипел в наушниках чей-то голос.

Я отпрыгнула, не думая, и в ту же секунду из-под земли в столбе камней и пыли вырвалась шипастая голова малька шисса. Парочка разрядов плазмы быстро загнали тварь обратно в нору.

– Продолжаем движение. Цель в третьем квадрате. Вторая и четвертая группы на подходе.

Обходя чернеющий зев ямы, я тихо выругалась.

– Мелочь, ты в порядке? – послышался голос Хавьера.

Я кивнула фигуре, на мгновение показавшейся передо мной из поднятых шиссом клубов красной пыли.

– Нетрудно представить, – пробормотала себе под нос, – как проходила колонизация Абисса. Шейдеры отгоняли враждебную дикую живность, пока нор-ры строили город. А потом литиане спустились с орбитальной станции на все готовое.

Наушник пискнул.

– Хорошо говоришь, детка, – хохотнула Никс, следящая за операцией из эргономичного кресла на базе «Хирургов». – Давай еще немного контента на камеру. И вон ту чешуйчатую лапочку поближе сними – смотри, какие дивные белые зубищи.

Я развернулась, на ходу выхватывая энергетический пистолет, а Анхель, бегущий рядом и также слушавший переговоры на общей частоте, выпустил красные когти. Несколько выстрелов, протяжный визг – и чешуйчатая лапочка осталась на камнях, провожаемая разочарованными вздохами Никс.

– Зверушку, зверушку-то за что?

– Не грусти, милашка, я тебе такую же подгоню к их возвращению, – фыркнул в комм неоновый манн. – Как настоящую, только цифровую. Научу ее урчать по твоей команде.

– Э-э-э, слышь, хлюпик, – взвился Анхель. – Не подкатывай к моей детке! Никси, хочешь, я с него скальп сниму? Прилепишь на сумочку.

– Ой-ой, страшно-то как! С кого скальп-то – с пустытника или с меня?

– Отставить разговоры не по делу, – осадил хакеров и брата Хавьер. – Группа один, пятьсот метров до цели.

Впереди за клубами пыли медленно вставала громада стены, ограждавшей завод и шахты по добыче тяжелых металлов от местной фауны. Сквозь рев ветра слышалось мерное гудение силового щита. Еще немного, и мы окажемся у самой границы. А дальше...

Сердце ускорило бег, готовя тело к возможному бою.

– Сто метров. Рассредоточиться.

Шейдеры один за другим растворились в мутном облаке мелкой пыли. В поле зрения остались лишь двое – Анхель слева и Хавьер справа в десяти шагах от меня.

– Тепловизоры на полную мощность.

Монитор очков расцветился красными пятнами, отмечая десять членов нашего ударного отряда. Не сбавляя темпа бега, я подняла голову, скользнув взглядом по верхнему ярусу стены, выискивая возможных противников. На случай серьезного сопротивления в засаде ждала третья группа шейдеров из седьмого, вооруженных тяжелыми пушками и скоростным транспортом. Но...

Вызывать подмогу не пришлось. Периметр завода был чист. И к тому же – никакой защиты, если не считать силового поля, да и оно, на деле, входило в перечень ключевого оборудования и поддерживалось автоматически за счет автономных генераторов.

– Не нравится мне это, – озвучила общие мысли Никс.

– У меня дурное предчувствие, – поддержал неоновый.

Я тихо хмыкнула – не поспоришь ведь. Вот только отступать было некуда. Нам нужно было попасть в лабораторию. Любой ценой.

– Готовьте электромагнитную пушку.

Из красной бури выступили два шейдера – передовая часть второго отряда, подобравшегося к заводу с противоположной стороны. Манны волочили объемный металлический куб на гравиносилках. Коротко махнув Кесселю, они подошли вплотную к потрескивавшему силовому полю и расчихлили пушку. Несколько минут напряженной возни – и...

– Отряд один, на позиции.

– Отряд два, на позиции.

– Отряд четыре на позиции.

– Готово, – отчитался один из маннов Хавьеру.

– По моей команде. Три, два, один...

Пушка выплюнула слепящий белый заряд. Ударившись о силовое поле, он растекся по нему бело-синими всполохами, на мгновение ярко высветив красные скалы, высохшую землю пустошей и два десятка шейдеров в камуфляже, застывших у подножья стены со штурмовыми крюками наизготовку. Миг, и завеса исчезла, лопнув, точно мыльный пузырь.

– Тридцать секунд до перезагрузки генератора.

– Вперед.

Вшух-х.

Тросы взлетели, цепляясь за технические выступы и антенны на вершине. Убедившись в прочности крепления, я рванула вверх по отвесной стене.

Быстрее, быстрее.

Вот уже показался край, за которым – огни, свет и вся правда о веществе, способном убить шейда.

Бросок.

Прыжок.

А затем еще, еще и еще, с крыши на крышу, следуя за навигатором встроеной карты и подчиняясь инстинктам шейда. Зрение и слух были напряжены до предела, каждую секунду ожидая звуков выстрелов и мельтешения красных точек – охраны, полиции, спецназа.

Ничего.

Ноги, оттолкнувшись от стены склада, коснулись пыльного бетонного покрытия, застлавшего обширную зону погрузки-разгрузки. Выхватив бластер, я огляделась, выискивая противников.

Чисто.

Тепловизор отображал двадцать девять красных пятен, постепенно собиравшихся на внутренней площадке бывшего завода.

И никого больше.

Секретная лаборатория, казалось, была пуста.

– Никс?

Голос Хавьера звучал напряженно.

– Все чисто, – отчиталась хакерша сквозь треск помех. – Датчики в радиусе двадцати километров от вас не считывают подозрительной активности. То же самое могу сказать и о заводе. Мы с Фабио просмотрели все записи со спутниковых камер за последнюю неделю

и не заметили никакого движения в этом квадрате. То есть вообще никакого. Если верить этим данным, завод давно заброшен.

– Ты не ошиблась с координатами?

– Обижаешь. – Хакерша возмущенно фыркнула. – Все, что мне удалось вытащить из полицейских серверов, проверено и перепроверено последовательно мной, тобой, Фабио, Рохасом и капитаном скаутов из одиннадцатого. Поставки ампул велись именно отсюда, других вариантов нет. Но не исключаю, что данные с камер могут быть намеренно искажены по приказу из Центра, так что смотрите в оба. Дать сигнал третьей группе?

– Нет. Пусть мониторят окружение и в случае непредвиденной угрозы обеспечат экстренную эвакуацию.

– Принято.

Коммуникатор пискнул, разъединяя нас с Никс.

Кессель обвел собравшихся шейдеров мрачным взглядом.

– Следуем первоначальному плану. Заходим внутрь, осматриваем лабораторию. Все, что можно забрать с собой, забираем. Производственную линию, если таковая имеется, уничтожаем. Работников нейтрализуем, но не убиваем. Ликвидация – лишь в самых крайних случаях. Помните, каждый наш шаг передается и транслируется. Дамиану Рохасу – да и всем нам – не нужна плохая картинка.

Боевики кивнули. Послышались нестройные щелчки – энергетические пистолеты переключались на режим оглушения.

– Готовы? – Новый дружный кивок. – Тогда вперед.

Тридцать ярких лучей одновременно ворвались в дверь бывшего завода и растворились в густой неподвижной темноте. Стук шагов разнесся по огромному пустому пространству гулким эхом.

Никого.

– Не расслабляемся.

Короткими взмахами руки – вперед, влево, вправо – Хавьер распределил бойцов по позициям. Сбившись в плотную группу, оцетинившуюся пистолетами и плазменными винтовками, мы вошли внутрь.

Узкие круги света заматались по стенам и потолку, выхватывая высокие перекрытия, краны, балки, мотки проводов и лабиринты труб, уходящих далеко во тьму. По углам стояли пустые коробки с

маркировкой «Ли Тек», ведущего фармацевтического концерна Абиссити и десятка медицинских корпораций со всего Литианского сектора. А рядом – кейсы от винтовок, стрелявших отравленными дротиками.

Предположение Никс оправдалось: заброшенный завод по переработке тяжелых металлов давно выполнял другую роль. Место было в самый раз для тайной лаборатории или исследовательского центра – спрятанное среди песков и пылевых бурь, оснащенное собственным генератором и силовым полем, доступное для наблюдения исключительно со спутниковых камер. Где, как не здесь, налаживать подпольное производство отравы, способной уничтожить почти четверть разумного населения планеты.

Вот только... почему вокруг так пусто и тихо?

Опоздали?

Засада?

«Опасность, опасность, опасность!»

В наушнике затрещали помехи. Поморщившись, я коснулась уха – и увидела на самом краю визора скользнувшую вниз красноватую тень. Тело среагировало быстрее разума – руки вскинули оружие и выстрелили, почти не целясь. Луч плазмы ушел в темноту.

Предсмертный крик подстреленной твари заглушил многоголосый клекот. Потолок будто ожил. Захлопали перепончатые крылья, серые тела заметались в свете фонарей. Раздалось еще несколько выстрелов и витиеватая ругань – похоже, нервы не выдержали не у меня одной, – но Хавьер жестко остановил бесполезную пальбу.

– Крыланы.

Стая с сердитыми криками скрылась в темноте.

– Шиссовы твари! – Анхель ощерился, поддевая носком ботинка неподвижную тушку. – Откуда только взялись? Крыланы в здравом уме не поселились бы на складе, если бы лаборатория все еще функционировала.

– Не обязательно, – возразил один из скаутов. – Скорее всего, они прилетели недавно из рукавов старой шахты – иначе мы бы уже все ботинки перемазали в продуктах их жизнедеятельности. Я почти уверен, что тоннели и пещеры от старой выработки остались открытыми. И даже более того, у стаи должен быть выход на поверхность за пределами силового поля.

– Интересно, – вклинился в разговор Хьюго, предводитель второй группы, состоявшей преимущественно из шейдеров пятого и одиннадцатого. – Может, стоит проследить за тварями? Что думаешь, Кессель?

Манн покачал головой.

– Лаборатории там точно нет. Нужно идти дальше.

Лестница, лестница, дверь...

Помещения становились уже, потолок опускался – мы продвигались все глубже и глубже в недра бывшей шахты. Ощущение было не из приятных – казалось, будто скалы давили на плечи, угрожая в любой момент навсегда похоронить нас под обломками. Шейд внутри буквально вопил об опасности – «Тихо, слишком тихо, неправильно тихо!» – но визоры не улавливали тепловых реакций.

Мы были одни.

Совершенно одни.

И так и не обнаружили ничего, что могло бы послужить аргументом в борьбе против литиан. Ни оборудования, ни лаборатории, ни линии производства – ни-чего. Только пустые ящики «Ли Тек», обесточенные силовые кабели и темные прямоугольники на столах в тех местах, где когда-то стояли мониторы и лабораторное оборудование. Все было подчищено, вынесено, уничтожено.

Неужели... нас ждали?

Нет, нельзя бросать поиски.

Дальше, дальше.

Лестница.

Длинный коридор, в конце – запертая гермодверь. За толстыми непроницаемыми стеклами по обе стороны от прохода клубилась тьма.

Под ложечкой засосало от дурного предчувствия.

Фемма из второго отряда вызвалась вскрыть замок. Присев на корточки, она придирчиво изучила запирающую панель – и вдруг замерла, не успев достать из рюкзака прибор для взлома.

– Кессель. – В ее голосе прорезались тревожные нотки. – Тут след от когтей, кое-как заделанный жидким пластиком. Ты уверен...

– Стойте.

На голос обернулись все. Лучи налобных фонариков высветили Анхеля, едва сдерживавшего рвущегося наружу шейда.

– Я знаю эту дверь. Это место.

– Что? Откуда?

Но ответил не младший Кессель, а Ракель. Фемма, несмотря на перенесенное недавно отравление, вызвалась пойти с нами, и Дамиан Рохас, вопреки здравому смыслу и долгу медика, поддержал это решение.

– Мы с Анхелем были здесь, – повторила бывшая барменша «Логова», кладя руку в экзоперчатке на напряженное предплечье младшего Кесселя. – Давно. В детстве. Нас держали здесь. За этой дверью находится экспериментальная лаборатория по изучению шейдеров, созданная литианами для того, чтобы разработать новые способы контроля над нами. Здесь... был полностью уничтожен мой шейд.

Глава 10

Что?!

На лицах всех без исключения боевиков застыл одинаковый ужас, смешанный с потрясением.

– Не может быть!

– Никс, ты слышишь это?

– Да, да, – пробились сквозь треск помех. – То, что надо!

– Шиссово семя!

– Ракель...

Невозможно!

Немыслимо!

Чудовищно!..

Сердце забилося в груди невыносимо быстро. Кровь закипела от вброшенной шейдом ударной дозы адреналина, словно одни эти слова несли угрозу второй сущности. Меня затрясло. Хотелось бежать, спастись – и одновременно сражаться до последнего, зубами и когтями отстаивая право оставаться неделимой, цельной.

Но куда хуже было осознавать, что фемма, стоявшая сейчас перед нами, оказалась лишена этого права. Ей не оставили возможности выбора, которая, как ни крути, все же была у тех, кто колол себе блокиратор в сознательном возрасте. А Ракель... Она же была ребенком! Всего лишь ребенком – как мой брат и сестра Анхеля и Хавьера.

Удлинившиеся когти вспороли кожу ладоней, но я даже не почувствовала этого.

Шисс, каким же абсурдным выглядело теперь предположение, что Ракель могла сотрудничать с литианами! После такого? Добровольно? Да никогда...

Несколько долгих секунд ничего не происходило – лишь слышно было, как щелкает в руках феммы из второго отряда аппарат, подбиравший код к двери лаборатории. Наконец Ракель смирила нас тяжелым взглядом.

– «Ре-ин-те-гра-ци-я». – Слово придавило словно бетонная плита. – Последним, что я помню перед тем, как литианские

вербовщики забрали меня с улицы, была неоновая вывеска благотворительной организации, оказывавшей помощь детям, потерявшим семью после большой зачистки в семнадцатом. Манящий запах бесплатной еды, широкие улыбки литианок в белых костюмах и мигающая табличка, которую я едва могла прочесть по слогам. «Ре-ин-те-гра-ци-я». Тогда я не понимала, что скрывается за этим сложным словом. Как и Анхель. Как и многие из нас.

Ракель вздохнула. Ее затуманившийся взгляд устремился далеко-далеко – в прошлое.

– Сейчас я знаю, что «Ли Тек» с нами делали. Изучали воздействие различных веществ на детей, чья связь с шейдом еще не сформировалась в полном объеме. А тогда... Нас разделили на группы. Держали в капсулах, кормили исключительно через трубки, били током, добавляли в капельницы разноцветные химикаты, от которых все тело болело. Следили за реакциями. Потом заставляли трансформироваться и лечить себя – тех, у кого это получалось. А тех, кто переставал справляться, кто ломался, сбрасывали в утилизатор. Цель была одна – подавить шейда. Навсегда. Подсадить шейдеров на блокиратор с самого раннего детства, чтобы никто из нас не мог справиться с инстинктами без помощи литианской фармы. Лаборантки шептались, что за несколько лет до этого был громкий случай, из-за которого программу временно пришлось свернуть. Никто не хотел повторения, так что в тот раз решено было действовать тоньше и более скрытно.

Где-то среди записей, собранных Дамианом Рохасом для трансляции на «Голосе Абисса», был рассказ о нашем с Кесселем детстве. Хавьер, старший из детей Себастиана, помнил и последние годы в Центре, и бесконечные поездки в больницу, где манны в белых халатах, полные фальшивого участия, вновь и вновь повторяли родителям, осаждавшим клинику, что состояние юных пациентов тяжелое, но они делают все возможное, чтобы...

Никто так и не узнал, что именно они делали. Но из тридцати детей, принудительно получивших дозу экспериментального блокиратора, не выжил ни один. Поднялся ужасный шум, и после массовых протестов литиане вынужденно согласились отодвинуть возраст первой дозы до начала полового созревания. Программу ранних инъекций закрыли. Вернее, сделали вид, что закрыли.

Тогда как на самом деле...

Все продолжалось.

– До нас никому не было дела... – Голос Ракель зазвучал тише, словно горькие воспоминания подавляли ее. – За время, что я провела в центре, была лишь одна фемма-лителианка, которая проявляла хотя бы подобие участия. Остальным же... было все равно. Вряд ли кто-то из них вообще воспринимал нас как живых существ. Просто куски плоти... в больших пробирках...

Я стиснула зубы, едва сдерживая ярость шейда, готового прорваться наружу.

– Не знаю, как долго я находилась в капсуле, – поежилась Ракель. – По цифрам выходило около двух лет, по ощущениям – вечность. С какого-то момента мне и некоторым другим детям стали уделять больше внимания, чем остальным. Что-то происходило с нами – что-то странное, противоестественное. С каждым разом открывать глаза становилось все труднее, а опыты проходили болезненнее и мучительнее. Раны не затягивались. Блокиратор и регулярные инъекции что-то сломали во мне, отчего тело начало отторгать мою вторую сущность... и все остальное тоже. Шейд выходил из меня вместе с жизнью. Помню, что вода в капсуле была мутная и вонючая, меня все время рвало, бросало то в жар, то в холод. Соседние камеры пустели одна за другой. А потом... а потом... потом...

Вперед шагнул Анхель.

– Эти шиссовы ублюдки, – глухо прорычал он, – хотели, понимаете ли, все рассчитать. Подготовиться, прежде чем выводить на рынок новую, улучшенную, как они это называли, версию блокиратора. Выяснить, сколько дряни можно вколоть хорошеньким юным феммочкам и умненьким маннам, чтобы потом эти хорошенькие и умные всю жизнь работали на «Ли Тек», боясь потерять рассудок и красоту. Но и такие, как я, агрессивные и дв... неуправляемые, в этом шиссовом месте тоже были в цене. Нас пытались сломить, подавить, обезвредить. Вот только, – криво усмехнулся он, – ничего не вышло. Все умненькие и красивые не доживали до полового созревания, а маленькие злые м... твари выжигали шиссову заразу, сколько бы ее ни вводили, – пока не ломались. В один момент, как и все другие. Но я... – Анхель вздохнул, прерывисто и рвано, и выругался, применив, наверное, все бранные слова, когда-либо существовавшие

в Литианском секторе. – Не готов был сдохнуть. И не мог... не мог просто смотреть, как все вокруг умирают один за другим из-за того, что одной корпорации было слишком мало кредитов. И тогда я пообещал, что выберусь, прогрызу путь наверх и вытащу их всех. Не позволю...

Взгляд против воли упал на закрашенные следы когтей. Так вот оно что...

– Я не успел. Было... поздно. Когда мне удалось, обманув лаборантов и охранников, выбраться из шиссовой капсулы, в живых осталось лишь пятеро. Я вытащил всех. Но вывести из лаборатории смог всего троих. Переход по пустошам выдержали только мы с Ракель. Да и ее я потерял бы, если бы не шиссов Рохас...

Рука бывшей барменши «Логова» мягко опустилась на плечо зеленоволосого шейдера. Порывисто потянувшись, Анхель сжал тонкие пальцы, даже в металлическом каркасе экзоперчатки казавшиеся такими хрупкими в его огромной лапище.

– Не стоит благодарности, – прозвучал в наушнике далекий голос лидера «Хирургов». – Хватит и того, что главный козырь против Ли Обелля и «Ли Тек», за которым я столько лет охотился, наконец-то всплыл. Так что за работу. Снимите больше визуальных подтверждений вашей истории, чтобы «Голосу Абисса» было с чем работать.

Дверь с шипением втянулась в стену.

Я задержала дыхание, вглядываясь во мрак.

Шисс!

– Оно. Это оно.

Мы пробрались сюда, чтобы найти конвейер, производящий убивающую шейдов заразу, но все обернулось иначе. Гораздо хуже, чудовищнее, безумнее. Подпольная лаборатория, проводящая эксперименты на детях... это было совсем, совсем другое.

– Никс...

– Запись идет, детка. Мы с вами.

Здесь следы поспешных сборов оказались заметнее всего. Важная техника была грубо выдернута из гнезд и разъемов, неважная – разбита и брошена. Но даже оставшегося оборудования с лихвой хватало, чтобы получить представление о масштабе и размахе опустевшей подпольной лаборатории «Ли Тек». Холодильные камеры,

анализаторы, центрифуги для расщепления жидкостей, несколько перегонных установок и...

Луч фонарика выхватил из мрака длинный ряд огромных сосудов. Больше половины из них были пусты – под капсулами была налажена система сброса жидкости. Но примерно на середине ряда автоматика дала сбой. Один из сосудов, заполненных зеленоватой жидкостью, накренился, – видимо, пострадав от поспешных сборов, – и механизм закоротило, прежде чем он завершил процедуру.

Осторожно и медленно мы подошли ближе. Мутная субстанция мешала рассмотреть, что внутри, но сердце дрогнуло, сжавшись от необъяснимого, чудовищного чувства неправильности. Запах, тяжелый и гнилостный, ударил в ноздри.

Круг света скользнул по толстому стеклу, датчикам и трубкам подачи жидкости – пока не замер, коснувшись едва различимой округлости бледного плеча. Почти бессознательно я подалась ближе, вглядываясь в зеленую муть. И едва подавила желание отскочить прочь.

Шиссова мать и все ее шиссовы...

Кто-то гулко сглотнул.

– Это же...

– Ребенок.

Горло сдавило отвращением. Шейд внутри яростно всколыхнулся.

Я не могла отвести взгляд от щуплой фигурки, плававшей за стеклом, не в силах переварить чудовищную правду. Одно дело – слышать убийственный рассказ Ракель, а другое – видеть все своими глазами.

– Покрути-ка головой, детка, – раздался в наушнике хриловатый голос Никс. Из-за помех и шока я с трудом разобрала ее слова. – Записываю видео с твоего визора. «Хирурги» держат контакт с общественными и правозащитными организациями – они от этого в восторг придут. Поверь, завтра все новостные программы подхватят сюжет про ужасы на Абиссе, творимые корпорацией «Ли Тек», глава которой, между прочим, занимает кресло мэра. И не только в Литианском секторе – есть у меня фемма с выходом во внешние системы. У роноанцев от такого шкуры иглами встанут. Они очень серьезно относятся к защите прав всех разумных существ галактики. В

век прогрессивных технологий тирании не место! Давай, давай, три шага вперед. Ракель, подсвети Солане так, чтобы в кадр попал логотип.

Бывшая барменша «Логова» с зажатым в руке фонарем медленно прошла между разгромленных рядов, бесстрастным голосом рассказывая на камеру обо всем, что помнила со времен своего заключения, и только бледное лицо и скрип сочленений экзоперчатки, сжатой в кулак, выдавали, насколько нелегко давалось ей возвращение к прошлому. Анхель ходил за подругой хвостом, как привязанный, изредка вставляя несколько метких нецензурных слов.

– Здесь хранились запасы реагентов. В холодильных установках держали образцы крови и тканей – по одному агрегату на каждую группу испытуемых. Лаборатория была оснащена всем необходимым оборудованием, чтобы не привлекать сторонних подрядчиков. Все – от производства блокиратора до анализа данных и утилизации трупов – осуществлялось прямо здесь.

– В этом самом шиссовом месте.

– Первой, второй и четвертой группе, – коротко распорядился Хавьер. – Рассредоточьтесь. Проверьте холодильники, анализаторы, перегонные аппараты. Нам нужно все, что может содержать сведения об опытах, проводившихся в лаборатории. Отовсюду соберите пробы и сразу же протестируйте их с помощью портативного сканера. Первый, кто обнаружит следы вещества, используемого для убийства шейдов, немедленно выходит на связь. Анхель, Ракель, со мной.

Дождавшись брата и барменшу, Кессель подвел их к наклоненной капсуле.

– На данный момент это единственное, что литиане точно не желали оставлять тем, кто наткнется на лабораторию. Что мы можем извлечь отсюда – помимо тела?

Тела...

Ладонь Ракель несмело легла на стекло, будто фемма отчаянно хотела коснуться заточенного внутри ребенка. Пальцы дрогнули, царапая ногтями толстое стекло.

Кожа под плотной тканью защитного костюма зачесалась, готовая обрасти чешуей шейда. Я стащила перчатку и, переглянувшись с Ракель и Хавьером, со всей силы вонзила в капсулу острые когти. Гладкая поверхность дрогнула, покрывшись сетью трещин.

Кр-рак!

Капсула с треском раскололась на части. Под ноги хлынула мутная зеленая жижа, разливаясь по полу вонючей лужей. В глаза ударил едкий пар – осколок повредил охладитель. А когда туман рассеялся, на руках Анхеля, вовремя подхватившего ценную ношу, остался опутанный проводами и трубками маленький шейдер.

Мертвый.

Горло сдавило.

Ребенок, бледный и истощенный до предела, был абсолютно голым. Тело покрывали многочисленные рубцы и следы от ожогов. Вены на сгибах локтей были одним сплошным месивом из-за регулярных инъекций. Даже сейчас, после смерти, в маленьком теле остались иглы и вживленные в череп чипы. Из горла торчала толстая трубка.

Я аккуратно достала ее, чтобы Анхель смог положить тело.

– Что с ним делали?

Младший Кессель яростно сверкнул глазами, оставив вопрос брата без ответа. Зато откликнулась Ракель. Фемма присела около маленького манна, пробежалась пальцами по трубкам.

– Это датчики физического состояния испытуемого, – глухо и безэмоционально проговорила она. – В основном они считывали импульсы головного мозга, однако иногда через них же подавали ток. Отсюда раздавалась питательная смесь в тех случаях, когда было дано разрешение на кормление. Игла в предплечье отвечала за блокиратор. В позвоночном столбе отверстие для пункций, на ноге катетер для инъекций. Сначала его подсоединяли к локтевому сгибу, потом на запястье, а когда вены рук становились непригодными, переключались на ноги. А это... – Ракель выделила из переплетения трубок одну, мутную и темную. – Не знаю. Раньше литиане утилизировали тела подопытных сразу после смерти, но этот ребенок, кажется, мертв уже несколько месяцев.

– Солана?

– Трубка настроена не на ввод препаратов, – изучив строение катетера, заключила я. – Они собирали что-то.

– Анализы?

– Надо выяснить.

Поморщившись – втыкать в израненное тело еще одну иглу ужасно не хотелось, – я взяла кровь маленького манна. Портативный

анализатор впитал бурую каплю. Секунду ничего не происходило, а потом...

Да какого шисса!

Невозможно!

До боли знакомая формула вещества, убивающего шейдов, мигала на виртэкране, бросая на наши лица тревожный красный отсвет. Клетки мертвого манна буквально сочились ей – как и стенки трубки, тянувшейся из маленького тела в недра капсулы.

Осознание придавило бетонной плитой – будто потолок лаборатории рухнул на плечи, погребая под своей тяжестью. Шисс, прямо сейчас я хотела, чтобы так и случилось, – слишком ужасным было открытие. Как же отчаянно, до безумия, хотелось разнести лабораторию на атомы. Похоронить в недрах Абисса все, чтобы не осталось даже воспоминаний об этом месте.

Никакой линии производства в традиционном ее понимании не было. Вещество, отравлявшее шейда, получали... из шейдеров. Шейдеров с мертвым шейдом внутри, искалеченных, перекаченных блокираторами и шисс знает какой еще гадостью.

– Хавьер...

Старший Кессель выдал заковыристую тираду о том, кому, куда и какое количество шиссов следует засунуть и что делать после.

О да...

Как по мне, так он еще мягко сказал. Шейд внутри бесновался, чувствуя близость яда и мертвых соплеменников. Нестерпимо хотелось помыться, а еще – запихнуть литиан в эти капсулы смерти, подключить к аппаратам и посмотреть, как они будут корчиться. Впрочем... зрелище было бы до обидного коротким. Хрупкие литиане не продержались бы и двух минут – что уж говорить о двух годах.

Не то что мы...

– Образцы на анализ. – Хавьер первым взял себя в руки. Но по тому, как сверкали его глаза и ходили под кожей желваки, было понятно, что он далеко не так спокоен, как пытался показать. – Всем группам, прием. Цель обнаружена. Повторяю, цель обнаружена. Сворачиваем операцию.

– Эй, что это значит? – возмутился подошедший Хьюго. – Договор был такой: находим эту шиссову лабораторию, забираем все, что плохо лежит, а потом взрываем остальное к шиссовой матери.

Манн почти рычал от злости, но то, как старательно он отводил взгляд от разломанной капсулы, явно давало понять, что истинная причина его ярости вовсе не Кессель. Честно сказать, я его понимала. Открывшуюся нам чудовищную правду было непросто... принять.

– Отставить, – качнул головой Хавьер. – Это нужно показать всем – всему Литианскому сектору. Запустить судебных экспертов, позволить им провести необходимые процедуры и привлечь «Ли Тек» к ответу.

– Они же изрежут малыша в лоскутки! – Хьюго, еле заметно вздрогнув, указал на тело маленького шейдера, которого держал в объятиях бледный и востропанный Анхель. – Распилят на тысячу мелких кусочков в попытке убедиться, что вытекающая из него зараза токсична для живых шейдеров. Тебе не кажется, что он не заслужил такого – не после всего, что с ним делали.

– Единственный способ сделать так, чтобы подобного больше не повторилось, – с нажимом произнес Кессель, – привлечь внимание к происходящему. Заставить мир открыть глаза. Так, и только так, мы сможем гарантировать, что ни один шейдер больше не окажется в экспериментальной капсуле.

Замысловато выругавшись, Хьюго отступил. Два «Кулака», державшиеся позади предводителя, оттащили заготовленный ящик со взрывчаткой дальше от капсул.

Хавьер активировал внешний коммуникатор.

– Никс, ты на связи? Сможешь принять пакет данных с портативных анализаторов? Нужно, чтобы вы переслали их независимым экспертам, не связанным с «Ли Тек». Пусть срочно летят сюда и фиксируют все, что осталось от лаборатории.

Ответом был шум помех. А потом – далекий прерывистый голос, с трудом перекрикивавший шипение и треск.

– Хави... связь... не могу... спутник будет над вами... три минуты...

– Трех минут нет, – отрезал Кессель, четко артикулируя слова. – Попробуем сейчас, и еще раз, когда появится спутник. Отчитайся о получении.

Молчание.

– Никс... – Треск, треск. – Вызывай третью группу. Пусть забирают нас у входа через пятнадцать минут. Никс, повторяю, подрыв

отменен. Нельзя уничтожать улики. Немедленно высылай третью группу. Как слышишь?

Ничего.

– Мы слишком глубоко под землей, – буркнул Хьюго. – Скалы глушат сигнал.

– Возьми с собой половину бойцов и ящики с образцами. Поднимайтесь к поверхности и попытайтесь выйти на связь оттуда. Приказ ты слышал.

– Будет сделано, – хмуро откликнулся манн.

– И забирайте взрывчатку, – бросил вдогонку Хавьер. – Случайные взрывы нам не нужны.

– Хорошо. Ждем вас в ангаре.

Я нутром чуяла – будь у шейдеров такая возможность, ушли бы практически все: слишком тяжело было оставаться в лаборатории, насквозь пропахшей ядом, разложением и смертью. Слишком тяжело было смотреть годами замалчиваемой литианской правде в ее уродливое лицо. Но приказ Хавьера требовал исполнения, и послушаться никто не решился.

Манны потерянно переходили от одного полупустого стола к другому, перебирая сломанные инфочипы, возвращая на место сброшенное и сломанное оборудование. К капсулам старались не подходить. На общей частоте воцарилось подавленное молчание, разбавляемое лишь треском помех.

С мертвым шейдером остались только Анхель с Ракель. Оба не принимали участия в сборах, сидя бок о бок у разбитой капсулы. Младший Кессель бережно придерживал хрупкое маленькое тельце, пока его подруга, не прикасаясь к бледно-серой коже ребенка, аккуратно вынимала катетеры и иглы с помощью манипуляторов экзоперчатки. Вещества, убивавшего шейда, мутной лужей разлившегося среди осколков, они не боялись – бывшая барменша «Логова», несмотря на отсутствие шейда, была осторожна, а Анхель... Младший Кессель, очевидно, плевать хотел на собственную безопасность, больше заботясь о маленьком теле на руках.

Видеть это было больно и горько.

Я смотрела на Анхеля и Ракель, а представляла своего отца, потерявшего ребенка из-за литианского экспериментального блокиратора. Когда-то и Андрес Диаз, верно, вот так же сидел, скорбно

сгорбившись над больничной койкой мертвого сына, – еще до переезда в трущобы, до основания «Механического солнца», до предательства... Гладил – в точности как младший Кессель – спутанные темные волосы, еще влажные от жидкости капсулы, и не мог понять, как такое вообще было возможно. Это просто не укладывалось в его голове.

Как и в моей.

Работать год за годом, равнодушно нажимать кнопку затвора утилизатора, сбрасывая очередное тело, бесстрастно отворачиваться к мониторам, записывая последние показания с датчиков, а после возвращаться домой и... как ни в чем не бывало гулять по улицам, смеяться, любить. Обнимать фемму, гладить по голове своего милого литианского ребенка. А на следующий день возвращаться и продолжать – снова, снова, снова.

Я бы не смогла.

Я бы никогда так не смогла.

Все внутри – все, во что я верила, все уроки отца и наставления Саула – восставало против такого.

Я поправила шлем, ловя Анхеля и Ракель в фокус налобной камеры. Связи не было, но запись все равно шла. Было чуточку стыдно вторгаться в редкий момент тихой близости двух глубоко травмированных, израненных... друзей, но я не могла поступить иначе. Это нужно было показать – показать всему миру – наравне с капсулами смерти, скрытой лабораторией и отвратительными результатами гнусных литианских экспериментов.

– Шейдеры – такие же манны и феммы, как литиане или нор-ры, – тихо прошептала я, надеясь, что голос будет слышен только на записи. – Живые. Мыслящие. Чувствующие. И любой – любой, в ком осталась хоть капля сострадания, – должен это понимать.

Разве могло быть иначе?

– Сола... – Голос Химика – живой, не механический голос – вырвал меня из ледяной хватки печали. Манн, напросившийся в команду в качестве эксперта и прежде державшийся в самом хвосте, неловко переминался с ноги на ногу в громоздком экзокостюме. Коммуникатор на его запястье был выключен. – Я тут нашел кое-что. Не поможешь?

Отключив камеру, я пошла за синеволосям полукровкой. В отличие от боевиков-шейдеров Химик был полон энтузиазма и на удивление равнодушен к увиденным ужасам. Может, сказывалось то, что шейда у него не было, и страдания шейдеров казались ему чем-то отвлеченным, не важным. А может, просто темперамент был такой. Я запоздало вспомнила, что, кажется, в прежней жизни до «Механического солнца» Химик сам работал над созданием блокираторов. Кто знает, чего он тогда насмотрелся. Кто знает...

– В северной части лаборатории, – тараторил манн, – есть закрытая дверь. Похоже, там была ординаторская или комната для оператора капсул – что-то вроде того. Я посветил через стеклянную стену, техника все еще на месте. Только вот дверь заклинило. Не могу поднять.

Я только головой покачала. Что тут скажешь – Химик был в своем репертуаре. И чего ему не сиделось вместе с Никс, Фабио и командой Рохаса в тихом и спокойном пятом? Данные собраны, ящики с образцами отгружены – исследуй себе сколько влезет. Но нет, потянуло... на полевую романтику.

Ладно, ординаторская, да еще с уцелевшей техникой, – это хорошо. Вдруг да удастся достать несколько неповрежденных инфочипов.

Дверь поддалась со скрипом. Пришлось напрячь все силы шейда, чтобы расширить проход до состояния, когда через него смог бы протиснуться манн в экзокостюме. Стены комнаты были толщиной с руку – не ординаторская, а настоящее убежище.

– Вот, смотри, смотри. – Химик вслед за мной забрался внутрь. Свет его налобного фонарика заскользил по потухшим панелям управления и полупустым полкам. – Круто, да?

– Хавьер, – позвала я в коммуникатор. – Подойди.

Тишина.

Я проверила браслет-коммуникатор, убеждаясь, что он полностью исправен.

– Хавьер... Хави? Анхель? Прием. Прием!

– Сола. Сюда.

Я обернулась к Химику, чтобы приказать тому позвать Кесселя, пока я разбираюсь с панелями управления, – и вдруг почувствовала,

как что-то коснулось шеи. Тонкие иглы шипа прокололи кожу, впрыскивая... что-то...

Какого шисса?..

За спиной с шипением захлопнулась дверь – та самая, которую я с таким трудом открыла пару минут назад.

На осознание глубины шиссовой задницы, в которой я оказалась, ушло не больше мгновения.

Удачно упавший генератор, который мог бы спасти жизнь Михелям, наводка на заброшенную фабрику с помощью водички с примесью тяжелых металлов, коммуникатор, потерянный в шиссовой яме как раз перед встречей с маннами Рохаса, и тот факт, что Химик был последним, в чьих руках находился шип с остатками вещества, который я извлекла из Хавьера... Вряд ли дядя был настолько умен, чтобы выдумать план с отравлением Ракель, а вот Химик... Химик мог. Химик мог дать Рамону чип с вирусом, подготовить шип. Да и сейчас... завод был обесточен. Откуда тогда взялась энергия для закрытия двери, если все это... не было заранее спланировано?

Шисс, шисс, шисс!

Ловушка!

Это ловушка!

Мысли вихрем пронеслись в голове, а тело, напитанное силой шейда, уже разворачивалось к Химику, еще опускавшему пистолет, из которого он только что выстрелил в меня. Остановить, обезвредить – а потом предупредить Хавьера и остальных, пока не стало слишком поздно.

Но я не смогла трансформироваться.

Не успела даже закончить смертельный прыжок.

За бронированным стеклом ординаторской огненным смерчем расцвел взрыв. Лабораторию сотрясло до основания, меня повалило с ног, погребло под грудой сорвавшихся полок. Я съежилась, ожидая, что взрыв сомнет комнату словно жестяную банку, но толстые стены выдержали огненный удар.

Но ведь Хьюго унес ящики! Лаборатория была чиста! Да и вообще, всей взрывчатки, что мы принесли, не хватило бы, чтобы устроить такой хаос.

А значит...

Все и правда было подстроено.

От начала до конца.

Шисс!

Снаружи ревело пламя, капли оплавленного металла стекали по стеклу, оставляя за собой красно-серый след – такие же горячие и жгучие, как слезы. Перед глазами двоилось от сотрясения и неизвестной шиссовой дряни, растекавшейся по венам. А сердце стучало все быстрее... сгорая, сгорая в огне, полыхавшем под веками.

Они мертвы.

Анхель, Ракель... Хавьер.

Все мертвы.

Серебристый шейд бился в агонии, и вместе с ней по телу растекалась ярость, слепящая и неудержимая, словно пламя за стеклом. С трудом поднявшись на ноги, я впилась взглядом в Химику. Шагнула вперед. На лице манна отразился ужас, в следующую секунду сменившийся расслабленным спокойствием.

Что?..

– Ну, здравствуй, Солана, – раздался за спиной самый ненавистный на всем Абиссе голос. – В прошлый раз мы не закончили нашу беседу. Ничего. Теперь у нас будет достаточно времени.

Боль от второго укола я практически не почувствовала.

Последним, что я увидела, прежде чем провалиться в душную темноту, были бронированные носки ботинок Ли Эббота.

Глава 11

Свет, белый, слепящий, он ворвался под веки, обжигая глаза, в которых еще догорали отголоски пламени. Тело не слушалось, в ушах гудело – то ли рев двигателя, то ли гул генератора, питавшего яркие лампы.

Я попробовала пошевелиться – голова буквально взорвалась от боли.

Плохо.

Заброшенный завод оказался ловушкой. Мы провалили миссию – не успели вынести образцы, подтверждавшие нелегальные опыты на детях. Даже записи с визоров передать не удалось – вовремя включенная глушилка свела на нет попытку трансляции, оборвав связь со студией «Хирургов».

Объединение сил шейдеров не привело к победе. Мрачные прогнозы Дамиана Рохаса воплощались во всем пессимистичном великолепии. Еще немного, и нас посмертно выставят террористами, уличные бунты подавит полиция, недовольных посадят в тюрьму.

Все будет кончено.

Шейд откликнулся волной протеста, переплавляя боль в злость, жидким металлом растекавшуюся по венам.

«Нет. Не все».

Оцепенение, вызванное впрыснутым мне наркотиком, спадало, возвращая мышцам силу, а разуму – острую кристаллическую ясность. Я была жива. И раз отчим не убил меня сразу, еще оставался шанс. Крошечный, но шанс. Не выжить, нет – на такое я, оказавшись в руках Ли Эббота, даже не надеялась.

Отомстить.

За Хави, за Михелей, за Ракель и Анхеля... за отца.

Тело захлестнула волна ярости – шейд одобрял мой выбор, собирая силы для решающего броска, когда представится удобный момент. Кожа под курткой зачесалась, готовая покрыться серебристой чешуей.

Ли Эббот заплатит. За все.

– Очнулась, – раздался высокий голос Химика. Я напрягла мышцы, проверяя оковы на прочность. Тщетно. – Можешь не стараться, в полиции учли предыдущий опыт и подобрали более крепкие наручники.

Говорить было трудно, поэтому я лишь ощерилась, всем видом демонстрируя презрение. Шиссов... нет, много чести. Мелкий помойный грыз, иначе и не скажешь.

Приоткрыв глаза, я различила синеволосого полукровку, стоявшего в нескольких шагах от меня. Залитая светом белая комната за его спиной двоилась в расфокусированном зрении. На краю видимости суежились тени в белых халатах.

Похоже, мы все еще были в лаборатории или где-то неподалеку. И оборудование, реагенты, жесткие диски с результатами исследования... весь тот компромат, который мы так упорно искали, все это время был здесь, под нашим носом.

Шиссово семя! Надо было догадаться, догадаться сразу же, как только мы ступили на порог опустевшего завода! Тогда не случилось бы...

И Хави... и все остальные... остались бы...

Глаза предательски защипало.

Химик фыркнул.

– Могла бы и поблагодарить, Солана. Если бы не я, ты лежала бы сейчас горсткой пепла вместе с остальными, а не сидела бы в убежище, живая и невредимая. Тебе невероятно повезло, что ты оказалось нужна капитану Ли Эбботу настолько, чтобы он дал личное распоряжение не начинать операцию, прежде чем ты не окажешься в безопасности.

Я дернулась сильнее, кровожадно мечтая вспороть когтями тонкую шейку предателя. Бесполезно. Мои старания вызвали у Химика насмешливую улыбку.

– Не завидую тебе после того, как капитан закончит.

Тяжелые шаги заставили полукровку умолкнуть. Манн выпрямился, отдавая честь вошедшему в комнату литианину в усиленном экзоскостюме.

– Капитан Эббот.

– Ювель.

Отчим равнодушно кивнул бывшему Химику.

– Шей Диаз в полном вашем распоряжении, капитан, – отчитался полукровка. – Крепления наручников ограничивающего кресла надежно удерживают вашу гостью, в том числе в трансформированной форме, что исключает любые... эксцессы. Для закрепления эффекта я взял на себя смелость ввести ей мощное седативное.

Холеное, гладко выбритое лицо отчима исказила гримаса недовольства.

– Я приказал проследить, чтобы Солана Диаз уцелела при взрыве. От тебя не требовалось брать смелость и проявлять неуместную инициативу.

Самодовольная улыбка моментально сползла с лица Химики.

– Не беспокойтесь, капитан, я изучил все ваши требования и подобрал подходящий препарат. Он идеально совместим с фрагментатором и мозговым буром, которые вы приготовили для... – Прозрачные глаза сощурились, и Химик, побледнев, проглотил вертевшие на языке оправдания. На тощей шее нервно дернулся кадык, и продолжил манн уже далеко не так уверенно. – Простите, капитан. Этого больше не повторится, капитан.

– Запомни, Ювель, смелость, инициативы и прочие свободы должны сгореть вместе с твоими бывшими друзьями. А здесь, – сжалась в кулак рука в экзоперчатке, – приказы отдаю я. И только я.

– Конечно, капитан.

– То-то.

Испуг на лице Химики вернул Ли Эббота в состояние расслабленного благодушия. С видом победителя он подошел ко мне и первым делом проверил толстые скобы наручников, охватывавших шею, запястья, лодыжки, бедра, талию и плечи. Удовлетворенно кивнул и потрепал меня по щеке в извращенном подобии ласки, на которое была способна мелкая моторика экзоперчатки.

Я с трудом сдержалась, чтобы не плюнуть ему в лицо.

– Капитан, – подал голос Химик. Вместо того чтобы по-тихому исчезнуть, пока Ли Эббот развлекался с любимой игрушкой, манн нерешительно переминался с ноги на ногу, явно желая продолжить разговор. – Надеюсь, мои услуги оценены вами в должной мере. Вы обещали добиться, чтобы мне вернули ученую степень и место в лаборатории. Я же могу рассчитывать, что вы напишете рекомендацию на повышение?

Зря он это сказал.

– Разумеется, Ювель... – Губы отчима растянула недобрая улыбка. – Ты получишь свои рекомендации.

Химик даже не успел понять, что произошло. Казалось, миллисекунду назад Ли Эббот стоял спиной к нему и говорил ровно и благодушно, как вдруг в один момент развернулся, наводя на высокий лоб под синей челкой дуло плазменного пистолета. Палец дернулся, вжимая кнопку в корпус.

Тело в экзокостюме с грохотом впечаталось в стену, испортив идеальную белизну комнаты уродливым кровавым пятном.

Привлеченные выстрелом, в комнату ввалились полицейские и сотрудники лаборатории в белых халатах. Первые смотрели привычно равнодушно, вторые ошарашенно крутили головой, переводя испуганный взгляд с пистолета в руке Ли Эббота на скорчившийся у стены труп.

– Уберите.

Капитан равнодушно кивнул в сторону тела Химики.

Дождавшись, когда мы снова останемся одни, Ли Эббот вернул оружие в кобуру.

– Не люблю выскочек, – доверительно поделился он, повернувшись ко мне.

Я не ответила.

Отчим шагнул ближе, наклонился.

– Ну что, – с нежностью, вызывавшей исключительно рвотные позывы, проговорил капитан. – Продолжим по-хорошему? Тебе незачем сопротивляться и строить из себя недотрогу. – Ладонь в экзоперчатке скользнула по моему колену до полукруглой скобы, обхватывавшей верхнюю часть бедер. – У тебя никого не осталось. Только я.

Я лишь крепче стиснула зубы.

– Ненадолго.

– Это как посмотреть... – Отчим гнусно улыбнулся. Повинуясь щелчку его пальцев, у стены, под которой еще недавно лежало тело Химики, вспыхнул проектор. – Если ты до сих пор надеешься на помощь своих помойных друзей, посмотри сюда.

Это был словно удар под дых. Отчаянно хотелось зажмуриться, отвернуться, чтобы не видеть рыжих всполохов пламени, бьющих из

недр скалы, где еще недавно располагался завод и секретная литианская лаборатория, но огонь проникал везде, отпечатываясь на сетчатке глаза жгучими вспышками. Над пожаром кружили полицейские ховеры. Миг, и картинка сменилась изображением разбитых транспортников, вокруг которых сновали крохотные фигурки в экзоскостюмах.

Никто не спасся. Никто. Даже третья группа...

Тело прошила боль. Ярость шейда усиливала мое собственное горе, умножая, обостряя его до предела. Экран горел, и я горела изнутри вместе с ним.

Мертвы. Все мертвы...

– Какой ужас... – Отчим ухмыльнулся. Мое отчаяние лишь сильнее распяляло его, и я до хруста стиснула зубы, чтобы собраться и лишиться его хотя бы этой малости. – Ты только посмотри, что террористы сотворили с государственной собственностью, построенной на деньги честных налогоплательщиков. Теперь придется отменить часть социальных пособий, чтобы восполнить причиненный ущерб. Никто, конечно, не обрадуется, ну, впрочем, они и так никогда не радуются. Но ничего. Еще немного – и недовольные отучатся возмущаться. Раз и навсегда.

Блеклые глаза сверкнули безумным огнем.

– Все кончено, Солана. Твои друзья мертвы, а остальных в этот самый момент разыскивает полиция. Будь уверена, на этот раз наши дротики сработают как надо. Это с цивилизованными шейдерами придется постараться, но дикий сброд – совсем другое дело. Скоро с терроризмом в Абисс-сити будет покончено. Трущобы станут чище, а я займу место начальника полиции... А может быть, и самого мэра. Мэр Ли Эббот – мне нравится, как это звучит.

Не выдержав, я зло зашипела.

Ли Эббот скользнул пальцами по моей шее, не сводя с моего тела алчного взгляда.

– Совсем одичала, – укоризненно покачал головой капитан. – Боюсь даже предположить, когда ты последний раз делала инъекцию блокиратора... хотя нет, припоминаю. Дней... десять назад, в моем кабинете. Что ж, придется устроить небольшую проверку. Эффекты медикаментозной несовместимости нам с тобой не нужны.

Шею кольнуло. Я зло дернулась, собирая все силы шейда, чтобы сопротивляться впрыснутой заразе, но оказалось, Ли Эббот, напротив, взял несколько капель крови. Портативный анализатор послушно заглотил их и спустя несколько секунд выдал результат на коммуникатор отчима.

– Чистая. – Пробежавшись глазами по мелким строчкам, капитан удовлетворенно кивнул сам себе. – Даже седативное, которое ввел тебе этот идиот Ювель, наполовину подавлено твоим шейдом. То, что надо.

Предвкушающая улыбка исказила рыхлое лицо Ли Эббота, придав ему еще более безумный вид. Подойдя к столу, стоявшему в дальнем углу комнаты, капитан взял заранее заготовленный шприц и мягко нажал на поршень, стравливая воздух.

– Я долго ждал этого момента. – Отчим приблизился ко мне, держа в руке шприц. – С того самого дня, когда подобрал вас с вашей никчемной матерью, я искал способ легально подобраться к тебе. Провоцировал, терпеливо ждал, когда случится неизбежный срыв и я получу законный повод сдать тебя в клинику как буйную и неконтролируемую тварь, а уж там, – он мечтательно усмехнулся, – у меня было бы достаточно власти, чтобы извлечь из тебя все что угодно. Но твоя сучка-мать слишком быстро раскусила мои намерения. И научила тебя терпеть, подчиняться и молчать, подавляя инстинкты вашей дикой расы. А потом, едва лишь ты достигла подходящего возраста, посадила тебя на блокиратор. Да, оставалась слабая надежда, что ты сорвешься после ее смерти или потом, в трущобах, но, несмотря на запредельную цену инъекции, ты все равно умудрялась раз за разом находить кредиты на новую дозу. Но теперь... теперь можно использовать тебя по полной.

С каждым словом игла становилась все ближе. Страх – мой и шейда – волной прокатился по телу. Шейда пугала литианская дрянь, меня же не на шутку взволновало это странное слово «использовать».

Использовать...

Шисс!

Шисс, шисс, шисс, все, что угодно, только не это!

Вывернув голову так сильно, как только позволял ошейник, я плюнула Ли Эбботу в лицо. И за те несколько секунд, что отчим протирал визор, потянулась ко второй сущности, умоляя о помощи.

Был только один шанс, один способ спастись, оставив ненавистного капитана ни с чем...

Но шейд не откликнулся. Шейд не хотел умирать, даже если этого так страстно желала я. Шейд верил – мы выберемся.

Пальцы Эббота болезненной хваткой впились в плечо.

– Убил бы, – проговорил он. – Но ты мне еще нужна. Нам надо поговорить, но, видимо, не в таком состоянии.

Игла вошла в шею. Неизвестная отравка растеклась от места укола горячечным жаром. И вдруг...

Я моргнула.

Мир перед глазами треснул на четыре части.

Я растерянно моргнула еще раз – и Ли Эбботов со шприцом, бесстрастно наблюдавших за мной, стало уже шестнадцать.

Паника подступила к горлу.

Я захлопала глазами, силясь отогнать наваждение, но с каждым движением век все дробилось сильнее и сильнее – на сотни и тысячи маленьких кусочков.

Что со мной, что со мной, что со мной?..

Меня затрясло. Ногти царапали железо, но я не чувствовала металла, не чувствовала рук, подлокотников, комнаты, Ли Эббота.

Воздуха не хватало. Я хотела протолкнуть его в себя, вот только даже такая... простая вещь, как дышать, дробилась... дробилась, дробилась, и я не знала... как собрать ее обратно.

Помогите, помогите, помогите...

Я теряла... реальность. Себя.

Бесконечное деление на... бесконечно малые... которые распадутся еще... еще...

Еще...

Пока я не стану...

Ничем.

Глава 12

– Андрес Диаз.

Громкий, настойчивый шепот ворвался в мысли, придавая им направление и стройность.

Андрес.

Диаз.

Два коротких слова, но сколько в них важного, ценного. Сколько воспоминаний, моментов, светлых и темных, радостных и печальных. Теплота в синих глазах, чувство любви, оглушающая боль и горечь потери.

Папа...

«Мелочь, что ты вообще помнишь о своем отце?»

Тысячи, десятки тысяч образов, наполненных цветом, запахом, звуком, вспыхнули одновременно перед внутренним взором. Они умножались, разделялись, переплетались, наслаиваясь друг на друга, двигались, говорили, обжигали, согревали, наполняли сердце восторгом, счастьем, ненавистью и страхом. И это было больно, больно, больно! Казалось, будто кто-то разом открыл в моей голове все папки по поисковому запросу «Андрес Диаз», и мозг взорвался, не выдержав перегрузки. А воспоминания все множились, множились, множились, мешая зацепиться за что-то одно, чтобы не захлебнуться в мутном потоке...

«Он был хорошим отцом. Цивилизованным шейдером. Не прятался, не нарушал закон. Отец никогда не позволял себе быть таким, как вы».

«Мы?..»

Мы. Я и Хавьер Кессель. Когда-то давно, до того, как я узнала правду о жизни и целях отца, я думала, что мы с главарем «Механического солнца» из разных миров. Но чем лучше я узнавала его, тем крепче привязывалась. И понимала...

Разряд тока, прошивший тело насквозь, оборвал зарождавшиеся мысли, прежде чем пляшущие картинки сменились другими воспоминаниями о шейдере, которого я однажды вернула к жизни. Вернула для того, чтобы он изменил мою жизнь. А теперь...

Новый разряд, выжигающий нейронные связи, которые по какой-то причине считались кем-то ненужными, лишними.

– Андрес Диаз.

«Андрес Диаз».

Два слова на металлической пластине, закрепленной в основании пыльной колонны полуразрушенного ангара. Памятный мемориал, созданный выжившими боевиками «Механического солнца» после большой зачистки в семнадцатом. Короткое имя в списке из полутора сотен имен тех, кто погиб под завалами разрушенного ангара. А выше – шестигранная панель с выдавленным узором из линий и точек, напоминающим круглый корпус интегральной микросхемы с золотистыми лучами контактов. Символ организации, которую основал мой отец более двадцати лет назад.

«Его тела здесь нет. Как и всех других, разумеется. Это мемориал, который мы сделали в память о погибших. Чтобы не забывать, что случилось в тот день и чего нам это стоило. Хавьер... не любит это место. Не думаю, что он привел бы тебя сюда».

Удар, удар, удар!

Мощность была такая, что разряд, казалось, просочился в само воспоминание. Голубые молнии тока проскользнули по золотым контактам выдавленной микросхемы, оживляя узор. Декоративная панель вспыхнула, оставляя на внутренней стороне век шестигранный отпечаток.

– Андрес Диаз.

«Андрес...»

Ангар пропал, сменившись кабинетом Кесселя, но выжженный шестигранник остался – ровно там, где между двумя шкафами была аккуратная ниша, отмечавшая место белоснежной панели с выгравированным механическим солнцем, о котором так сильно мечтал отец.

«...мудро заметил, что, даже если поднять всех шейдеров в рамках одной планеты, сюда слетится армия со всего Литианского сектора, и восстание будет жестоко подавлено, а шейдеры истреблены под корень. Бессмысленно бороться за счастье, когда вокруг литианская территория, литианские планеты. Нужно было улетать. Искать другую звездную систему, другой мир. И Андрес ее нашел».

Я ожидала нового удара тока, но его не последовало. Шейд встрепенулся, ожил, вынырнув из комы. Мне будто давали возможность отдохнуть, погрузиться в теплый омут воспоминания, такого сладостного и манящего после калейдоскопа разрозненных фрагментов прошлой жизни, причинявшего лишь боль, боль, боль. И память услужливо развернула передо мной безопасную картинку.

Матовые стеновые панели с дорогой отделкой, два обитых кожей полукруглых дивана, расположенные по обеим сторонам от входа. Искрящиеся жидким золотом пакеты стима за стеклом небольшого бара. Интерактивный монитор, встроенный в рабочую поверхность огромного круглого стола. Удобное кресло. И в нем...

Сердце сжалось от любви и горечи потери.

«Мой отец и Андрес собрали небольшую группу единомышленников – высококлассных специалистов, так же, как они, недовольных существующими порядками. И разработали план, который навсегда изменил бы положение шейдеров в галактике. «Механическое солнце» – так Андрес и мой отец называли между собой их почти утопическую идею – должно было стать реальностью. Конечно, на это потребовалось бы колоссальное количество ресурсов, достать которые легальным путем было невозможно. Но ради своих семей, ради будущего других шейдеров они готовы были пойти до конца. Члены «Механического солнца» провернули поистине грандиозную по своим масштабам аферу – умыкнули из-под носа у литиан кое-что, представлявшее колоссальную ценность, взломали центральный сервер Абисс-сити, безвозвратно уничтожив часть данных, и опустошили несколько виртуальных банков. Все прошло идеально, и казалось, что остался лишь последний шаг – и все закончится, но...»

– Но?.. – ворвался извне алчущий шепот.

«Они уже были готовы приступить к финальной части плана, когда кто-то предал их. Великий план Андреса так и остался неосуществленным».

– Дальше, дальше!

Мозг отреагировал на приказ, подталкивая вперед воспоминания об окончании разговора, а инъекция, вколотая Ли Эбботом, усилила ощущения, сделав их даже детальнее и ярче, чем осталось в памяти.

Сильные руки под ягодицами. Широко разведенные бедра. И губы, требовательные, уверенные. Поцелуи Кесселя – даже иллюзорные, ненастоящие – сводили с ума.

А еще собирали воедино распадавшуюся реальность, возвращая мне меня. И питали шейда, пусть даже были всего лишь жарким воспоминанием. Таким вкусным...

– Грязная тварь!

Шепот сменился криком.

Незамедлительно последовал удар тока, но на этот раз шейд был наготове, блокируя разрушительные импульсы. Я с трудом разлепила глаза, страстно желая вырваться из вязкого омута воспоминаний и одновременно до дрожи боясь вновь увидеть крошащийся мир.

Но... нет.

Стекло капсулы, медблок, озаренный холодным синеватым светом, металлическая обшивка стен, опутывавшие голову провода устройства... Того самого, обещанного Химиком, мозгового бура. Все было... настоящим. И особенно настоящими были красные прожилки лопнувших сосудов в белесых глазах Ли Эббота и вздувшаяся, нервно бьющаяся на его виске жилка.

Вид взбешенного отчима был столь прекрасен, что я, не удержавшись, рассмеялась ему в лицо хриплым, булькающим смехом. Терять было нечего, а вывести Ли Эббота из равновесия хотелось до дрожи в пальцах. Возможно, так он быстрее совершит ошибку, которой я сумею воспользоваться...

– Маленькая потаскуха! – Брызги слюны украсили прозрачное стекло. – Похотливая дрянь! Все вы, дикие твари, одинаковы – можете лишь драться и совокупляться. Таким не место в цивилизованном обществе.

– Так всего-то и нужно было, – бесстрашно взглянула я в налитые кровью глаза, – позволить Андресу Диазу довести свой план до конца и подарить шейдерам новое солнце. Дайте нам уйти – и все проблемы исчезнут сами собой. Не нужно будет выдумывать отраву и производить миллионы порций блокиратора каждый месяц. Какое облегчение для литиан и непоправимый удар для экономики, не так ли?

Похоже, я попала в точку.

– Уйти? – заорал Ли Эббот. Планшет с голомонитором, на котором смазанной картинкой застыло лицо Хавьера – последнее, что возникло перед моим внутренним взором перед тем, как меня снова ударили током, – затрещал в крепкой хватке экзоперчатки. Пальцы свободной руки отчима впились в стекло с такой силой, будто он мечтал вскрыть мне череп. – Улететь? Так ты знаешь о корабле Диаза? Знаешь и продолжаешь упираться, подкидывая мне воспоминания о кувырканиях с вырожденком Себастиана Кесселя? Шиссовым мертвым вырожденком. Мертвым, да! – Он рассмеялся. – О, об этом я не дам тебе забыть. Буду повторять раз за разом – мертвым, мертвым, мертвым...

Я стиснула зубы, чтобы не выдать волнения, всколыхнувшегося внутри от слов отчима.

«Корабль Диаза».

Что, шисс подери, Ли Эббот имел в виду?

«Умыкнули из-под носа у литиан кое-что, представлявшее колоссальную ценность», – всплыли в памяти слова Хавьера.

Я никогда не думала об этом всерьез, но истерика отчима заставила меня по-новому взглянуть на них. Могло ли оказаться, что речь шла о корабле?

Настоящем космическом корабле!

– Вспомнила? – ядовито поинтересовался Ли Эббот.

Я только усмехнулась – тем более что ни о каком корабле я понятия не имела. Абсолютно. Вообще.

Отец никогда не делился своими планами о покорении космоса, а мать, если она и знала, запрещала даже упоминать имя Андреса Диаза после того, как мы переехали в Центр. И Кессель... Хави... за все то время, что мы провели вместе, он лишь раз поднял эту тему, но так и не раскрыл всей правды о планах наших отцов.

А значит, пусть Ли Эббот брызжет слюной, орет и тычет в меня иглами с литианской дрянью. Ему ничего не достанется.

Ни-чего.

– С какого перепуга ты решил, что я собираюсь тебе помогать?

Безумный блеск в водянистых глазах отчима, раздувшиеся от бешенства ноздри и красные пятна на бледных щеках вызывали лишь смех. Он был одержим. Одержим моим отцом, его борьбой, его кораблем, если он и вправду не был плодом больной фантазии литианского капитана полиции, всем. Не потому ли после зачистки в

семнадцатом мы с матерью оказались именно у Ли Эббота, десять лет безнаказанно упивавшегося властью над феммой ненавистного Андреса Диаза? Неужели...

Неужели не мать выбрала капитана литианской полиции, стремясь к богатой обеспеченной жизни, а он выбрал нас?..

Губы отчима растянулись в жутковатой улыбке.

– Посмотрим.

Отделив от переплетения трубок капсулы ту, что была связана с катетером в моем предплечье, он поднес ее к моему лицу, подсоединил шприц и демонстративно медленно вдавил поршень. А потом с нескрываемым удовлетворением смотрел, как я борюсь с желанием моргнуть.

Нет. Нет.

Только не это.

Только не снова.

Сердце отчаянно забилося в груди, разгоняемое все нарастающим ужасом и паникой. Глаза защипало.

Держаться, надо держаться.

Нет, нет, нет!

Жжение становилось все сильнее, все нестерпимее. Виски и основание черепа, где к голой коже примыкали контакты мозгового бура, вспыхнули болью. Я чувствовала собиравшиеся в уголках глаз горячие капли, и все тяжелее было заставлять себя не закрывать веки, не поддаваться действию дряни, расщеплявшей сознание на миллионы разрозненных кусочков. Шейд стойко сопротивлялся, но...

Мы были слишком ослаблены. Слишком истощены, чтобы на равных бороться с литианской фармой.

Я упустила момент, когда жжение сменилось лихорадочным жаром. Начавшись от глаз, он растекся по организму, ломая тело и путая сознание. Мир завибрировал, искажаясь, будто я смотрела сквозь пелену раскаленного пара.

Нет.

Нет...

Перекошенное злобой лицо Ли Эббота деформировалось, становясь длиннее и уже. Рот опустился на подбородок, нос поплыл вниз, белесые глаза выкатились из орбит. Оцепенев от жуткого зрелища, я наблюдала, как массивная фигура отчима в экзокостюме

оплывает, заваливаясь на меня, словно пластиковая скульптура на переплавке, – а вслед за ним и весь остальной мир.

Будто с поверхности слезает краска, обнажая скрытую за ней пустоту...

Вниз, вниз, вниз...

– Солана Диаз, – звал тихий голос из темноты. – Солана...

– Диаз.

Я закричала от боли в обожженных глазах, оглушенных ушах и содранном горле, но крик потерялся в хаосе звуков, запахов и ярких пятен. Тысячи, миллионы кусочков моей жизни прокручивались одновременно, разорвав то, что было мной – Соланой Диаз, – на крохотные частицы некогда цельного «я».

И единственным, что удерживало от того, чтобы распасться окончательно, были два слова.

– Андрес Диаз.

«Твой отец...»

Крепкий шейдер с пронизательным взглядом и сдержанной улыбкой, при виде которой сердце сжалось от тоски и тяжелого бремени вины, оторвался от изучения лица распростертого на асфальте нор-ра. Манн смотрел прямо и спокойно, а руки меж тем делали свое дело, ритмично надавливая на грудную клетку. Раз-два-три-четыре... а после изображение качнулось – вверх-вниз, – наполняя легкие бессознательного нор-ра кислородом.

«Андрес Диаз твой отец».

Раз-два-три-четыре. Вверх-вниз.

«Откуда вы знаете?»

Усмешка.

«Все, кому небезразлична судьба других, знают Андреса Диаза. Особенно здесь, в семнадцатом».

Раз-два-три-четыре. Вверх-вниз.

Что-то в его голосе, в облике, в излучаемой шейдером уверенности и мягкой силе заставляло прислушаться, рождая в груди теплоту.

«Я Саул. Саул Михель».

Раз-два-три-четыре. Вверх-вниз.

«Сол...»

Удар тока разорвал расплывчатый образ сумрачной, грязной улицы.

– Андрес Диаз.

Еще разряд.

Желтая вспышка молнии скользнула по контуру букв и застыла, пойманная в извилистую трубку неоновой лампы.

«Лог...»

Картинка дрогнула, расплываясь, и дочитать надпись не удалось. Алкогольная интоксикация. Это был уже шестой бар... кажется. Не лучший способ потратить кредиты, которых и так оставалось немного, но...

День был такой – паршивее не придумаешь.

Места за стойкой не было. Пришлось приткнуться у дальней стены подальше от бойцовского ринга и кожаных диванов, где сидели в окружении полуголых продажных фемм перекачанные манны, от одного вида которых к горлу подступала паника, а кожа под пластырем, закрывавшим бугорок инъекции блокиратора, неудержимо чесалась. Даже несмотря на туман в голове и спутанные мысли, хотелось плюнуть на острое желание напиться и уйти, пока цела. Но два коротких слова буквально пригвоздили к месту.

«Андрес Диаз».

Три руки одновременно взметнулись вверх, опрокидывая в луженые глотки по стопке светящегося коктейля.

На крупных буграх плеч перекачивались в такт движению мышц вытатуированные пылающие шестеренки.

Должен был быть страх – боевики «Механического солнца» были убийцами, убийцами, убийцами, из-за которых погиб мой отец, – но страх вместе с другими сознательными мыслями потерялся на дне стопки еще в четвертом баре. А сейчас осталось только глубинное, инстинктивное. И там... там «Механическое солнце» почему-то воспринималось совершенно иначе.

В душе что-то оцепенело от странного чувства близости, узнавания, которым не было объяснения и ответа. Взгляд застыл на красноватых языках пламени. Казалось, будто они подрагивают, отзываясь на убыстрившийся стук сердца.

Тук-тук. Тук-тук.

Выше, выше.

Мощная шея, волевой подбородок, четко очерченные скулы...

Все внутри буквально кричало об опасности, но это не отталкивало, а, наоборот, заводило, кружа голову сильнее выпитых коктейлей.

Идеальные губы, прямой нос и глаза...

По телу пробежала дрожь.

Манн смотрел. Смотрел внимательно, с любопытством. Как на пугливую мелочь, невесть зачем шатавшуюся по сомнительным барам окраинных районов в поисках приключений на собственный зад. Нет... как на фемму, молодую и привлекательную, которую... с которой...

Во рту пересохло. Пальцы стиснули стакан с неизвестной отравой и почти бессознательно поднесли к губам. Глоток, еще глоток. Испытующий взгляд манна, не отрываясь, следил за тем, как скользнул по губам язык, слизывая последние капли коктейля.

Качнулась пылающая шестеренка...

– Нет!

Слепящие молнии энергетического разряда ударили отовсюду – будто все неоновые светильники подпольного бара разом взорвались, осыпая снопами жалящих искр.

– Андрес Диаз.

Удар.

– Андрес Диаз!

Удар.

– Андрес...

«Диаз, чистокровная Шей, тридцать семь стандартных лет».

Шаг, шаг, шаг, почти переходящий в бег. Бесконечные коридоры, сменявшиеся один за другим. Голоса медиков, обступивших гравиносилки.

«Состояние критическое. Требуется срочная операция, готовьтесь к переливанию крови».

«Ее дочь вызвала скорую. Она заявила о...»

«Заткнитесь, Ли Вейль! – Яростный шепот реаниматолога поднял в душе волну бессильного гнева. – Не на камеру, не под запись! Заявление отклонить! – Короткий взгляд через плечо, сошедшиеся у переносицы брови. – А эту кто пустил? В медблок нельзя посторонним!»

Пальцы впились в край гравиносилок – попробуйте разжать, шиссовы твари! Слабаки, слабаки, бесхребетные и трусливые!

Легкое, почти невесомое прикосновение к запястью отрезвило.

«Мама?»

Фемма на носилках с трудом открыла левый глаз. Правая половина лица была кровавым месивом, не оставившим и следа от былой красоты.

«...ола...»

Тихий вздох.

«Слушай меня... внимательно... – Слова с хрипом проходили через опухшее горло и разбитые губы. – Это важно. Будь... цивилизованной. Блокиратор... не забывай... пообещай мне...»

Лицо расплылось из-за стоявших в глазах слез.

«Мама...»

«Андрес Диаз. Запомни, его... больше нет. Ничего... от него не осталось. Забудь, что говорил... Андрес Диаз. За нами никто не вернется. Блокиратор – вот...»

Крепкая хватка стиснула предплечье, с силой отшвыривая назад.

«Жди здесь! – Зеленые глаза литианина-реаниматолога сверкнули, но в них уже читалась обреченность и предчувствие провала. – Я сообщу!»

Но ждать не было смысла. Осознание этого растекалось по венам трупным ядом.

Все кончено.

– Нет!

Да.

Отец был десять лет, как мертв. И мама... тоже. Она была права, а голос извне ошибался. Ничего не осталось.

– Нет!

Удар тока прошел тело от висков до пяток, разбивая в клочья последние крохи сознания.

– Не верю! Эта тварь врала мне, врала от начала и до конца. «Никто не вернется», – передразнил голос. – Как бы не так. Это ее, жадную надменную суку, Диаз бросил бы, не раздумывая. Но тебя, его обожаемую малышку, нет. Тебя он не оставил бы без шанса на спасение. А значит, корабль еще где-то здесь. И она знала, где Андрес

его спрятал. Все знали. И ты тоже. Я докопаюсь до правды, чего бы это ни стоило.

Жидкий огонь хлынул в кровь, становясь все жарче, все нестерпимее, пока агония не поглотила... все.

Темнота.

– Сола... Ди...

– Андрес Диаз.

Картинки, куски, образы. Глубже, глубже.

Агония. Безумие.

«Это безумие, Диаз».

Двое. Непропорционально высокие. Смотрящие лишь друг на друга. Позади них угадывались светлые очертания кабинета, почему-то показавшегося знакомым.

«Сажать... на пустошах... Андрес, литиане накроют... раньше, чем колонисты доберутся до... корабля».

Короткое покачивание головы.

«Твое предложение, Себастиан... прямо в семнадцатом. Это жилые... Будут жертвы».

«Если будем... всех из семнадцатого, то и сажать... в...»

Тот, кого называли Андресом, повернулся. Взгляд опустился.

«А ты что думаешь, малышка?»

Тело сжалось в ожидании удара тока – нельзя, нельзя, нельзя, важна не она, а Андрес Диаз, только Андрес Диаз, – но ничего не произошло. Лишь голос извне прогремел, заполняя собой разорванное пространство:

– Андрес Диаз.

Тот самый, высокий. У шестигранной панели. Пальцы на золотых линиях узора.

«Смотри... – Руки потянулись вниз. Миг, и потолок вдруг стал ближе, но почему-то не было страшно. – Вот о чем я мечтаю, малышка. Новое солнце... каждого из нас».

«Новое солнце...»

– Корабль.

Корабль.

Снова шестигранник, а за ним...

– Андрес Диаз...

Присел на корточки, оказываясь близко-близко.

«Я хочу показать... кое-что, малышка. Если тебе понадобится... это тут».

Его рука легла на панель шестигранника. Манн качнул головой, словно приглашая, и рядом с большой ладонью появилась тоненькая детская ручка.

Палец кольнуло.

«Ай!»

Улыбка, и все прошло.

«Так нужно, малышка. Для активации... пластинка, кровь и сила твоего шейда. Повторяй...»

Серебристая чешуя затянула маленькую руку, а золотая – большую. И шестигранник, вздрогнув, раскрылся, открывая взору... звездную карту.

И голографическую панель управления под ней.

– Да! – В голосе извне отчетливо слышалось торжество. – Это оно, оно! Пропавший звездный крейсер! Прямо под семнадцатым, и, главное, уже в моих руках! О-о-о, как давно я ждал этого момента!

Смысл слов ускользал, но главное уловить было нетрудно.

Голос был доволен.

А значит, будет тьма.

Без ударов током и жгучей отравы.

Только тьма.

– Со...

Глава 13

Ни-чего.

Всепоглощающая пустота и мрак – ни цвета, ни звука, ни запаха. Тело молчало, дрейфуя в абсолютном нигде, не подавая признаков жизни. Даже стука сердца не было слышно. А был ли он?

Существовала ли... я...

Кто я? Где я? Что я?

Пустота не давала ответа.

Но когда молчание стало всепоглощающим, абсолютным, вспыхнула яркая серебристая искра.

Посреди темноты?

В груди... моей... груди?

Разгораясь, она заполнила пустоту внутри. Из ничего, из кусочков прежней личности, раздробленных на атомы в безжалостной попытке отыскать нужные нейронные связи – «Андрес Диаз», – возникла новая сущность. Сверкающая непробиваемая чешуя покрыла тело, а жидкое серебро наполнило изнутри.

Руки. Ноги. Сердце.

Осталось лишь вдохнуть в пустую куклу...

Жизнь.

Искра вспыхнула.

«Все восстановится. – Серебро не имело голоса, но уверенность, ощущающуюся в яркой пульсации, невозможно было не чувствовать. – Ты восстановишься».

Хорошо.

«А сейчас... – Бурлящая внутри сила потянула куда-то. Туда, где не было тьмы, но было что-то бесконечно важное и правильное. – Нужно двигаться. Выжить. Спасти. Выбраться».

Но... как? Как можно выбраться из этой абсолютной тьмы? Где найти то самое «я», если все, что когда-то составляло его, разбито, разломано и перепутано, точно головоломка из бесконечного количества одинаковых кусочков?

Серебристая субстанция, заполнившая тело... нет, существующая внутри, бывшая неотъемлемой частью... меня... усмехнулась.

«Не беспокойся. – Разум окутала волна поддержки и защиты. – Дальше я. Я справлюсь. Ты пока отдыхай».

Одно веко. Второе. Белый свет ударил в глаза, но серебристая сила мгновенно пришла на помощь, адаптируя зрение к яркости.

Сквозь тонкие щелочки был виден лишь прозрачный купол капсулы и замершая металлическая дуга.

«Опасность!»

«Сканер, – выплыло из расколотой памяти нужное слово. Смысл ускользал, но в связке с ним возникли и другие слова. – Неподвижный. Выключен. Хорошо».

Серебристую сущность это не успокоило. Ей было тесно под толстым куполом, она задыхалась, рвалась на волю. Но сил было слишком мало, а еще этот противный приглушенный писк и металлические иглы под кожей. Провода, трубки...

«Есть. Есть. Нужна энергия. Где? Где?»

Взгляд заметался по круглым, квадратным, вытянутым предметам, наполнявшим маленькое помещение. Охранников не было. Только капсула, пищание штуки и запертая дверь.

«Есть, есть!»

Серебро нетерпеливо заворочалось внутри. Желудок свело спазмом, болезненно отразившимся в висках. Накатила беспомощность.

Как? Чем?

«Медичка, – недовольно откликнулась на пустые вопросы вторая сущность. – Медичка. Ты».

Я?

Я...

«Соберись, Со...»

Эхо чужого голоса из полустертых воспоминаний привело в чувство. Нужно было собраться и оглядеться. Должен быть способ.

«Сканер, анализатор, медицинская капсула, диагностический монитор... – Слова вспыхивали в голове, стоило лишь сфокусироваться на нужном предмете. – Кислородная маска, катетер, питательная трубка...»

«Еда!»

Еда.

Если выбраться из капсулы, включить аппарат и наладить подачу питательного раствора, он поступит прямо в вену. То, что нужно.

По руке немедленно пробежала волна дрожи, сменившаяся легким зудом. Тонкую кожу вспорола серебристая чешуя, ногти удлинились и заострились.

«Быстрее, быстрее!»

Нет.

Повернуться на бок стоило немалых усилий, но обрывки воспоминаний о медицинских капсулах, стучащее в висках чувство опасности – в любой момент кто-нибудь мог войти и снова уничтожить нас... меня – и нетерпение голодной сущности подсказали, как действовать. Изогнутый коготь скользнул в едва заметную щель в корпусе капсулы, замыкая запор.

Крышка с шипением откинулась в сторону.

«Есть, есть!»

Сейчас.

Пальцы нащупали нужную трубку. Предплечье нестерпимо чесалось, и сущность внутри бушевала, требуя выдрать инородную иглу, которая чаще всего приносила боль и яд, но пришлось пересилить это желание. Несколько бездумных нажатий на монитор – и...

«Стим, концентрация в физрастворе один к пятидесяти», – высветилось на виртэкране.

Тело взорвалось серебристой радостью и предвкушением.

«Стим, стим, стим!»

Разбавленное жидкое золото потекло по трубке. От места инъекции разлилось приятное покалывающее тепло. Серебро ликовало, наливаясь изнутри светом. Появились силы встать, подойти к двери и выбраться наконец из тесной белой клетки.

Но...

«Опасность, опасность, опасность!»

«Слишком много! Спрятаться. Обмануть».

Пальцы ударили по виртуальной клавиатуре, останавливая подачу стимула. Капсула еще открыта. Лечь. Опустить крышку. Закрывать глаза. Притвориться...

Еле успели. Дверь с шипением отъехала в сторону, пропуская внутрь отряд маннов. Мы считали тяжелые шаги – четверо, пятеро,

шестеро...

«Плохо. Опасность. Враги».

«Экзокостюм» – слово, отдающее металлом и силой. А еще ложью, ибо то, что скрывалось под металлическим каркасом, никакой силой не обладало.

«Замереть».

Тело послушно окаменело. Сквозь крохотную щелочку между ресницами мы наблюдали, как серые силуэты суетятся вокруг капсулы, подготавливая пленницу к транспортировке.

– А она точно безопасна? – В голосе остро почувствовался страх. – Ты только посмотри... у нее дыры в голове.

«Страх врага – хорошо».

– Не говори глупостей, это всего лишь места крепления клемм. К тому же раз есть кровь, значит, шейд полностью подавлен. Капитан до ушей накачал ее фрагментатором и несколькими дозами мощного седативного. Она будет слушаться нас, совершенно не осознавая, что с ней и где она находится. – Диагностический монитор пискнул. – Видишь? Мозговые импульсы высшего порядка отсутствуют.

«Замереть, замереть».

– Хорошо.

Зашуршал, откидываясь в сторону, купол. Четыре руки вцепились в плечи, рывком выдергивая безвольное тело из капсулы. Удержаться на ногах удалось не с первой попытки – играть роль полубессознательной куклы было совсем не трудно, а ругань литиан, пытавшихся придать обмякшей пленнице вертикальное положение, лишь добавляла злого азарта.

– Я же сказал, держи ее! – вскинулся один из врагов на напарника. – Капитан приказал поторопиться. Все почти готово.

Внутри всколыхнулась тревога.

Все? Что значит это все?

Щелкнули наручники. На плече сомкнулись стальные пальцы, а чувствительный тычок в спину придал ускорения.

– Пошевеливайся.

Коридор, коридор, манны и феммы, изредка попадавшие навстречу, лифт, коридор, снова лифт. Белые стены, кое-где украшенные засохшими кровавыми потеками и подпалинами плазменных зарядов, казались совершенно одинаковыми. Это место

могло быть чем угодно, но сердце почему-то сжималось от глухой тоски.

Дом.

Дом...

Что-то откликалось в душе на это полузабытое слово – глубоко-глубоко, там, где хранилось то, что не понимала серебристая сущность. Как будто это место должно было что-то значить. Будто с ним было связано что-то важное и ценное, что-то, о чем никак нельзя было забывать...

Но память, разворошенная, раздробленная, не давала ответа.

Дойдя до двери, охранник вбил сложную комбинацию символов и цифр. Тихое шипение, и проход открылся. Голову приходилось держать низко опущенной, имитируя безразличную покорность, но даже так, сквозь полуприкрытые ресницы можно было разглядеть просторное белое помещение, полицейских и десятков одинаковых маннов в серой униформе. А посередине...

«Враг, враг! Главный враг!»

Ярость всколыхнулась внутри серебряным пламенем, уступая место напряженной решимости хищника, готовящегося к смертельному броску. Еще немного, и серебро прорвется наружу. Вспыхнет диким светом в зрачках, оденет руки, ноги и торс плотной непробиваемой броней, заострит зубы, нарастит когти. Нужен только шанс, секундное замешательство, слабое место в броне, закрывавшей хрупкое бледное тело...

– А вот и ты... – Масленный взгляд врага скользнул по лицу. – Приступим.

Повинуясь его команде, в поле зрения появилась массивная шестигранная панель с золотым узором, парившая в воздухе на автоматических носилках. Двое полицейских придерживали ее с двух сторон, третий управлял движением с пульта, подводя шестигранник к нише в стене. На полу под ногами осталась лежать ненужным мусором металлическая пластина с выбитыми словами.

«Хектор Халан, Хоакин Чикотте, Мигель и Карла Палайо, Серхио Эспинья, Лука Маротто, Зои Фрекса...»

Щелк.

По золотому рисунку пробежала искра энергии. Чуткий слух, усиленный способностями серебряной сущности, уловил едва

ощутимое гудение.

– Со... – прорвалось сквозь треск помех.

Сердце дрогнуло. Голос, так похожий на голос из тьмы, звал – и что-то откликнулось внутри, потянулось к нему, такому родному и знакомому. словно тонкая ниточка, связавшая две души сквозь пространство и время.

– Если ты здесь, значит...

Шипение. Запись оборвалась, секунду спустя начавшись снова.

– Сола... Ди... значит... Сола... Ди...

– Да-а. – Враг удовлетворенно потер руки, полные губы за защитным стеклом визора изогнулись в улыбке. – Готово. Осталась последняя деталь.

Пальцы врага в металлической экзоперчатке впились в плечо, подтаскивая мое безвольное тело к белой панели.

– Кровь и шейд Диазов, – проговорил он. Чутье серебристой сущности улавливало волны отвращения, ненависти и затаенного страха. – Кровь и шейд.

Вибронож чиркнул по ладони, рассекая плоть. Кровь, щедро хлынувшая из раны, брызнула на руки врага. Серебро змейкой скользнуло по венам – инстинкты требовали от него вновь сделать тело целым, – но в самый последний момент остановилось.

«Нет».

«Замереть. Замереть».

Боль прошила руку до самого плеча, когда враг, усиленный экзокостюмом, со всей силы вжал раненую ладонь в шестигранную панель. Алые ручейки потекли по желобам, окрашивая золотой узор.

– Ну же. – Враг поводит зажатой в стальной хватке ладонью по панели, размазывая кровь. – Ну! – Бледное лицо пошло гневными пятнами. – Почему не работает? Почему? Эй, Диаз! – Новый рывок, почти сбивающий с ног. – Я залью тут все кровью твоей шиссовой дочери, если потребуется, но найду способ взломать твой шиссов пульт с генетической блокировкой. Или что, твоя жалкая партнерша прижила эту мелкую тварь от другого? Не удивлюсь. – Он мерзко хохотнул. – Передо мной она безропотно раздвигала ноги, уж поверь. О да-а-а. И стонала... Как она стонала! От одних воспоминаний... М-м...

Отвращение было столь сильным, что едва не выплеснулось наружу мутным потоком желчи. Оно чувствовалось везде – не только внутри, но даже снаружи, в сузившихся глазах маннов, переминавшихся поодаль, в суровом молчании полицейских.

Враг был безумен. Но страх подручных перед врагом был сильнее. Манны боялись, боялись чего-то эфемерного, чего-то слишком литианского, чтобы серебристая сущность могла это понять.

Серебро было уверено, что легко справится с врагом. Нужно только еще немного сил... или немного времени...

Кровь сочилась из глубокого пореза и никак не желала остановиться. Нужна была лишь толика серебряной силы, но все до последней капли копилось, копилось, копилось внутри для решающей схватки.

Деликатное покашливание.

– Простите, капитан Эббот.

– Что еще?

Враг нехотя обернулся.

– Вы говорили, что для активации устройства Андреса Диаза нужен не только генетический материал его прямого потомка, но и сила шейда. Однако, глядя на рану молодой Шей... – Манн в серой униформе замялся. – Судя по отсутствующей регенерации, связь с шейдом нарушена. Ей вводили блокиратор или сыворотку антишейда?

– Ну, разумеется, нет! Ты держишь меня за идиота?

– Тогда... тогда я не знаю. Возможно, небольшая инъекция стимула...

«Стим, стим! Вкусняшка!»

Дрожь ликования пронеслась по телу.

«Согласись, только согласишься!»

– Хорошо, – с раздражением рывкнул враг. – Раз ты такой умный, можешь сам сделать ей инъекцию. Хуже не будет. Ее воля полностью сломлена. Не так ли, Солана?

Пальцы в экзоперчатке вдавились в щеки, заставляя поднять голову. Видеть в блеклых глазах превосходство, не выдавая при этом правды, было невероятно сложно. Но серебро умело ждать и притворяться.

«Еще немного...»

– Не выпускайте ее из прицела. Как только пульт управления активируется, стреляйте. Но помните, возможно, это не последняя ловушка Диаза. Его дочь, это шейдерское отродье, все еще нужна мне живой.

– Да, капитан.

– Конечно, капитан.

Стим наполнил силой, упругой и звенящей, словно до предела закрученная пружина. Золото и серебро циркулировало по телу, убирая синяки и ушибы, сращивая ткани. Крохотные чешуйки покрыли кисти и предплечья, заскользили вдоль позвоночника. Силы было так много, что сдерживать ее было практически невозможно. Даже порез на руке, казалось, затягивался сам по себе, без воли на то затаившийся серебряной сущности.

Кап. Кап.

Частички золота и частички серебра, смешанные с кровью, окрасили поверхность некогда белого шестигранника в ярко-алый.

И что-то внутри литой панели... откликнулось.

Казалось, белый шестигранник ожил, напился внутренней силой. Импульсы энергии побежали по скрытому механизму. Вспыхнули датчики, золотой узор засиял, словно маленькое солнце. Манны зашептались, удивленные и взволнованные одновременно.

– Оживает, оживает.

– Невероятно!

– Вот уж не думал, что здесь, под землей...

Блеклые глаза вспыхнули безумным торжеством.

– Да! – выкрикнул враг в экстазе. – Корабль! Я нашел его! Слышишь, Диаз? Каково это – осознавать, что ты потерял все? Все! Сначала фемма бросила тебя ради цивилизованного манна, а потом и тот, кого ты называл братом, сдал твою базу и твою дочь в обмен на обещание неприкосновенности. Можешь сказать спасибо Рамону Пересу. Если бы не он, я бы еще долго искал то, что все это время было под самым носом. Но теперь ты проиграл, полностью и целиком проиграл. Твоего «Механического солнца», твоей феммы и твоей дочери, считай, больше нет! Все это мое, мое! Мое!

Медленно, медленно, медленно из золотых лучей на полу комнаты проступило светящееся изображение круга. А на нем, точно на постаменте, возникла фигура манна.

– Солана Диаз, – проговорили золотые губы.

Враг нетерпеливо подался вперед.

– Панель управления. Где панель управления, Диаз?

– Солана...

Манн точно не услышал. Он не замечал никого в комнате, а взгляд, глубокий, пронзительный, был направлен прямо на...

Меня?

Он смотрел на меня.

И его взгляд...

– Если ты здесь, значит, я мертв и все дипломатические попытки уладить ситуацию провалились. Шейдеров на Абиссе так и не признали полноценной расой несмотря на то, что в наших руках впервые оказалось достаточно сил и ресурсов, чтобы Галактическое Содружество не смогло остаться равнодушным.

Мертв.

М-е-р-т-в.

Боль взорвалась внутри, выбивая воздух из легких. Боль сдавила грудь стальным обручем, вонзилась в тело сотней отравленных игл. Но я...

Я была целой. На моем теле не было ран, которые можно было залечить. Боль, которая разрывала меня, была... другой. Непостижимой, непонятной, недоступной пониманию серебристой сущности. Как будто во мне должно было быть что-то еще, что-то, что могло бы дать этой боли название, объяснить происходящее со мной, рассказать...

Почему же смерть – чужая смерть – это так больно.

– Дальше, дальше!

Ошеломленные шепотки за спиной, нервные метания главного врага, гудение скрытых механизмов, с каждым мгновением становившееся все ощутимее, – ничто не имело значения. Важен был лишь он, высокий голографический манн, и та незримая связь, которая установилась между нами. Его золотые глаза сверкали как два маленьких солнца, взгляд проникал под кожу.

– Корабль – наша последняя надежда, – говорил золотой манн. – Используйте его, только если других способов не осталось. Это рискованно и опасно, но... раз все зашло так далеко, иного выбора у

нас нет. Я мечтал дать шейдерам лучшую жизнь, и я верю, что мое желание сбудется.

— Желание? — Враг подался вперед, почти коснувшись гермошлемом сотканной из золотого света фигуры. — О, знаем мы, каким был твой истинный план, Диаз. Воспользоваться живучестью вашей поганой расы и нашей слабостью и уничтожить Абисс-сити с военного крейсера, понимая, что шейдеры уцелеют, а цивилизованные манны окажутся погребенными под обломками. Слышите! — Он обвел пылающим взглядом молчаливых охранников и хмурых маннов в серой летной униформе. — Вот в чем заключался истинный план террориста Андреса Диаза. Использовать военный корабль против мирных граждан Абисс-сити.

Ярость вспыхнула в груди серебряным огнем.

Ложь, ложь, наглая ложь!

Я каждой клеточкой тела ощущала острую горечь потери и видела эхо той же боли в глазах иллюзорного манна. Он знал, что оставлять близких — это больно. Знал, что терять — это больно. И никогда, никогда не поступил бы так ни с одним живым существом.

Андрес Диаз был другим.

Андрес Диаз был лучшим шейдером во всем Литианском секторе.

— Сола, — эхом разнесся дорогой голос, — запомни, второго шанса не будет. Активировав системы корабля, нужно сразу же улетать. Убедись, что кварталы, примыкающие к ангару, полностью эвакуированы. Мы старались обустроить взлетную площадку как можно дальше от жилых районов, но никогда нельзя быть полностью уверенным, что жертв не будет. Постарайся свести их количество к минимуму. Мы мирные переселенцы, а не чудовища.

— О нет-нет-нет, — зашелся враг жутковатым смехом, — ты чудовище, Андрес Диаз. Шиссов псих, вор и террорист номер один в Абисс-сити. Но у тебя ничего не выйдет, слышишь? Ни-чего. Я раскусил тебя. Раскусил! И когда корабль разнесет в клочья семнадцатый, который давно нуждался в очистке, жертвы будут на твоей совести. Уж я об этом позабочусь. Весь Литианский сектор узнает, каким редкостным уродом был герой шейдеров Андрес Диаз!

Руки сжались в кулаки, ногти, укрепленные серебром, до боли впились в ладони. Если кто и был редкостным уродом, так это манн в

усиленном экзоскостюме. Это его нужно было остановить, остановить во что бы то ни стало.

Он...

Андрес Диаз...

Отец... этого бы хотел.

– Управление кораблем передаю тебе, малышка. – Пол под ногами вздрогнул, повинаясь взмаху полупрозрачной руки. Круглый стол, занимавший середину комнаты, вытянулся, обрастая дополнительными панелями и пультами, в боковых нишах появились места для экипажа. Часть стены отъехала в сторону, открывая панорамный иллюминатор. Сейчас из него было видно только неровную серую стену коллектора... нет, не коллектора. Настоящего подземного ангара. – Я не жду, что ты сама будешь исполнять обязанности капитана. Для космического крейсера такого масштаба требуется полноценный квалифицированный экипаж. Но я хочу, чтобы лидерами стали наши с Себастьяном наследники. Поэтому пульт запрограммирован так, чтобы никто, кроме тебя и Хавьера, не мог дать команду к старту. Проложить верный курс для шейдеров можете только вы.

Белый шестигранник вспыхнул. Лучи дрогнули, формируя рядом с манном новое изображение – трехмерную галактическую карту, где в глубине сверкала яркая точка звездной системы.

Я взглянула на нее лишь мельком. Для манна, сотканного из золотого света, эта карта и крохотная искорка были чем-то бесконечно значимым, но для меня... для меня куда важнее был он сам. Тоска в его взгляде и что-то еще, скрытое, невысказанное... Что-то важное, что так тяжело было облечь в слова...

Любовь.

– Прости меня, малышка, – проговорил Андрес Диаз так тихо, что услышала его, казалось, только я. – Прости, что взвалил все на твои плечи, прости, что покинул тебя так рано. Но знай, Солана, я верю в тебя. Ты Диаз, настоящая Диаз, а значит, справишься с чем угодно. Хавьер, если ты рядом, береги мою малышку. И пообещайте мне... Пообещайте, что поможете шейдерам Абисса найти место в этом мире.

Я мысленно кивнула. В горле стоял горький ком.

– Никогда не забывай о том, кто ты. Ты шейдер, Солана Диаз. Шейдеры рождены летать. Не позволяй никому убедить себя в

обратном. Я люблю тебя, моя малышка.

Манн улыбнулся.

– Люблю.

Миг, и бесплотная фигура рассыпалась облаком золотой пыли.

Пальцы в экзоперчатке сомкнулись вокруг моего запястья. Ярость поднялась внутри серебряной волной, но отступила, сменившись напряженным ожиданием.

«Не время».

Еще не время.

Нужно затаиться. Притвориться тихой, покорной. Чтобы потом...

Подтащив меня к полукруглому столу, враг с силой прижал мою ладонь к центру панели управления.

– Кровь и шейд, – проговорил он, надавливая на запястье, чтобы едва затянувшаяся рана снова раскрылась. – Кровь и шейд шиссовых Диазов. Если ты надеялся, что это спасет твою дочь от заслуженной расправы, Андрес, ты глубоко ошибаешься. Я найду способ обойти ограничение генетической блокировки. И тогда...

Он нехорошо усмехнулся.

Цепочка огоньков разбежалась из-под моей ладони вместе со стружкой крови, запачкавшей интерактивную панель управления. Корпус гигантского корабля содрогнулся, отзываясь на прикосновение, словно живое существо.

– «Механическое солнце» активировано, – прокатилось по комнатам и коридорам многоголосое эхо.

По телу прошла волна дрожи – от странного чувства принадлежности к чему-то огромному, величественному и невероятному.

– Наконец-то! – Враг грубо оттолкнул меня, занимая место у главного пульта. – Установите связь с мэром Обеллем.

Исполняя приказ, один из полицейских достал коммуникатор. Миг, и перед литианами возникла фигура, облаченная в темный дорогой костюм.

– Эббот?

– Мэр Обелль, – подобострастно проговорил враг, но за показным почтением в голосе явственно чувствовалась насмешка и скрытое превосходство. – Я был прав насчет планов Андреса Диаза. База террористов в семнадцатом действительно оказалась украденным с

верфей Абисса крейсером, спрятанным в подземном ангаре. Несмотря на то, что местные хакеры дистанционно уничтожили все базы и архивы, нам удалось взломать защиту корабля и получить доступ к оборудованию и скрытым записям. И согласно им, Андрес Диаз и Себастиан Кессель планировали атаку на город с целью уничтожить Центр.

– Это правда? – подался вперед голографический манн.

Полицейские и манны в серой униформе замялись, тревожно переглядываясь, но под тяжелым взглядом капитана сдались и нестройно кивнули. Я с ненавистью сжала кулаки.

Вот что надо было снимать Рохасу для «Голоса Абисса». Такой компромат точно не остался бы незамеченным. Жаль, при мне больше не было камеры...

– То, что нужно, – холодно улыбнулся мэр. – Перешли записи на мой коммуникатор, я сейчас отправлю код доступа. Надо сместить внимание с «Ли Тек» на более реальные проблемы. Когда центральные каналы объявят о взрыве на горнодобывающей шахте, обвинив подпольные террористические ячейки, и в первую очередь «Механическое солнце», у полиции будут развязаны руки. Если среди населения поднимется недовольство массовыми зачистками, покажем эту запись, чтобы окончательно искоренить ростки сочувствия к уличным бандам. Прекрасная работа, Эббот. Возвращайся в Центр и готовься к пресс-конференции.

Вместо ответа капитан отключил связь.

Несколько команд, и...

– Крейсер готов к взлету, – объявил механический голос.

Что?

– Капитан Эббот...

– Эй, вы! – рявкнул он на замерших маннов в серой летной униформе. – Чего рты раскрыли? Я взял вас не для того, чтобы вы стояли столбами. По местам! Остальные – распределитесь по периметру. С этой глаз не спускать, в случае чего – стрелять оглушающими импульсами. Ну, живо, живо!

– Но, капитан... – робко возразил один из маннов. – Вы же слышали, что сказал мэр Обелль. Наша работа закончена. Нужно вернуться в Центр. К тому же... если поднять корабль прямо сейчас, мы разнесем половину района. Двадцать лет назад тут, возможно, и

были одни склады, но сейчас... город сильно разросся... Нужно предупредить... эвакуировать...

Выстрел оборвал сбивчивую речь манна. Нелепо взмахнув руками, он завалился на пол. Из дыры в горле толчками вытекала кровь.

— Есть еще желающие высказать свое особо ценное мнение? — Враг обвел дулом пистолета подчиненных. Полицейские подобрались. Манны в униформе попятись. — К шиссам Андреса и его лживый гуманизм! Если мы не хотим, чтобы террористы разбежались и попрятались, как грызы, нужно ударить первыми! Это мой шанс, шанс войти в историю Абисс-сити первым главой полиции, разом покончившим с преступностью и подпольными бандами. И я не позволю никому встать между мной и моей целью.

— Но, капитан... — выступил вперед другой манн.

Дуло встроенного в экзоперчатку бластера уперлось ему в шею.

— Хочешь сказать что-то еще?

— Нет...

Гулко сглотнув, манн отступил в сторону.

— Тогда по местам, живо!

Спорить никто не решился. Комната наполнилась гулом голосов, шуршанием надеваемых шлемов и щелчками включающихся панелей.

— Командная рубка готова.

— Двигатели готовы.

— Орудия?

— Бомбы и плазменные пушки готовы, капитан, — после небольшой паузы отозвался динамик.

— Антишейд, который мы вывезли из лаборатории?

— Заряжен во все снаряды и распылители.

— Прекрасно. Активация двигателей через десять секунд по моей команде. Десять... девять...

Глава 14

Мир содрогнулся.

Корабль затрясло. Стена за полукруглым иллюминатором начала крошиться, осыпаясь кусками камня и бетона. Засверкали искры разрываемых силовых кабелей. Рев прогревающихся турбин не могли заглушить даже толстые стены обшивки.

– Суборбитальные двигатели на полную мощность.

Пальцем, перепачканным в моей крови, враг прочертил на мониторе длинную вертикальную черту.

– Семьдесят процентов... восемьдесят восемь процентов... К взлету готовы.

– Старт!

Кр-р-р-рак!

Чернота, чернота, чернота. Разлетающиеся обломки ангара, треск обшивки. Кабели, колонны, листы железа, царапающие толстое бронестекло. Серые клубы, наполненные гарью, испарениями и каменной крошкой. И...

В первую секунду свет солнца над Абиссом показался ослепительным. Корабль вырвался за границу низких облаков, взмывая вверх – выше, выше, выше. Перегрузка вдавила в пол. Я чувствовала всем телом, как вибрировал корпус корабля, борясь с притяжением планеты.

– Сбрасывай скорость! Стабилизаторы на полную мощность.

Движение замедлилось. Но дрожь, вопреки ожиданиям, не стала меньше. Корабль, предназначенный для межзвездных полетов, не был подготовлен к тому, чтобы выдерживать суровую атмосферу Абисса.

– Разворачивай!

Крейсер подчинился команде тяжело, неохотно. Оранжевый диск солнца в иллюминаторе сменили высокие белые шпили небоскребов.

– Абисс-сити.

Несколько команд, и над центральной панелью выросла трехмерная копия мегаполиса. На месте окраинных кварталов семнадцатого зияла дыра, темная, рваная, пугающая.

Чувство неправильности оглушало.

Я не могла оторвать взгляда от голограммы города, лишившейся значимой части. Карта с высоты выглядела почти неузнаваемо, но я помнила — мне казалось, что я помнила, — оживленные улицы, покосившиеся дома нор-ров, потрепанное здание клиники, где никогда уже не загорится свет. И, конечно, неоновую вывеску — «Логово», — бывшую для меня чем-то большим, чем просто очередной бар в трущобах.

Дом.

Семнадцатый... «Логово»... Мой дом.

А сейчас осталась лишь пустота — тяжелая, сосущая, заставляющая сердце болеть, а кулаки — сжиматься в бессильной ярости.

Ноздри врага затрепетали от возбуждения.

— Капитан Ли Эббот. — Один из литиан напряженно повернулся. — Наземные службы запрашивают идентификационную информацию крейсера. Прикажете ответить?

— Нет необходимости.

— Но, капитан... Они угрожают применить силу. Они уже выпустили беспилотники и готовы начать атаку на неизвестное судно в воздушном пространстве города. Военные по тревоге поднимают системы обороны.

— Так активируйте щиты! И передайте, что операция санкционирована лично мэром Абисс-сити Ли Обеллем. К тому моменту, как власти разберутся, что на самом деле происходит, все уже будет кончено. Мэру ничего не останется, кроме как признать мои неоспоримые заслуги по очистке города от трущобной грязи. Начинаем!

Командный пункт сотрясла волна дрожи — будто все, даже сам корабль, сопротивлялось ужасающему приказу самопровозглашенного капитана.

Враг подскочил в кресле.

— Что? Они посмели атаковать?

— Никак нет, капитан, — помедлив, отозвался один из членов экипажа. — Это... внутренние поломки. Левый суборбитальный двигатель потерял тридцать процентов мощности. Мы лишились части щитов и обшивки. Капитан, вы точно уверены?..

Бронированные кулаки с силой ударили по приборной панели.

– Вы не слышали мою команду? – Яростные, налитые кровью глаза скользнули по бледным лицам маннов. – Начинаем! Залп по семнадцатому из всех орудий!

– Слу...

Бум! Кр-р-рак! Хр-р-р-рясь!

Отдача сбила с ног всех находившихся в командном центре. Полицейские повалились на пол, маннов, управлявших кораблем, выбросило из кресел. Капитанский стул треснул под усиленным экзокостюмом, враг покачнулся. От резкого движения в гермошлеме что-то тоненько хрустнуло.

– Что происходит?

– Взрыв в оружейном отсеке! – Новый толчок. – Разгерметизация!

– В нас стреляют?

– Нет! Оно...

Дрожь, треск, бум!

– Левый двигатель, снижение мощности на сорок пять процентов.

Мы теряем высоту!

Взгляд врага впился в лицо говорившего.

– Что? Я требую, чтобы вы немедленно произвели залп!

Манн покачал головой, снимая с головы визор.

– Капитан Эббот, корабль слишком долго пробыл в неподходящей среде. Системы не выдерживают перегрузки. Если откажет хотя бы один из двигателей... – Манн тяжело сглотнул. – Пятнадцать минут, максимум двадцать пять – и мы разобьемся о поверхность Абисса.

Слова подействовали на литиан сильнее взрыва. Оставив оборудование, они бросились к выходу, отталкивая друг друга.

– Нет! Нет, нет, нет! – Враг вскочил на ноги. Кулак врезался в панель управления, запечатывая проход. Манны попятились. – Я запрещаю покидать корабль! Слышите! Это измена! Хотите пойти под трибунал за неподчинение начальству?

– Но, капитан...

– Произведите выстрел! Разнесите трущобы, чтобы от них камня на камне не осталось, и я открою вам эту шиссову дверь!

Он склонился над пультом. Мощная бронированная спина оказалась прямо перед моими глазами. Экзокостюм, отличавшийся от стандартной полицейской формы усиленным каркасом и большим количеством функций, сидел идеально. Неудивительно, что враг был

так спокоен, находясь внутри падающего корабля. Капитан был полностью защищен от ударов, разрядов тока, прямых выстрелов – возможно, даже от падения с высоты. Броня казалась совершенной...

Везде, кроме тонкой щели между пластинами в основании шеи. Гермошлем прилегал неплотно – это не было заметно обычному глазу, но острый взгляд серебристой сущности, созданной для того, чтобы бороться и убивать, нашел уязвимость в ту же секунду, как она открылась.

«Пора».

Серебро затопило меня изнутри, и я позволила ему взять контроль. Позволила ярости превратить меня в смертоносного хищника с единственной целью – уничтожить врага, защитить город и тех, кто остался внизу под дулами корабельных пушек, от действий спятившего убийцы.

«Сейчас!»

Я бросилась вперед слепо, не думая. Вскинула скованные наручниками руки – и серебро вытекло наружу, облекая пальцы в сверкающие перчатки с острыми когтями. Войдя в зазор экзоскостюма, они вспороли провода и трубки, скрытые под плотным каркасом, – а потом сжались, сминая металл.

Крови не было. Мягкое, живое тело врага было спрятано слишком глубоко, слишком надежно.

Ничего.

«Мы это исправим».

– Бешеная тварь!

Удар бронированного кулака пришелся в живот, не облаченный в серебряную чешую. Меня отбросило к дальней стене, но я, перекатившись по полу, вскочила на ноги и снова бросилась вперед.

Рвать. Раздирать. Крушить.

Наручники пришлись как нельзя кстати. Раскрыв кольцом руки, я накинула их на мощную шею и дернула, упираясь во врага ступнями. Сочленения экзоскостюма затрещали под натиском худого, но гибкого и сильного тела.

«Сорвать шлем. А потом – сорвать голову».

– Пристрелите ее! – завопил враг уже не так самодовольно, как только что раздавал приказы подчиненным. – К шиссам управление этим корытом! Стреляйте! Ну! Не тормозите, все и так разваливается!

Я напряглась, готовясь к обжигающим зарядам плазмы. Серебро прикрыло спину плотной чешуей, но даже оно не знало, сколько прямых попаданий выдержат сверкающие пластины. Золотых частичек стима в крови осталось уже так немного...

Выстрел, и сразу за ним вскрик удивления и боли.

Не мой.

– Что?

Враг повернулся, а вместе с ним и я – как раз вовремя, чтобы увидеть, как один из полицейских с подвижностью, намного превосходящей возможности литианского экзокостюма, скользит между столами, уворачиваясь от зарядов и одновременно успевая метко стрелять по противникам, выводя их из строя одного за другим.

«Черный! Дуал!»

Невероятная, всепоглощающая радость захлестнула меня. Манн... шейдер, скрывавшийся в костюме полицейского... моя вторая сущность знала его. И я... тоже.

В той, стертой врагом жизни он был моим союзником. Надежной рукой и крепким плечом рядом.

– Ты! – Капитан тоже узнал его. Голос за защитным стеклом гермошлема был искажен ужасом. – Террорист! Убить его! Убить!

Он вскинул перчатку со встроенным энергетическим пистолетом. Извернувшись, я смяла дуло оружия метким ударом серебряной пятки, превратив его в бесполезную кривую трубку. И поплатилась за это – металлические пальцы врага вцепились в лодыжку. Колодки наручников чиркнули по гермошлему, не причинив вреда, когда капитан рывком стащил меня со спины.

– Сола, вниз!

Повинуясь инстинкту, я пригнулась, и очередь из плазменных зарядов ударила в грудную пластину капитанского экзокостюма. Пробить ее не удалось, но почерневший оплавленный металл потерял часть заложенной производителем прочности.

– Идиоты! – заорал враг. – Не в меня стреляйте! В нее! И в...

Он не успел договорить, сбитый с ног моим спасителем. Сцепившись в клубок, манны рухнули на приборную панель и прокатились по ней, превратив в грудку потрескивавших от тока обломков.

Полицейские прицелились было в спину шейдера, чей экзокостюм после удара о стол был уже порядком помят и наполовину лишился брони. Но в дело вступила я, серебряным смерчем пройдясь по стрелявшим. Кулаки и когти крушили все, что попадалось под руку. Где-то в гуще схватки треснули наручники.

«Свобода, свобода!»

Размяв плечи, я бросилась на помощь дуалу.

Мы повалили врага, нанося удар за ударом в черную звездочку следа от плазменного выстрела, пока экзоперчатка шейдера не треснула – а вслед за ней не сдалась и прочная броня усиленного экзокостюма капитана. Капитан дернулся. Из пробитой нагрудной панели вырвался сноп искр и брызги черной топливной жидкости. И все затихло.

Оставался последний удар...

Корабль тряхнуло. Пол накренился настолько, что все мы – враги и союзники – вперемешку покатались к панорамному иллюминатору.

Прижатая к толстому стеклу, придавленная сверху двумя литианами, я могла лишь смотреть, как далеко под нами расстился огромный город, окруженный смогом, туманом и неоновым светом. Дроны и полицейские ховеры кружили вокруг корабля, словно рой мелких насекомых над тушей шисса, но стрелять не решались.

Кто-то сдавленно выругался над моим ухом.

Мой союзник и спаситель вскочил на ноги, одним мощным движением плеч избавляясь от ненужного уже экзокостюма.

Я хрипло выдохнула.

– Ты...

Он улыбнулся – широко и нагло.

– Я.

Шейдер был красив – мужественной, породистой красотой, так выделявшей его на фоне бледных литиан, беспомощно пытавшихся удержаться на накренившемся полу. И было что-то в нем – что-то такое, от чего беспокойно и нервно сжалось сердце.

Меня тянуло к дуалу – всем моим существом, каждой частичкой серебра, каждой клеточкой. Как будто он – только он – мог дать мне то, чего я так отчаянно желала.

Силу. Поддержку. Опору – не только сейчас, но и всегда. И то чувство, которое я на секунду ощутила во взгляде золотой голограммы

Андреса Диаза...

Любовь?

Словно откликаясь на мои мысли, шейдер потянулся ко мне.

Миг, и свобода сменилась горячим пленом крепких рук. Манн прижал меня к своему телу так сильно, будто никогда-никогда не хотел отпускать, и первый порыв отшатнуться мгновенно погас. Мое серебро потянулось навстречу его черноте, напитываясь силой.

– Шей... – повернулся к нам манн в сером.

– Кессель.

Литианин поперхнулся. Полицейские в экзокостюмах, отскочив прочь, навели на нас оружие, но в позах явственно ощущалась неуверенность.

Бой закончился, не успев даже начаться.

– Стойте! – Один из наших противников вскинул руки. Литианин, даром что не обладал обостренным чутьем, безошибочно признал нового лидера. – Не надо! Не надо!

Бывшие враги переглянулись. Еще недавно шейдер был целью номер один, но сейчас только он, казалось, знал, что делать. Тем более главный враг, капитан, был повержен, замерев без движения на толстом стекле иллюминатора. Обвинить литиан в неподчинении приказам было некому.

А умирать не хотелось никому.

– Шей Кессель, – проговорил манн в серой униформе. – Пожалуйста, нам нужна ваша помощь. Это же ваша бывшая база, вы должны понимать, как тут все работает. Кажется, мы... – Он беспомощно оглянулся на город за стеклом. – Корабль...

– Корабль падает на город, – подтвердил мой дуал, не разжимая живительных объятий. – Мне нужно два помощника, чтобы изменить курс, направив его в сторону пустошей.

Литианин бросил взгляд на сломанный командный пульт и разгромленную комнату.

– Боюсь, ничего не получится. Отсюда мы ничего не сможем сделать.

– Может, связаться с Абиссом и взорвать судно в воздухе после эвакуации экипажа? – предложил полицейский. – Военные смогут организовать массированный удар ПВО?

– Слишком опасно. Обломки упадут на город. Будут жертвы.

Толчок. Крен сменил угол, отправляя экипаж в другой угол. На ногах удержались лишь я и мой спаситель.

– Полностью отказал левый двигатель. Если...

Шейдер посмотрел на литиан. Во взгляде чувствовалась железная, негибкая решимость.

– Объявляйте эвакуацию. Спасательные капсулы на нижней палубе. Следуйте за красными указателями.

Без лишних слов он подошел к двери и отбил череду коротких сигналов. По коридорам прокатился низкий вой, белый свет ламп сменился тревожно-красным, предупреждая всех, кто еще оставался на борту, что нужно как можно скорее покинуть корабль.

Еще несколько команд, и дверь открылась. Литиане бросили на нас благодарный взгляд и растворились в красном свете коридоров.

– Идем, – коротко проговорил мой спаситель. Крепкие горячие пальцы сомкнулись вокруг моего запястья. – Идем, мелочь. Я выведу.

Коридор, коридор, поворот.

Изредка навстречу попадались литиане, но напасть они не пытались. Счет шел на минуты, и спасение собственной жизни значило для них явно больше, чем любые приказы капитана.

Корабль трясло, нас бросало от одной стены к другой. Лифты не работали, от командного центра до нижних палуб пришлось спускаться по шахтам и тросам. Я давно потеряла всякое чувство направления, но мой спаситель... Кессель... уверенно двигался вперед, ни секунды не сомневаясь, будто точно знал, куда идти.

Кессель... Кессель...

Где-то в расщепленной фрагментатором, перепутанной памяти было его имя, но я никак не могла вспомнить... нащупать...

Перед длинным полутемным коридором шейдер остановился. Обнял меня, крепко и порывисто, прижался лбом ко лбу.

– Диаз...

– Кессель...

– Сола... Сола, ты...

Глухая тоска в голосе манна смущала, сбивала с толку, рождая в душе странную тревогу и горечь. Что-то внутри откликалось, узнавая и не узнавая...

– Я...

Кессель отстранился, сжал мои плечи.

– Мне нужно добраться до резервного командного пункта. Оттуда можно будет совершить маневр и перестроить курс корабля. Главное, чтобы к тому моменту еще работал хотя бы один двигатель.

– Хорошо. Пошли.

Я попыталась шагнуть, но тяжелые ладони манна буквально вдавили меня в пол.

– Ты бежишь к спасательным капсулам.

– Нет! – Я упрямо топнула ногой и добавила, вспомнив речь Андреса Диаза... отца: – Крейсер подчиняется не всем. На пульте управления генетический блок...

Шейдер фыркнул.

– Не поверишь, но я все прекрасно слышал. Я справлюсь. Твоя кровь не понадобится – моей будет предостаточно.

– Я иду с тобой. Запустить корабль могу только я... или Хавьер.

Он усмехнулся – широко, от уха до уха.

– А я кто, по-твоему, мелочь?

– Кессель.

Манн шагнул ближе. Потемневшие глаза притягивали, и я... не смогла заставить себя отвести взгляд. Черная ладонь коснулась предплечья, скользнула выше.

– Я Хавьер Кессель, – произнес шейдер так, словно это должно было все объяснить.

И это... объяснило.

А в следующее мгновение он, прижав меня к переборке, впился в губы поцелуем.

И... ох!

Серебристая сущность буквально захлебнулась от восторга. Жадные руки скользили по моему телу, и там, где они касались меня, пластичное серебро крепло, словно закаленная сталь. Сила бурлила внутри, горячая, живая, разделенная на двоих.

Это было... Головокружительно...

Воспоминания захлестнули меня – горячие, сладкие, полные быстрого бега, отчаянных схваток и безумной страсти, вспыхнувшей и разгоревшейся между нами со скоростью несущегося вперед скайвея. Я вспомнила, как он, Хавьер Кессель, перевернул всю мою жизнь. Как открыл мои глаза на правду. Как показал, что быть шейдером – быть

собой – это не неправильно, не позорно, не стыдно. Это естественно – как дышать.

Как быть с ним.

Я вспомнила крепость его рук, жар поцелуев – и все те чувства, которые теснились в груди, не находя выхода, вдруг получили имя.

Любовь.

Любовь, способная исцелить расколотую фрагментатором память. Восстановить перепутанные, разорванные нейронные связи – возрождая из пепла Солану Диаз, дочь Андреса Диаза, медичку из трущоб Абисс-сити, фемму, любящую Хавьера Кесселя.

Любовь к отцу, остро отдававшая горечью и болью потери, помогла мне вернуть мое прошлое. Любовь к Абисс-сити и оставшимся внизу друзьям, которых я стремилась защитить от угрозы, придала мне сил, напомнив, за что я сражаюсь. Но любовь к Хави... сделала нечто большее.

Реанимировала меня.

Это было похоже на то, что я ощущала после первой дозы фрагментатора. Но если тогда мир распадался с каждым толчком сердца, то поцелуй Хавьера Кесселя, наоборот, соединял его воедино. Расставлял все по своим местам, заставляя тянуться, отчаянно и жадно, чтобы наконец...

– Хави, я...

Корабль тряхнуло.

– К спасательным капсулам, мелочь. Срочно.

И Кессель скрылся, оставив меня с горящими от поцелуев губами и портативным коммуникатором на ладони. Активированный виртэкран показывал трехмерную проекцию корабля с проложенным маршрутом.

Вниз, вниз, вниз.

Гравитация пропала внезапно. Меня подбросило в воздух, чтобы секунду спустя приложить затылком о стену. Экран на запястье вспыхнул, выводя обновленные данные о состоянии крейсера.

«Левый двигатель – ноль процентов. Правый двигатель – двадцать два процента. Подключены аварийные стабилизаторы. Мощность – тридцать пять процентов».

Сердце болезненно сжалось. Хавьер... только бы с ним все было нормально. Только бы он успел...

Держась за угол стены, я поднялась на ноги.

И вдруг почувствовала ярость серебристой сущности, ощерившейся от близкой опасности.

«Враг!»

Теперь у него было имя. Теперь я помнила все.

Капитан полиции Ли Эббот, отравлявший мне жизнь, убивший отца, маму, Саула и Хельми Михелей. Сумасшедший садист, несколько десятилетий покрывавший – а то и возглавлявший – жестокие опыты на детях. Беспринципный шиссов сын, готовый уничтожить девять десятых города из корабельных орудий только ради того, чтобы добраться до ненавистных вольных шейдеров.

Он был еще жив.

На полу отчетливо виднелись следы тяжелых ботинок, испачканных в черной топливной жидкости. Маслянистые пятна шли из глубины бокового коридора и дальше, дальше, дальше... вниз.

Прямо к спасательным капсулам.

Ну уж нет.

Внутри, набирая силу, поднималась волна ненависти. Отбросив осторожность, я припустила вперед. Быстрее, быстрее. Ли Эббот не должен был покинуть корабль – что бы ни случилось, чего бы мне это ни стоило.

Я опоздала. К тому моменту, как я на полной скорости влетела в ангар со спасательными капсулами, капитан уже протискивался через люк, слишком узкий для усиленного литианского экзокостюма. Времени на раздумья не было, и я сделала первое, что подсказали инстинкты: схватила грузовой ящик со смутно знакомой маркировкой и метнула его, целясь в спусковой механизм капсулы.

Попала.

Пульт смяло ударом тяжелой армированной крышки. Выпустив сноп искр, панель управления погасла. Открытый люк, мешавший осуществить автоматическое отделение капсулы, заклинило. Ящик упал, рассыпав по полу ампулы, полные мутно-зеленой жидкости, при виде которой шейд захлебнулся от ужаса и отвращения.

Ампулы антишейда.

Шисс...

Ли Эббот шагнул из сломанной капсулы. Схватка с нами не прошла для капитана бесследно. Гермошлем прилегал неплотно, из-

под защитного стекла выходила тонкая струйка пара, говорящая о пробое в системе подачи кислорода. Посреди нагрудной панели зияла дыра, из черноты сверкали потрескивающие электрические разряды, заставлявшие Ли Эббота морщиться и шипеть от боли.

Отчим поднял голову.

Наши взгляды встретились.

Он боялся – шейд чувствовал его страх, липкий и вонючий, словно смрад шиссовой ямы. Ли Эббот больше не был неуязвимой боевой машиной, способной безнаказанно издеваться над беззащитными, слабыми и безответными. И я уже не была одной из его бессловесных жертв.

Здесь все закончится.

– Бешеная тварь! – ядовито выплюнул отчим. Взгляд литианина опустился на разбитый ящик. Губы за помутневшим стеклом изогнулись в кривой усмешке. – Лучше бы ты тихо сдохла, пока была возможность. Но ничего. Мы это исправим.

– Не надейся.

Из ножной кобуры экзоскостюма в раскрытую ладонь капитана выскочил легкий плазменный пистолет. Обострившимся зрением шейда я видела, как палец экзоперчатки до упора вдавливая кнопку спуска, набирая максимальный заряд.

Серебристая сущность напряглась, затягивая грудь, руки и ноги плотной броней чешуи. Я знала: у литианина есть всего один выстрел, и, если отчим и правда надеется, что сможет поймать в полете чистокровную Шей в частичной боевой трансформации... Что ж, он сильно переоценивает свои способности.

Зато мы с шейдом видели его уязвимость. Зияющую дыру прямо в центре грудной клетки, у сердца. Только руку протяни...

Я сорвалась в головокружительный прыжок одновременно со щелчком кнопки, высвободившей разряд раскаленной плазмы. Но... нет. Вместо того чтобы прожечь выстрелом стену в том месте, где только что была моя голова, Ли Эббот направил огненный сгусток в пол. Воздух наполнился брызгами расплавленного металла и душливым паром, полностью скрывшим фигуру капитана.

Что? Шиссово семя!..

Я поняла план отчима уже в полете, поняла и еле успела сменить траекторию, неловко завалившись на бок в нескольких метрах от

расползавшегося зеленоватого облака. Тело сковал липкий ужас, дыхание сбилось. Серебро внутри съежилось, сжалось до крохотной капли у сердца, где, как ему казалось, оно было недостижимо для смертельных испарений и ядовитых капель жидкости, убивающей шейда.

Ли Эббот оказался умнее, чем я думала. В экзокостюме существовала автономная система подачи и фильтрации воздуха, тогда как мне было достаточно одного вдоха или крошечной капли, попавшей на открытую рану...

Шисс!

Шисс, шисс, шисс!

Пар распространялся быстро. У меня было лишь несколько секунд – последний удар сердца, последний вдох. Краем глаза я видела, как метнулась под защитой смертельного облака темная тень – Ли Эббот подбирался к соседней спасательной капсуле.

Нет!

Я этого не допущу.

Капитан Ли Эббот не покинет корабль. Нужно только... повредить спасательные капсулы и убедиться, что враг надежно заперт в ангаре. А потом...

Я мысленно потянулась к дрожавшей серебряной капле. В этой схватке мы, я и шейд, должны были быть заодно. Вещество было опасно – но только тогда, когда оно попадало внутрь или на слизистую. А значит...

«Ты доверишь мне?»

Да.

Я зажмурилась, чувствуя, как серебро заполняет тело, закрывая клапаном ноздри, затягивая чешуей раны, не оставляя ни единой лазейки отравленному туману. Все, что мне оставалось, полагаться на чувства и инстинкты.

Только я.

Только шейд.

«Мы справимся».

Удар сердца.

И... вперед.

Серебристой молнией я ворвалась в облако мутного пара. В первую секунду было страшно, дико, безумно страшно, но сила шейда

текла по моим венам, придавая сил. Серебро чувствовало чутьем хищника, где притаился враг. Знало, что нужно делать. И я была готова. Готова.

Удар. Бросок. Поворот.

Поток брани, приглушенной гермошлемом.

– Дикое чудовище! Сумасшедшая тварь!..

Последний писк панели спасательной капсулы, выдранной вместе с проводами когтистой лапой.

Дальше, дальше.

Туман был повсюду – я чувствовала, как он пытался проникнуть под плотные чешуйки шейда, но не находил бреши в серебристой броне. Ярость кипела, клокотала внутри, словно боевая песня.

Поворот, нырок.

Движение воздуха, которое не могло остаться незамеченным для обостренных инстинктов. Резкий рывок в сторону, бросок – и пальцы сомкнулись на круглом наплечнике экзоскостюма.

Не сбежишь. Не спрячешься.

– Пристрелю!

Разряд. Разряд. Мимо.

– Бешеная сучка!

Легкие горели, глаза, скрытые полупрозрачной серебряной пленкой, нестерпимо чесались, но я держалась, держалась до последнего.

Пол накренился – хотелось надеяться, потому, что Хавьеру удалось-таки добраться до резервного командного пункта и направить разрушающийся крейсер прочь от города. Я, Ли Эббот, незакрепленные ящики – все покатилося разом, врезавшись в ряд опустевших гнезд, откуда уже улетели спасательные капсулы, унося полицейских и экипаж. Осталось только несколько штук в дальнем ряду. Ли Эббот еще мог сбежать.

Или...

Отшвырнув капитана к дальней стене ангара, я прыгнула туда, где, по воспоминаниям, была сломанная капсула. Под ногами захрустели осколки, ступни обжег еще не остывший круг плазмы, но пока я держала броню цельной, они не могли причинить мне вреда. Вцепившись пальцами в края люка, я качнулась впереди из всех сил лягнула застрявшую капсулу, чтобы выбить ее из захвата.

Манипуляторы затрещали. Они были рассчитаны на то, чтобы выдерживать механические нагрузки, но не тогда, когда бронированная пятка шейдера с силой каменного бура бьет по слабым сочленениям механизма. Я знала – точно знала – все слабые места подобных штук. Когда-то давно, в прошлой тихой жизни, я тратила кучу усилий, чтобы случайно не надломить хрупкий медицинский манипулятор.

А теперь надо было делать все наоборот.

Удар.

Еще удар.

– Вот ты где, тварь!

Ли Эббот.

Он мог бы воспользоваться подвернувшимся шансом и попытаться улететь, пока я разбиралась со сломанной капсулой. Но возможность уничтожить непокорную Шей слишком захватила его. Отчим верил в свою неуязвимость. Считал, что непременно выберется. А вот увидеть своими глазами, как дочь Андреса Диаза корчится в муках и медленно умирает, – о-о-о!.. Такое зрелище капитан не хотел пропустить.

Кулак просвистел в миллиметре от моей головы. Я успела пригнуться, избегая удара, пришедшегося как раз по многострадальному спусковому механизму капсулы.

Раздался глухой треск – что-то внутри манипулятора надломилось.

Вот оно.

То, что нужно.

Я развернулась туда, где, как подсказывало чутье шейда, стоял отчим. Легкие разрывались от недостатка кислорода, но я не позволила боли отразиться на моем лице. Губы медленно и нагло растянулись в нахальной улыбке.

«Попробуй стерпи это, Ли Эббот!»

И он... повелся.

Издав яростный рык, больше подходивший клыкастой твари с пустошей, чем цивилизованному манну, каковым, без сомнения, искренне считал себя отчим, капитан бросился на меня, надеясь сокрушить одним мощным ударом.

Я отскочила в самую последнюю секунду. Бронированное плечо экзокостюма врезалось в переборку.

Кр-рак!

Капсула сорвалась вниз, моментально потерявшись в низких облаках Абисса. Ли Эббот замер на краю пропасти, вцепившись в раскрытые створки люка.

Мне оставалось немного подтолкнуть.

Вшух-х-х!

«Прощай, Ли Эббот».

Но насладиться триумфом я не успела. Крепкие пальцы экзоперчатки впились в запястье и потянули вниз, утаскивая меня за собой.

Глава 15

Ветер.

Первым, что я почувствовала, был ветер, оглушительно ревуший в ушах. Ветер и пустота, пустота, пустота. Мир вращался безумным калейдоскопом. Смазанный серый треугольник крейсера с тянущимся за ним черным следом и шлейфом обломков и кусков обшивки, облака, облака, облака, крохотные серые квадраты окраин Абисс-сити.

Свободное падение.

Неконтролируемое.

Воздух окружал меня, чистый и холодный, но я не могла сделать вдох. Давление обручем стискивало грудь. Сердце застучало отчаянно и гулко, предчувствуя нехватку кислорода. Горло сдавила паника...

«Соберись, Сола!»

Спокойно, спокойно. Я потянулась за помощью к своей второй сущности. Серебро растеклось по венам, меняя тело, помогая выживать.

Секунда, другая – и я задышала.

– Шисс!

С трудом повернув голову, я увидела перекошенное злобой лицо Ли Эббота, мертвой хваткой вцепившегося в мою руку.

Губы отчима за потрескавшимся от перегрузки стеклом гермошлема шевельнулись, отдавая экзокостюму голосовую команду. Из развороченной нагрудной панели вырвался сноп искр, затухших на шквальном ветру. Раз, два... Третий щелчок, и за спиной отчима встопорчились короткие механические крылья. Сопла турбин синхронно выдохнули огонь.

Вращение остановилось.

На мгновение мы зависли над бездной – бронированный манн в искрящем экзокостюме и тонкая серебристая фигурка феммы.

Торжество мелькнуло в белесых глазах Ли Эббота. Это был миг его триумфа, миг безраздельной власти. Достаточно разжать кулак, и я полечу в бездну, а отчим останется праздновать победу.

Я нутром чувствовала, как жаждал он поймать мой полный ужаса взгляд, чтобы после годами смаковать его в воспоминаниях. Он хотел

ощутить мой страх.

Но я смотрела не на него.

Мой взгляд был прикован к тонким шпилям небоскребов Абиссисити, вспарывавшим бескрайнюю синеву неба белыми иглами. Эхо воспоминаний, далеких, полустертых литианским фрагментатором, отдавалось в ушах с ревом ветра.

«Ты шейдер, Солана Диаз. Шейдеры рождены летать. И не позволяй никому убедить себя в обратном».

«Летать».

Ты прав, папа.

Долгие двадцать лет я бежала от себя, от своей истинной, цельной сущности, запертой глубоко внутри, на самом краю сознания. Долгие двадцать лет я жила, не понимая, кто я. Жила без мира в душе. Но сегодня... хватит.

Я на мгновение закрыла глаза, а затем распахнула, бесстрашно глядя в лицо того, кого так отчаянно и бессильно ненавидела все эти двадцать лет. Садиста, укравшего, отравившего, уничтожившего мое детство. И не могла сдержать улыбки, видя, как вытягивается, бледнеет лицо Ли Эббота, а триумф сменяется испугом.

– Шиссова тварь! – прохрипел литианин.

Два широких перепончатых крыла порвали тонкую ткань рубашки. Взмах, и я поднялась, оказавшись лицом к лицу с отчимом.

– Шиссова живучая тварь! – оскалилась я в ответ.

Серебряная когтистая лапа ворвалась в металлическое нутро экзоскостюма. Послышался треск, на плече, покрытом тонкой чешуей, бугром вздулись мышцы. Короткий миг напряжения – и рука вынырнула, сжимая затухающий генератор.

Механическое сердце.

Другого у такого, как Ли Эббот, просто не могло быть.

Гермошлем отчима потемнел. Сопла коротких крыльев чихнули снопом искр и потухли. Враз ослабевшие пальцы, не поддерживаемые силой механических сочленений экзоперчатки, разжались.

Ли Эббот бросил на меня последний, полный ужаса и ненависти взгляд, а затем тяжелый экзоскостюм мертвым грузом повлек его вниз, вниз, вниз, пока след безумного литианина не затерялся среди мусора, падавшего с рассыпавшегося корабля.

Удара я не увидела. Но нутром чуяла – на этот раз все.

Конец.

– Шей... Вы в порядке, Шей?..

Тихий голос ввинтился в голову, выдергивая из забытья. С трудом приоткрыв один глаз, я увидела склонившуюся надо мной нор-ру. За ее спиной на фоне разрушенных домов неловко переминались с ноги на ногу еще две феммы, не зная, что делать с неожиданной находкой.

– Вам нушна помошшь?

Я попыталась подняться, но потерпела неудачу. Под ладонями было что-то ломкое и острое, ноздри раздражал едкий запах нечистот, слишком яркий для обоняния шейда. Мусорная куча...

Точно, я же приземлилась... в семнадцатом.

Сил шейда, впервые совершившего полную боевую трансформацию, хватило ненадолго. Минута полета среди разлетевшихся шлейфом обломков крейсера, и я потеряла концентрацию, рухнув прямо в плотную пелену облаков, скрывавших окраины Абисс-сити. Нет, даже не облаков, а густого дыма, полного гари, пыли и ядовитых испарений, поднявшихся в воздух после того, как несколько кварталов и заводской комплекс превратились в груды руин, когда огромный космический корабль на полной скорости вырвался из подземного ангара.

Подробности падения я помнила смутно, но легкие до сих пор жгло от забившего их горячего токсичного дыма. Глаза слезились, тело бросало то в жар, то в холод. Серьезных повреждений не было. Кажется, мне все-таки удалось затормозить в самый последний момент, раскинув крылья за секунду до столкновения с поверхностью. Поэтому удар оказался не таким уж серьезным и сильным... Ну, почти.

Я поморщилась от боли в разбитом затылке, чувствуя, как болит и ноет, наверное, каждая клеточка тела, мельком бросила на себя взгляд и отстраненно удивилась почти полному отсутствию одежды и серебристой брони шейда. Крылья тоже пропали.

А потом меня настиг он.

Голод.

Безумный, выворачивающий наизнанку внутренности. Непреодолимый. Всепоглощающий.

Серебро диким огнем полыхало в крови, выжигая меня изнутри. Шейд отдал всю энергию – всю до последней капли, – чтобы сразиться

с Ли Эбботом и вытащить нас из разрушающегося корабля, и теперь нуждался в восстановлении.

Прямо здесь.

Прямо сейчас.

«Дай! Дай! Дай!»

С губ сорвался бессвязный вскрик. Никогда прежде мне не было настолько плохо. Я согнулась пополам, сжалась в комок посреди мусора и сваленных в кучу обломков стен, техники и мебели, отчаянно желая лишь одного – сдохнуть. Потому что терпеть этот голод было совершенно невозможно.

Невыносимо!

«Есть! Есть! Есть!»

– Шей... Вошмите, шей... Нушно! Нуш-шно!

Наплевав на приличия, я запихнула желтоватую лепешку в рот целиком и проглотила, почти не жуя и не чувствуя вкуса. Для шейда, истощившего резерв, это было всего лишь песчинкой в пустыне, крошечной песчинкой в бескрайней пустоши голода. Но все равно...

– Ешь. – Перед лицом появились еще две лепешки, переданные товарками главной нор-ры. – Ешь.

Угощение исчезло прежде, чем я успела его даже заметить.

Мало.

Слишком мало.

«Еще!»

Шейд не мог терпеть. Ему нужна была еда – есть, есть, есть, – иначе серебряное пламя спалит все. И в первую очередь меня саму. Изнутри.

– Еще, – выдохнула я сквозь потрескавшиеся губы.

Нор-ра кивнула.

– Конеш-шно. Ш-шди. Ш-шди.

Они торопливо ушли – хотелось надеяться, что за едой и помощью.

Вот только ждать я не могла.

«Есть! Есть! Есть!»

Я кое-как поднялась на ноги, шатаясь, скользя и падая. Мир казался смазанным и мутным, и я с трудом осознавала, где я и куда иду. Внутри бушевал огонь, глаза застилала красная пелена. Голод – тянущий, сосущий – гнал вперед.

Энергия. Срочно нужна была энергия. Восстановление – любым возможным способом.

Да.

Точно.

Был еще один способ насытить шейда.

Поцелуи. Ласки. Близость.

Голод – уже совершенно иной, телесный голод – накрыл с головой. Серебряное пламя спустилось ниже. Низ живота потянуло острым, неприятным спазмом.

Никогда прежде я не хотела секса так неистово, так яростно и слепо. Все равно где, все равно с кем – лишь бы сейчас. Волна дикой, животной, необузданной страсти захлестнула меня.

Шейд хотел жить.

Он хотел...

Чутье шейда безошибочно отыскало его посреди творящегося вокруг хаоса. Шейдер. Чистокровный. Вольный – моя вторая сущность чувствовала его шейда, никогда не знавшего литианского блокиратора. Казалось бы, что могло быть естественнее, правильнее, лучше...

«Не тот».

Но что-то мешало.

Он был не тем. Не подходил. И тот, высокий, что метался в толпе около покосившегося дома, тоже. И те, что помогали разгребать завалы. И двое, что выглянули из переулка, привлеченные зрелищем оглушенной полураздетой феммы, бесцельно бредущей по полуразрушенному семнадцатому. О, они абсолютно точно были не теми, и шейд, даже истощенный до предела, не хотел иметь с ними ничего общего.

Поздно.

– Ты в охоте, детка? – Один из маннов схватил меня за руку, затаскивая в темный проулок. – Сейчас, сейчас.

Никакого «сейчас»! Я ощерилась, как дикая тварь, готовая броситься при первой же попытке не того шейдера распустить руки. Уж на то, чтобы порвать обидчиков, у нас с серебристой сущностью энергии точно хватит.

«А потом можно и сожрать...»

– Понял, понял!.. – Манн отшатнулся, поднимая руки. – Тише, детка, успокойся... Не хочешь, не надо.

«Надо».

Но не так. Не с ним.

Опасливо пятясь, шейдеры затерялись в толпе. С трудом выправившись, я двинулась дальше, подгоняемая голодом. И вдруг...

«Тот».

Он был рядом – дуальный черный шейд – мощный, притягательный, горячий. Единственный, кто был так нужен мне для восстановления жизненной энергии.

– Сола...

Я еще не успела повернуть голову, еще не видела его лица, но шейд безошибочно узнал дуала за мгновение до того, как тот, преодолев одним прыжком половину улицы, заключил меня в крепкие объятия. Я почувствовала прилив сил от одного лишь его прикосновения.

Но нам нужно было больше. Куда больше.

– Хави...

Что-то холодное и мокрое капнуло на плечи, на нос. Начинался дождь... Нет, не совсем дождь. Я задрала голову вверх, щурясь от крупных капель, падавших все чаще и чаще, и увидела сквозь низкие клубы дыма силуэты пожарных хOVERов. Наконец-то...

На плечи, укрывая от рукотворного дождя, опустилась неизвестно откуда взявшаяся у Кесселя форменная полицейская куртка. Хавьер прижал меня к себе, обнял за плечи. Толпа обтекала нас, спеша в укрытия. У проулка остались только мы и переминавшиеся позади нор-ры. Кажется, те самые, что нашли меня на мусорной куче.

– Хави... – Я вцепилась в ворот его футболки, шалея от терпкого запаха и близости манна. – Надо... сейчас.

– Я чувствую, – повлек он меня за собой. – Потерпи немного.

Не было у меня этого немного. И сил искать укромное, уединенное и сухое место тоже не было.

Мне нужен был Хавьер. Здесь. Сейчас.

– Сола... – Кессель не сопротивлялся, когда я, толкнув в грудь, прижала его спиной к темной стене проулка. Руки зашарили по мускулистому телу шейдера в поисках ремня. – Стой. Стой.

– Не могу... – Он был готов, я не могла не чувствовать этого. Готов... для меня. – Хави...

Быстрее, быстрее.

От гормонов, вброшенных в кровь моей второй сущностью, темнело в глазах и подкашивались колени. Пряжка поддалась легко, но дождь, хлеставший с небес, мешал быстро избавиться манна от одежды. Добраться. Ощутить его длину и твердость под пальцами, а после – в себе.

– Стой, мелочь! – Хави все-таки удалось перехватить мои руки. – Я сам.

Но вместо того, чтобы раздеться и заняться наконец делом, он подхватил меня под ягодицы, подсаживая на невысокий козырек полуподвальной крыши. Мои широко разведенные бедра оказались вровень с его лицом.

– Нет... не... так...

Но возмущение быстро пропало, сменившись стоном, когда язык Хави коснулся меня, когда губы, горячие и жадные, обхватили чувствительную кожу, а зубы чуть прикусили мою плоть, отчего все внутри взорвалось фейерверком удовольствия. Я прижалась к Кесселю, бесстыдно закинув ноги ему на плечи, пальцы впились в край крыши.

Прямо сейчас меня не волновало ничего – ни дождь, ни шум, ни возможные зрители... хотя вряд ли кто-нибудь решился бы заглянуть в полутемный переулок, когда у половины разрушенного района были дела поважнее. Ничто не имело значения. Важен был только он, Хавьер Кессель – мой манн, мой дуал, – и то пьянящее, невероятное чувство связанности, которое нарастало внутри, когда шейд Хави щедро делился энергией с моим серебристым шейдом.

– Да... да... еще...

Его руки скользнули вверх, обхватывая мои груди. Он ласкал меня и сверху, и снизу, прикасался ко всем чувствительным точкам сразу, и все, что я могла, – хрипло стонать его имя, захлебываясь от капель дождя, переполнявшей тело серебристо-черной энергии и чистого удовольствия, такого острого и безумного, какое я не испытывала никогда прежде.

– Хави... Хави...

Удовольствие пронзило тело мощным электрическим разрядом. Я выгнулась дугой в крепких руках и закричала уже в голос, бессвязно умоляя Хави не останавливаться, а продолжать, продолжать, продолжать...

Это было невероятно – сильно, ярко, – но все равно недостаточно для шейда, только что пережившего полную трансформацию.

Нужно было еще, еще, еще.

Желание вновь разгоралось во мне.

– Хави...

Я подалась к нему, соскальзывая с края, каждым движением намекая, что хочу большего, – и он уступил. Ладони легли под ягодицы, опуская меня ниже, прижимая к горячему мокрому телу. Я ощутила его жар, его пульсацию – и вновь не смогла сдержать стона. Одно движение...

Он не заставил меня ждать, изнывая от неудовлетворенной страсти и пустоты там, где должна была ощущаться желанная, чудесная наполненность. Хави ворвался в меня – резко и голодно, – одновременно впиваясь в губы жадным поцелуем. И этого оказалось достаточно, чтобы вновь бросить меня на самый пик, а после еще дальше за грань удовольствия, нарастающего с каждым мощным толчком.

– Да! Да! Хави...

– Моя... моя...

Хави прижал меня к стене. Два шейда сплелись в один плотный клубок, сверкающий ярче солнца. Их пульсация, особенно яркая и ощутимая там, где сливались наши тела, разгоралась и разгоралась, пока не стала совершенно нестерпимой для нас обоих. Мы были переполнены силой, энергией, друг другом до самых краев. И когда уже выносить это напряжение стало совсем невозможно...

– Мой... Хави!

– Сола!.. Моя, только моя...

Мы достигли пика одновременно, вжавшись друг в друга так плотно, что ни одна капля не проскользнула бы между наших тел. А потом выдохнули, тяжело дыша, чувствуя, как медленно возвращаются ощущения реального мира – полутемного переулочка, отдаленного гудения хOVERов, холодных капель. Струи искусственного дождя стекали по его спине и моим плечам, дразня чувствительную кожу, скользили по губам, припухшим от поцелуев.

– Сола!.. – Хави потерся носом о мою щеку. – Моя Сола. Никому никогда не отдам, никогда больше тебя не потеряю.

– Никогда больше, – откликнулась я эхом, прикусывая мочку его уха, оказавшуюся так соблазнительно близко, – игриво, но без прежней безумной страсти. – Ты мой. Только мой.

– Согласен.

Он попытался поставить меня на землю. Не лучшее решение. Хоть шейд и чувствовал себя полным сил, тело после всего пережитого было ватным и категорически отказывалось держаться на ногах. Да что там держаться – вообще пребывать в сознании...

– Похоже, я совсем измотал тебя, мелочь, – усмехнулся Кессель, подхватывая меня на руки.

– Кто кого измотал, это еще выяснить надо, – пробурчала я, удобно устраиваясь в его объятиях. – А после провести контрольную проверку.

Я коснулась щекой мокрой майки, вдохнула и провалилась в забытие.

В себя я пришла в маленькой тесной комнате – отмытая, подлеченная и приведенная в порядок. Узкая кровать была заправлена свежим бельем, на подоконнике источала упоительный аромат миска наваристого желтого бульона. С единственного стула свисали штаны и помятая футболка манна, а рядом стопочкой лежала приготовленная для меня чистая одежда – темный топ, джинсы и форменная медицинская куртка.

Подозрительно знакомая форменная куртка.

Приподнявшись на локте, я огляделась и с некоторым изумлением убедилась, что оказалась в... собственной комнате, которую снимала над закуской Нор Лю-Циня. После крышесносного... умопомрачительного секса нейронные связи, пострадавшие от фрагментатора, полностью восстановились, но память все равно возвращалась урывками, иногда ставя в тупик внезапными вопросами.

Что я здесь делала? Как Хавьер отыскал это место и почему оно уцелело в хаосе, творившемся в семнадцатом? Было ли безопасно оставаться там, где нас могут обнаружить литиане? И что вообще происходит в Абисс-сити?..

В душевой кабине зажурчала вода, переключая меня на другие, более приятные мысли.

Кессель...

Я прикрыла глаза, вспоминая наше воссоединение, и шейд внутри отозвался голодным спазмом. Хотя он и был сыт и удовлетворен – Хавьер переполнил меня энергией до краев, помогая восстановиться после первой полной трансформации, – но все равно хотел еще.

Нет, не он. Я.

Но заманчивая идея присоединиться к Кесселю в душе несколько запоздала. Не успела я подняться, как манн вышел сам. Абсолютно голый, если не считать наброшенного на плечи влажного полотенца.

Поймав мой взгляд, Хави насмешливо улыбнулся и повел плечами, сбрасывая влажную ткань. Я подвинулась, приглашая его разделить со мной узкую койку и покувыркаться еще немного, но Кессель коротко мотнул головой, решительно потянувшись за одеждой. Крупный, широкоплечий, он заполнял собой все пространство комнаты, показавшейся теперь совсем крошечной.

Зато поймать его за руку и усадить рядом оказалось совсем несложно – даже вставать не пришлось.

– Сола... – Потемневший взгляд пробежался по моему обнаженному телу – я специально приняла особенно соблазнительную позу, – но Кессель умел при необходимости сдерживать инстинкты. – Я должен идти. Нужно найти способ выйти на связь с Рохасом и вытащить нас отсюда.

– Стой, – притянула я его к себе. – Прежде чем ты уйдешь, расскажи мне все. Как... как тебе удалось выбраться с падающего корабля?

– Я же обещал, что все будет хорошо, – только и сказал он. – Как я мог бросить тебя одну, не сдержав слова? – Я не отпускала его, и манн, сдавшись, продолжил: – Когда я добрался до спасательных капсул и увидел творящуюся там разруху, восстановить происходящее по камерам наблюдения оказалось несложно. Я выбрал капсулу, прикинул траекторию твоего прыжка и сразу же рванул сюда.

– Рассчитывая... что? Найти мой труп?

Хавьер усмехнулся. Горячая ладонь накрыла мою.

– Я никогда не сомневался, что ты справишься, мелочь. К тому же я почувствовал, когда ты трансформировалась.

– Как?

– Ты мой дуал, Сола. Такая же часть меня, как рука, нога или шейд. Или...

Он многозначительно качнул бедрами, но теперь и мне уже было не до любовных игр.

– А корабль? – вспыхнул запоздалый интерес. Вопросы, скопившиеся за время мучительного плена у Ли Эббота, стремительно заполняли голову, тесня друг друга. – Что с кораблем?

– Разбился, – пожал плечами Кессель. – Дикие шиссы еще долго будут сыты.

– Скажи лучше, как он оказался под землей? Перед тем, как накачать меня своей дрянью, Эббот орал что-то не очень понятное про план наших отцов. Так, получается, их мечта о новом солнце заключалась в том, чтобы вывезти всех шейдеров с Абисса на новую планету? Но как им удалось украсть и спрятать целый корабль? И откуда Эббот узнал?.. – Я осеклась, увидев его насмешливый взгляд, и с раздражением сжала кулаки. – Ты ведь все знал, Кессель, знал с самого начала!

Хавьер посмотрел на меня с полуулыбкой.

– Я думал, ты догадалась, мелочь. Провела на борту почти месяц, но так и не спросила, откуда под небольшим окраинным баром оказалась база глубиной в три десятка уровней.

– Я... нет... поверить в такое...

– К сожалению, это правда. Наши отцы устроили взрыв на одной из орбитальных верфей, где как раз готовился к сдаче военный корабль последней модели, оснащенный системами терраформирования. Такой паники в Абисс-сити не было, наверное, никогда. Без спутниковой связи литиане почти на неделю ослепли и оглохли, а опасность падения обломков станции на мегаполис загнала в убежища даже самых любопытных и недоверчивых. Удивительно, но Андресу и Себастиану удалось в этой панике посадить на окраине семнадцатого целый звездолет – да еще так, что никто не заметил.

Я уставилась на Кесселя в абсолютном шоке. Сердце билось как сумасшедшее.

«Шисс! – Не в силах справиться с нахлынувшими эмоциями, я потянулась к Хави. Сжала дрожащими пальцами его руку и почувствовала ответное прикосновение. – Неужели мы действительно могли осуществить мечту Андреса Диаза – улететь к новому солнцу, в наш собственный новый мир? Дать шейдерам другую жизнь, свободную и настоящую».

Вот только теперь...

– Почему? – вырвалось у меня. – Если ты знал... если все это время в твоих руках был космический корабль, способный решить все проблемы шейдеров одним махом, избавив нас от соседства с литианами, почему ты ничего не сделал? Почему не нашел команду, не заполнил отсеки необходимыми грузами, не собрал всех? Почему мы все еще здесь?

Во взгляде Кесселя, прямом и грустном одновременно, сверкали отраженным светом далекие звезды.

– Я долго размышлял о первоначальном плане отцов, – тихо проговорил он. – В первое время – особенно после большой зачистки в семнадцатом – он казался мне единственным выходом. Перетерпеть, выждать, собрать силы, а потом, когда время настанет, сделать все, чтобы как можно больше шейдеров смогли улететь с Абисса в новый мир. Десять, пятнадцать, двадцать лет – это казалось мелочью по сравнению с целой жизнью, свободной от блокиратора, дискриминации и литианской диктатуры.

– Но что-то изменилось.

Он кивнул.

– Шли годы. И чем больше я узнавал, чем яснее видел мир вокруг, тем сильнее убеждался, что бегство – не лучший выход. Корабль огромен, но он не смог бы вместить даже сотую долю шейдеров Абисс-сити. Да и не думаю, что многие были бы готовы вот так запросто расстаться с местом, которое они привыкли считать домом, променяв его на пустоту космоса и полную неизвестность. Нет, понял я, если шейдеры хотят перемен, нужно менять что-то здесь, на самом Абиссе. Мир не такой черно-белый, каким показывают его голоновости. Мы можем все изменить: научить литиан жить в согласии с шейдерами, а шейдеров – в гармонии с собой. Достаточно лишь найти правильную точку приложения силы.

– Ту самую искру?

Глава 16

Вместо ответа он нажал на кнопку. Голопроектор, активированный, пожалуй, впервые за десять лет, мигнул, подключаясь к сети. Удивительно, но спутниковое вещание центральных каналов пробивалось даже через информационную блокаду. Возможно, это было сделано в расчете на благотворное влияние литианской пропаганды, но задумка себя не оправдала.

На происходящее уже невозможно было закрывать глаза даже директорам центральных каналов.

– Главные новости дня... – Хорошо поставленный голос ведущей прорвался сквозь треск помех. – Беспорядки по всему Абисс-сити, вызванные публикацией полицейских архивов и фрагментов голосъемки, сделанной якобы в закрытой лаборатории, где несовершеннолетние шейдеры подвергались экспериментам и пыткам, продолжают набирать обороты. По оценкам независимых экспертов, суммарное количество жителей мегаполиса, вышедших сегодня на улицы к администрации и главному офису «Ли Тек», составляет от трехсот до пятисот тысяч. Журналисты, работающие на месте сбора основных групп, также сообщают о значительном количестве литиан, поддержавших протест наравне с цивилизованными шейдерами.

На экране позади литианки показалась площадь перед зданием администрации, переполненная жителями Абисс-сити плотнее, чем станция скайвея в час пик. Журналист в неоновом-рыжем жилете вместе со съемочной группой занимал единственный свободный островок на зеленом газоне. Рядом стоял литианин интеллигентного вида, державший в руках плакат с перечеркнутым логотипом «Ли Тек».

– Я возмущен, – проговорил он на камеру, – что «Ли Тек» проводила опыты над детьми. Это абсолютно недопустимо в прогрессивном обществе. Поэтому сегодня я вышел сюда, чтобы поддержать своих коллег-шейдеров, ежедневно сталкивающихся с несправедливостью. Мы требуем отставки Ли Обелля, а также разбирательств в отношении «Ли Тек» в верховном суде Литианского сектора.

– Ситуация осложняется также массовыми бунтами в окраинных районах Абисс-сити, – продолжила ведущая. – Заваренные мусоросборники в пятом, семнадцатом и восемнадцатом районах вывели из строя систему биологической утилизации отходов и поставили город на грань экологической катастрофы. Пресс-секретарь главы полицейского управления заявляет, что данные меры якобы были приняты для блокировки и ликвидации опасной преступной группировки «Механическое солнце», однако внятных объяснений нам получить не удалось. Как не удалось получить и комментарий касательно появления в небе над Абисс-сити незарегистрированного космического корабля военного образца, чей взлет спровоцировал обрушение десяти кварталов, горно-обогательного завода и трех логистических комплексов в семнадцатом районе. Очевидцы утверждают, что крейсер некоторое время пробыл в воздушном пространстве Абисс-сити, а затем направился в пустоши, где и разбился. На месте крушения работают специалисты, выясняя причины аварии. Начато расследование. Часть экипажа уже дает показания, из которых следует, что разрушительной операцией командовал капитан полиции Ли Эббот, получивший разрешение мэра на массированный огонь по жилым окраинам Абисс-сити. Сам капитан Ли Эббот, подозреваемый в государственной измене, числится пропавшим без вести...

Я растерянно моргнула. В то, что на одном из центральных каналов Абисс-сити решились показать настоящую, а не вывернутую наизнанку картину событий, верилось с трудом. Но, кажется, на этот раз правда об экспериментах «Ли Тек» и безумном полете Ли Эббота оказалась такой огромной... как космический крейсер. Утаить ее было просто невозможно.

Голос Абисса – не подпольное головидение Дамиана Рохаса, а настоящий, живой голос разумных существ, населявших наравне с литианами эту планету, – впервые звучал как никогда громко и твердо.

Я повернулась к Хавьеру и поймала в светлых глазах манна отблеск довольной усмешки.

Новый щелчок – и канал сменился. На экране голопроектора возникла знакомая комната, представлявшая собой проекцию кабинета мэра. А в самом центре кадра, крепко держа усталого и пожеванного шиссами Кесселя, стояла...

– Вы же знаете Саула и Хельми Михелей? – Голографическая Солана яростно сверкнула глазами. Увидь я такое представление в кино, поверила бы безоговорочно – настолько проникновенно звучали слова, брошенные в лицо Дамиана Рохаса, в кадре, естественно, не появившегося. А я-то думала, что актриса из меня так себе. – Уверена, знаете. Сообщество трущобных медиков довольно замкнуто. Михелей убили литиане. Полицейские. И за что? Потому что не нашли меня. И потому, что я случайно узнала об их последней разработке. О той дряни, которую они планируют использовать, чтобы подавлять наших шейдов вернее любого блокиратора. И эта шиссова штука уже на финальной стадии испытаний.

Словно в подтверждение моих слов изображение сменилось кадрами трансляции из подпольной лаборатории – похоже, Никс и Фабио все-таки удалось получить их, даже несмотря на глушилки.

«Ре-ин-те-гра-ци-я». Тогда я не понимала, что скрывается за этим сложным словом. Как и Анхель. Как и многие из нас».

«Сейчас я знаю, что «Ли Тек» с нами делали. Изучали воздействие различных веществ на детей, чья связь с шейдом еще не сформировалась в полном объеме. А тогда...»

«Здесь хранились запасы реагентов. В холодильных установках держали образцы крови и тканей – по одному агрегату на каждую группу испытуемых».

«Игла в предплечье отвечала за блокиратор. В позвоночном столбе отверстие для пункций, на ноге катетер для инъекций. Сначала его подсоединяли к локтевому сгибу, потом на запястье, а когда вены рук становились непригодными, переключались на ноги. А это...»

«Дети. Они делают свою отраву... из наших детей!»

Я смотрела на спины знакомых и не очень шейдеров, добровольно вызвавшихся помочь нам с ликвидацией линии производства смертоносного антишейда, и в сердце словно проворачивался тупой нож. Пройдет всего лишь несколько минут, и лабораторию охватит пламя, сожравшее всех... Кроме Хави. Но даже это казалось мне чудом...

Взгляд почти бессознательно метнулся к моему манну, скользнул по острым скулам, подбородку, покрытому легкой щетиной, широким плечам, крепкому мускулистому торсу. Черный шейд Кесселя был

спокоен и сыт, и оттого на смуглом теле не осталось ожогов и шрамов. Но у меня всегда было слишком живое воображение...

Яркое пламя, поглощающее комнату за толстым стеклом, торжествующая усмешка Ли Эббота...

– Выдыхай, мелочь, – раздался над ухом голос Хавьера. – Все живы.

Я удивленно моргнула, только сейчас осознав, что сижу, уткнувшись носом в голую грудь манна, крепко прижавшего меня к себе.

– Но... как? – с трудом выдавила я. Пальцы скользнули по горячей смуглой коже моего Кесселя, словно желая убедиться, что он действительно был передо мной, живой и невредимый. – Ведь был взрыв. И ты... А остальные...

– Они в порядке. – Кессель успокаивающе погладил меня по спине и, отстранившись, заглянул в глаза. – Все четыре группы уцелели... более-менее. Рокас вызвал подкрепление сразу, как только Никс и Фабио потеряли с нами связь. Третья группа встретила Хьюго на полдороги, и они тут же повернули обратно. Мы успели начать эвакуацию как раз вовремя. Если бы ты не пошла с Химиком... – Губы Кесселя недобро сжались при упоминании предателя. – Если бы я вовремя отреагировал, мы бы покинули лабораторию вместе – за считанные секунды до взрыва. А так я провел несколько не самых приятных минут, думая, что вы оба остались под завалами.

– И что было дальше? Вас не задело?

Он поморщился.

– Почти. К счастью, большинство оказалось далеко от эпицентра. Конечно, о выходе на поверхность и возвращении по воздуху не могло быть и речи. Мы прекрасно понимали, что литиане нашли стоянку хOVERов и, скорее всего, патрулируют район. Но к счастью, Хьюго и скауты вовремя вспомнили о тоннелях, используемых крыланами. Группа укрылась там, а после благополучно выбралась на поверхность.

– А ты?

– Вернулся в лабораторию. – Он посмотрел на меня внимательно и серьезно. – Искал тебя, но, когда сумел разгрести завалы, нашел только труп предателя-Химики и выход на посадочную площадку, которой воспользовались литиане. Угнал транспортник, украл

экзокостюм, а дальше шел по твоему следу. Семнадцатый был перекрыт, но в одиночку пробраться через кольцо блокады не составляло труда... По крайней мере до того, как капитан Ли Эббот разнес половину района.

Я поежилась. Воспоминания о часах – или даже днях, – проведенных в капсуле с мозговым буром Ли Эббота, все еще отзывались в теле болезненным эхом.

– Прости. Я добрался до «Логова» слишком поздно, чтобы можно было остановить безумие, сотворенное твоим отчимом. Еле сумел попасть на борт, когда наконец почувствовал то, что так безуспешно искал. Тебя. А остальное... ты знаешь.

Я кивнула.

– В общих чертах. Хотя после фрагментатора я ни в чем не уверена.

– Сказать по правде, я вообще сомневался, что Ли Эбботу удастся поднять корабль в воздух. Думал, шиссы давно погрызли обшивку, а топливные блоки, которые я перенастроил для автономного питания базы, почти разрядились и крейсер, закопанный под окраинными кварталами семнадцатого, больше не представляет опасности для мирных жителей. К сожалению, моя ошибка дорого стоила всем нам.

– Ошибкой было прятать корабль под городом. Но если бы не это и не одержимость Ли Эббота моим отцом, нам не удалось бы раскрыть его замысел и остановить истребление шейдеров. Жаль только, что нельзя повторить в суде то, что он говорил мне, когда был уверен в своем триумфе. Рокас бы ухватился за такой компромат на мэра, «Ли Тек» и полицейское управление.

Хавьер неопределенно хмыкнул.

– Что?

Он многозначительно кивнул в сторону экрана.

«Маленькая потаскуха! – Брызги слюны украсили прозрачное стекло. – Похотливая дрянь! Все вы, дикие твари, одинаковы – можете лишь драться и совокупляться. Таким не место в цивилизованном обществе».

«Так всего-то и нужно было, – услышала я со стороны свой голос, – позволить Андресу Диазу довести свой план до конца и подарить шейдерам новое солнце. Дайте нам уйти, и все проблемы исчезнут сами собой. Не нужно будет выдумывать отраву и

производить миллионы порций блокиратора каждый месяц. Какое облегчение для литиан и непоправимый удар для экономики, не так ли?»

«Уйти? – Лицо Эббота, искривленное разделявшим его и камеру толстым стеклом капсулы, приблизилось. – Улететь? Так ты знаешь о корабле Диаза? Знаешь и продолжаешь упираться...»

Изображение сменилось, показывая Ли Эббота уже за главным пультом в капитанском кресле, прежде принадлежавшем Хавьеру, а до него – моему отцу.

«Андрес Диаз... когда корабль разнесет в клочья семнадцатый, который давно нуждался в очистке, жертвы будут на твоей совести. Уж я об этом позабочусь. Весь Литианский сектор узнает, каким редкостным уродом был герой шейдеров Андрес Диаз!»

«И передайте, что операция санкционирована лично мэром Абиссисити Ли Обеллем. К тому моменту, как власти разберутся, что на самом деле происходит, все уже будет кончено. Мэру ничего не останется, кроме как признать мои неоспоримые заслуги по очистке города от трущобной грязи».

Я удивленно повернулась к Хавьеру. Голозапись показывала Ли Эббота слишком близко для того, чтобы быть изображением с визора экзокостюма, в который был одет Кессель. А половину сказанного манн вообще не мог слышать. Да и ракурс съемки был такой...

Я скосила глаза вверх и зашарила пальцами в волосах, выискивая невидимую камеру.

– Дай я.

Хавьер наклонился ко мне, ловко подцепил что-то, дернул...

– Ай!

– Прости, мелочь.

Манн показал мне добычу. На раскрытой ладони лежал крохотный чип. Я недовольно потерла поцарапанное место, уже скрытое чешуйкой шейда.

– Ума не приложу, когда Рохас успел вживить его.

– Прогулка по студии. Помнишь?

Я скептически фыркнула. А потом еще раз – только теперь от возмущения.

– Шисс, так, выходит, он работал, когда мы с тобой...

– Да.

– И потом, когда...

Хавьер помрачнел.

– Да.

– Шисс!

– Я ему припомню эту самодеятельность, – туманно пообещал Хавьер, сминая в кулаке хрупкий чип камеры.

– Эй! – Насмешливый голос – совершенно невозможный в трущобах семнадцатого – раздался из коридора, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности. Обернувшись, я увидела на пороге комнаты неоновой, державшего голопроектор. Голографический Дамиан Рохас, как всегда безукоризненно одетый и абсолютно невозмутимый, висел рядом, оскалившись в широкой улыбке. – Нечего портить дорогостоящее оборудование. Напомню, Кессель, ты со мной еще за прошлую операцию не расплатился, а уже набираешь новые долги. Разве я не просил вернуть технику в целости и сохранности?

– Извини. – Хавьер улыбнулся еще шире «Хирурга». – Испортилась при транспортировке. И осторожнее, а то я решу, что твой интерес к интимному видео со мной в главной роли какой-то... подозрительный.

– Оставь шутки ниже пояса брату, – фыркнул Рохас. – Нас ждут великие дела. Сейчас к вам поднимется моя команда гримеров и приведет вас в достойный вид. Нам предстоит долгая и, надеюсь, продуктивная встреча в кабинете бывшего мэра Абисс-сити. Не зря же я столько лет примеривался к его креслу.

Бронированный ховер городской администрации ждал у закусочной Нор Лю-Циня. Охранники – два хмурых полицейских в экзоскостюмах – посторонились, пропуская нас и неоновую манна с голопроектором. Нор-ры и шейдеры, столпившиеся вокруг ховера, напряглись, в воздухе отчетливо запахло дракой. Но один взгляд Хавьера – и толпа нехотя расступилась. Хотя ситуация и напоминала арест, на самом деле, как объяснил неоновый, это было чем-то вроде ускоренной доставки.

Вопрос не терпел отлагательств.

Внутри транспортник выглядел дорого и внушительно: кожаные сидения, мини-бар, собственная станция связи, несколько голопроекторов. Я прилипла носом к стеклу, стараясь не упустить ни одной детали того, что происходило внизу.

А посмотреть было на что.

Ховер, мигая огнями, на полной скорости несся по трассе вдоль сверкающей серебром линии скайвея, а под ним в серых клубах тумана мелькали улицы и кварталы трущобных районов Абисс-сити. С высоты можно было по-настоящему оценить масштаб того, как изменился за последние несколько дней и недель шумный мегаполис.

Вместо половины семнадцатого, пестрым полотном покрывавшего окраинную зону терраформированной земли вплоть до границы силового поля, зияла темная рваная дыра, дымящаяся и осыпающаяся по краям, обнажая оборванные клубки проводов, трубы подземных коммуникаций и арки коллекторов. Нескладные дома нор-ров перекосило еще сильнее, отчего большая часть жителей высыпала наружу, боясь оказаться погребенными под стенами собственных жилищ. Я обоснованно боялась, что полицейские, некогда державшие в страхе законопослушных нор-ров, могут посчитать многотысячные неприкаянные толпы угрозой. Но массовых столкновений видно не было. И самого оцепления, кажется, тоже.

Неужели?..

Нет, кое-где стычки еще происходили – крохотные точки волнами набрасывались друг на друга, туман рассекали огни полицейских мигалок и вспышки выстрелов. Но на крупных улицах семнадцатого, пятнадцатого, пятого, где проблемы стояли острее всего...

С замиранием сердца я наблюдала, как полицейские-лители один за другим опускали оружие. Выстрелы затихали. Шейдеры и нор-ры поднимали головы из-за баррикад и медленно выходили вперед, удивленные и настороженные. Навстречу им от заграждения ховеров выступили переговорщики в деактивированных экзокостюмах.

И таких групп было не одна, не две... И не только в трущобах. Когда ховер наконец пересек линию тумана, влетев на оживленные трассы Центра, я заметила литиан и цивилизованных шейдеров, стягивавшихся к зданию администрации. Казалось, все жители Абисс-сити объединились в едином порыве и желании добиться справедливости. И полицейские уступали, предпочитая занять сторону простых граждан Абисс-сити, а не алчного мэра, слетевшего с катушек полицейского капитана и прочих сторонников радикальных мер.

С рекламного баннера, сверкавшего на стеклянной стене небоскреба, говорила Ракель – судя по фону позади нее, из подпольной

студии Рохаса.

– Несмотря на то, что пытается внушить нам пропаганда Ли Обелля, шейдер – это не манн с паразитом внутри. – Взгляд Ракель, сверкающий и решительный, устремился в камеру. Звонящий голос заполнил собой пространство. – Шейд – не паразит, не радиоактивная плесень, не вирус, не чужеродный организм из дальнего космоса. Шейд – неотъемлемая часть шейдера, часть его души, его сердца. Можно принять позицию «Ли Тек», сознательно заглушив часть себя блокиратором. Можно вырезать часть себя и жить дальше. Но это будет лишь подобие жизни. Единственный путь, по которому должен идти каждый разумный шейдер, – путь принятия себя. Нельзя разделять шейдера и шейда... – Она на мгновение осеклась, до крови прикусив губу. – Мы – это мы, какими бы ни родились. Пришла пора Абиссу признать это.

Громкие крики поддержки были слышны даже через толстые стены ховера. Некоторые аплодировали.

Я пораженно выдохнула, откидываясь на спинку сиденья.

– Глазам не верю.

В ярком взгляде Кесселя, сидевшего напротив меня, заплясали насмешливые искры.

– Это в немалой степени твоя заслуга, мелочь. Твое упрямство, верность себе – и в особенности отважное сопротивление Ли Эбботу – заставили многих по-другому взглянуть на действия полиции и правительства.

Еще месяц или два назад в это невозможно было поверить. Но сейчас я видела, видела все своими глазами.

Мы действительно сделали это. Изменили мир.

И пусть солнце над Абиссом было таким же, как прежде, хотелось верить, что с этого дня оно будет светить по-новому. Шейдеры, норры, литиане – мы все можем стать немного более счастливыми. Всего-то нужно научиться принимать себя и других, бороться со своими страхами, а не подавлять их. Все равно, как и чем – блокиратором, антишейдом, социальными барьерами или вбиваемыми с детства установками о литианском счастье и грязной животной природе.

И не нужно будет искать другой мир. Убегать, прятаться, бросать дом и друзей, признавая тем самым, что враг победил.

«Солнце – это ты, – эхом прозвучали в голове слова, которых я не помнила, но верила, что именно так мог бы сказать отец. – Ты, Хавьер и все, ради кого стоило бороться».

Ховер остановился у главного входа мэрии. Вокруг сердито гудела толпа, но при виде неоновой манна и голограммы Рохаса недовольные выкрики сменились одобрительными.

– Мы верим в тебя, Дамиан!

– Вперед, «Голос Абисса»!

Кессель подал мне руку, и я с удовольствием вложила в нее свою ладонь. И шагнула под слепящее солнце Абисса.

Кабинет мэра Абисс-сити оказался совершенно таким же, каким я видела его в голографической копии на подземной базе Дамиана Рохаса – разве что обещанной скульптуры на месте разъеденной шиссовой слюной дыры в полу не оказалось. Зато глава «Хирургов» в мэрском кресле смотрелся как влитой. Ли Обелля, покидающего здание в наручниках под вооруженным конвоем, мы встретили минутой ранее в зоне лифтов.

Помимо Рохаса в кабинете расположились спасшийся от взрыва Хьюго Видааль, несколько шейдеров, смутно знакомых мне по коротким сеансам голосвязи, когда Хавьер пытался объединить разрозненные трущобные банды, и парочка активных представителей коммун, известных по голоновостям. Рядом с ними на высоких стульях устроились три нор-ра – что было для Центра делом абсолютно неслыханным, ибо представителей третьей расы Абисса здесь воспринимали скорее как придаток к транспортнику или уборочному автомату, нежели как живых разумных существ. Литианскую сторону представляли заместитель мэра, майор-безопасник, манн и фемма, возглавлявшие соответственно горнодобывающие и транспортные концерны, являвшиеся крупнейшими после «Ли Тек» корпорациями на планете. И – что, если подумать, совершенно не стало для меня неожиданностью – Ли Френнель-Сайнс.

При виде меня литианин привстал и вежливо улыбнулся.

– Солана.

– Ли Фре... – замялась я.

– Френнель-Сайнс, – ничуть не смущенный моей заминкой, кивнул он. – У меня двойная фамилия, можешь использовать любую. Рад видеть тебя живой и здоровой.

– Спасибо, – искренне откликнулась я. И, вспомнив о нашей предыдущей встрече, добавила: – И за то, что помог тогда, в участке Ли Эббота. Если б не ты, я вряд ли выбралась бы живой.

Хавьер за спиной выразительно хмыкнул.

– Не стоит благодарностей, Солана. – Литианин недовольства шейдера не заметил или сделал вид, что не заметил. – Надеюсь, у меня будет возможность снова пригласить тебя на свидание. Я звонил. Триста двадцать два раза.

– Извини, но...

– Солана крайне занята, – отрезал Кессель, по-хозяйски приобнимая меня за плечи.

Возражать собственническим замашкам я не собиралась, так что просто улыбнулась и пожала плечами.

– Жаль, – ровно ответил литианин, кажется, ничуть не расстроившись, и повернулся к моему спутнику. – Шей Хавьер Кессель. Наслышан.

– Не могу сказать, что это взаимно. Солана о вас не вспоминала.

– Заканчивайте болтовню, – окликнул с мэрского кресла Рокас. – Делить фемму, которая, впрочем, и без всякой медицинской лицензии сама способна разделить вас обоих на аккуратные мясные кубики, будете потом, а сейчас у нас целый крейсер нерешенных вопросов. Начиная со статуса трущоб и выбора нового мэра и заканчивая... – Он отстучал на голопанели несколько команд. – Срочными переговорами с деловыми партнерами Абисс-сити, выразившими крайнюю обеспокоенность в связи с последними событиями.

Окно позади бывшего главы «Хирургов» – судя по всему, будущего мэра – потемнело, превращаясь в огромный полиэкранный. В отдельных частях с небольшими интервалами начали появляться лица, морды и головные отростки глав других планет Литианского сектора и основных торговых и политических партнеров литиан по Галактическому Содружеству.

Вздыхнув, я шагнула к ближайшему креслу между нор-ром и Хавьером. Разговор, судя по всему, предстоял утомительный и безумно долгий.

Но устроиться поудобнее с прицелом по-тихому поспать с открытыми глазами и внимательным лицом я не успела.

– Солана Диаз? – спросил из-за двери высокий голос.

Немолодая литианка с высокой прической, державшаяся так величественно и прямо, словно единолично владела всем Литианским сектором, замерла в проходе, разглядывая наше разношерстное собрание с абсолютно непроницаемым лицом. Позади нее, не помещаясь в прямоугольник прохода, виднелся силуэт трехметрового инопланетянина в экзоскостюме и шлеме. В розоватом тумане за защитным стеклом угадывалась шипастая голова – судя по всему, новоприбывший был роноанцем. Как к нему обращаться, я не знала: полов у бронированных ящеров было, кажется, три или четыре, а разновидностей – десятка два. Это литиане, шейдеры и нор-ры делились на маннов и фемм – не запутаешься.

Хотя, может, для роноанца мы тоже были на одно лицо.

– Солана Диаз, – повторила литианка. – Мне нужна Солана Диаз.

– Это я.

Под пристальным взглядом феммы я поднялась. Хавьер вскочил было следом, но после короткого обмена многозначительными взглядами с Рохасом опустил обратно.

– Прошу за мной.

Судя по тону, возражать крайне не рекомендовалось. Но ушла я с затаенной радостью – лучше уж общество странной литианки и роноанца, чем несколько часов нуднейших политических бесед.

Неоновый Фабио, и здесь выполнявший роль секретаря, проводил нас в ближайший свободный кабинет.

– Что вы хотели?

Вместо ответа фемма достала из складок одежды наладонный коммуникатор. Короткий писк, и перед нами возникла голографическая модель планеты. Судя по цвету лучей проектора, состояла она преимущественно из воды и песка. Суша имела ландшафт, чем-то напоминавший пустоши Абисса.

Клик, и планета отдалилась, превратившись в крошечный желто-синий шарик. Вокруг закружилось три спутника, а на соседних орбитах выросло еще две красных планеты. В центре зажглось яркое желтое солнце.

– Тау звездного скопления Мехи, – скрипучим голосом зачитал с коммуникатора роноанец, неплохо владевший нашим языком. – В галактическом звездном архиве она называется Солнце Диаз. Расстояние от Абисса – триста двадцать пять парсек, или тысяча

шестьдесят световых лет. Находится в собственности гражданина Абисс-сити, первым подавшего права на данную звездную систему, Шей Андреса Диаза.

– Отца? – выдохнула я пораженно.

Ну конечно! Корабль разрушен, но планета, которую Андрес Диаз нашел, чтобы сделать новым домом для шейдеров, она никуда не делась.

Солнце Диаз в скоплении Меха.

«Механическое... солнце».

Литианка чопорно кивнула.

– Центральный архив Галактического Содружества, представителями которого мы являемся, уполномочен уведомить вас, что рассмотрение заявки, которую Шей Андрес Диаз подал на регистрацию, закончено. Принято решение одобрить включение в состав Галактического Содружества Солнца Диаз как официальной планетарной системы, титульным населением которой признаются шейдеры.

– Э-э-э...

Слов не было. Понимания – тоже. Как ни старалась, я понятия не имела, что могло означать наличие в собственности шейдеров целой солнечной системы. Даже если бы мы еще хотели улететь и колонизировать новый мир, единственный корабль был полностью разрушен и непригоден для межзвездных перелетов. А купить новый...

Да и вообще, за двадцать лет, прошедшие с момента подачи отцом заявки, на Абиссе многое изменилось. Будущее ждало нас здесь, а не где-то там, среди неизвестности и звезд...

– Вижу, вы не вполне понимаете открывшиеся перед вашей расой перспективы, Шей Диаз, – холодно улыбнулась литианка. – Членство в Содружестве не обязывает вас немедленно колонизировать означенную планету. Тем не менее оно дает достаточно преимуществ и здесь, на Абиссе, и в других местах, где шейдеры составляют существенную долю населения.

– Например?

– Право голоса по важным политическим и экономическим вопросам, – проскрежетал роноанец. – Защита прав в Верховном галактическом суде. Собственный представитель в Содружестве. Вам

это пригодится во время разбирательств с «Ли Тек» и старым правительством Абисса. А в перспективе – кто знает, – возможно, найдутся желающие основать независимую колонию. Это хорошее предложение, Шей Диаз, и мы искренне советуем рассмотреть открывшиеся перед вами перспективы.

Я посмотрела за окно, туда, где высились острые шпили моего родного Абисс-сити. Над ними на орбите виднелись корабли Содружества. А еще дальше в черноте бескрайнего космоса, неразличимое взглядом, сияло «Механическое солнце».

Но прежде, чем мы с Хавьером – или наши потомки – направимся к нему, предстоит сделать немало хорошего под этим солнцем.

Нашим общим солнцем Абисса.

Эпилог

Вечер обещал быть прекрасным.

С самого обеда я никак не могла перестать улыбаться. Воображение, подстегнутое многообещающим сообщением на моем личном коммуникаторе, разошлось не на шутку, дразня образами долгожданного свидания и непременно горячего продолжения.

Настенные часы – голографический циферблат в стильном хромированном корпусе – отсчитывали последние минуты смены. Конечно, я могла уйти в любое удобное время, но предпочитала строго придерживаться регламента, оставаясь на рабочем месте столько, сколько требовалось. Именно так всегда поступал Саул Михель, любивший свое дело и честно исполнявший долг медика. И я, как дипломированный руководитель реабилитационного центра, носящего гордое имя моего наставника и учителя, должна была соответствовать.

План был четок и прост: закончить проверку документов новых пациентов, передать ключ дежурному медику, посмотреть, как идет плановое обновление сети, и быстрым шагом спуститься на подземную парковку к хOVERу. Если потороплюсь, успею добраться до апартаментов, минуя вечернюю пробку, и быстро привести себя в порядок. Горячий душ, легкий макияж, серьги-кольца в уши, любимый черный с серебром топ и узкие брючки, при одном взгляде на которые некоторых когтистых особей так и тянет поскорее приступить к детальному изучению изгибов моего тела.

М-м-м...

Шейд отозвался на эту мысль предвкушающим голодным спазмом внизу живота. Стоило только подумать о близости с дуалом – горячих поцелуях, жадных руках, скользящих по бедрам, крепости мышц, таких твердых под моими пальцами, сводящих с ума толчков, от которых удовольствие скручивается в тугую спираль, – как вторая сущность устраивала организму настоящий гормональный шторм. О да, шейду всегда хотелось еще.

Как и мне.

Удивительно, мы с Кесселем вместе почти шесть лет, а я до сих пор не насытилась. И отчего-то я даже не сомневалась, что этот голод

со мной надолго. Может, даже навсегда.

Если бы еще удавалось проводить вместе больше времени... Хотя бы как в тот упоительно-сладкий месяц, который мы провели вместе на сказочных пляжах Маоли...

Когда же это было? Года три... нет, четыре назад, когда я наконец-то получила диплом и лишила Дамиана Рохаса раздражающего права называть меня медичкой без лицензии, а Хави... Хави занял должность полномочного представителя семнадцатого района в учрежденном новым мэром Совете Абисс-сити.

Нет, новый отпуск нам был совершенно необходим. Сегодня же выпишу Кесселю строжайшее медицинское предписание бронировать межпланетный перелет. Вот только до дома доберусь...

Как назло, не успела я выключить голомонитор, как в кабинет постучали. Гаррет Васкес, вчерашний студент, а сегодня уже начинающий специалист-реабилитолог, недавно нанятый в наш центр, растерянно мялся в дверях. Решение сменить жизнь в трущобах на университетскую скамью шейдер принял сам – но я подозревала, не без помощи и влияния Рохаса. Впрочем, желание Васкеса помогать с реабилитацией шейдеров, выбравших жизнь без блокиратора, я целиком и полностью одобряла.

Только не в этот конкретный момент.

– Гаррет...

– Простите, босс!.. – Молодой специалист сделал большие виноватые глаза. – Я знаю, что вы уходите... но без вас... мне не справиться. Понимаете, Шей...

– Если ты о Шей Лорис, – перебила я, перебирая в памяти всех записанных на вечерний прием, – то в этом месяце ей прописана одна восьмая дозы заместительного блокиратора. У нее хорошая динамика, шейд уже практически адаптировался к саморегуляции. Однако если она будет настаивать, я разрешаю ввести одну четвертую дозы. Но только на этот раз. Так и передай дежурной сестре.

– Нет, – еще сильнее стушевался шейдер. – С Шей Лорис как раз проблем нет...

Я устало потерла виски.

– Гаррет, сегодня я реально спешу. Попроси о помощи старшую медичку. И не бойся, она только кажется грозной. Главное, не заговаривай о ее бывшем партнере.

– Шей Диаз... – Медик взъерошил короткие волосы. – Там... особые пациенты. Они грозятся клинику разнести, если осмотр будет проводить кто-то кроме вас. И, не сомневаюсь, разнесут. Они уже в процессе. Так что без вас никак. Совсем никак. Простите...

Таких особых пациентов первое время было по двадцать штук в день. После скандала с «Ли Тек» многие шейдеры хотели слезть с блокиратора, но далеко не у всех отмена проходила легко. Манны и феммы не справлялись с многократно обострившимися реакциями, и то там, то тут в окраинных районах и Центре случались срывы шейдеров, и даже объединенных сил вышедших из подполья банд, патрулировавших районы и пресекавших конфликты, не хватало. Тогда-то Дамиан Рохас, только вступивший на пост мэра Абисс-сити, и предложил идею заместительной терапии. Я вызвалась стать первым медиком, оказывавшим подобные услуги за счет городского бюджета. Первым, но, к счастью, далеко не последним.

Несколько месяцев спустя финансирование подавляющего большинства открывавшихся по всему мегаполису новых клиник с подачи все того же Рохаса взяла на себя новая глава «Ли Тек». После сокрушительного скандала и рухнувших на самое дно акций главная фармацевтическая корпорация Абисса жаждала скорее восстановить репутацию. Разумеется, ни о какой запредельной плате за улучшенный заместительный блокиратор и речи не шло. Те, кто учился жить без инъекций, и те, кто предпочитал продолжать подавлять вторую сущность, получали ежемесячные дозы практически бесплатно.

А в моем центре безо всяких практически.

Пять лет спустя сложных случаев поубавилось, но все равно находились те, кто дозревал до необходимости перехода на саморегуляцию только сейчас. Да и буйных нравом особей среди шейдеров хватало. Парочку из них я знала лично.

Коридоры клиники, несмотря на поздний час, пусты не были. Навстречу нам прошли три медички, сопровождавшие пациентов, в креслах зоны отдыха вольготно расположились два хирурга и анестезиолог, обсуждавшие предстоящую операцию. Центр реабилитации имени Саула и Хельми Михелей теперь принимал не только пациентов, слезающих с блокиратора, но и многих, многих других – как со страховкой, так и без нее. Дамиан Рохас, в далеком прошлом и сам хирург, щедро финансировал медицину, поэтому

клиники Абисс-сити были оснащены по последнему слову техники. Увидев просторные операционные, диагностический центр, реабилитационное крыло, собственную лабораторию и чистые палаты, где можно было без проблем разместить несколько сотен пациентов, Саул пришел бы в восторг.

Шум и громкий хохот, донесшийся из серверной, нарушил идиллию. Голоса – особенно хриплые смешки феммы – показались странно знакомыми.

Вшух-х!

Они вылетели из-за поворота одновременно – Никс верхом на сердито мигающем индикаторами роботе-уборщике и все еще неонововолосый Фабио в офисном кресле с мотором, явно сделанным на скорую руку из деталей бывшего дрона. Робот, не рассчитанный на дополнительные нагрузки непрофильного характера, натужно скрипел, кресло трещало, хакеры с пультами наперевес подгоняли свои самодельные транспортные средства на радость застывшим в конце коридора уборщикам, технику, принимавшему ставки у всех желающих, и двум десяткам пациентов, составлявшим группу поддержки. В импровизированной гонке лидировало кресло.

Я поморщилась. Вот мало рабочей головной боли, так еще и друзья норовили добавить проблем и поцарапать полы.

Пришлось устроить гонщикам внеплановую финишную прямую. Потянувшись к силе шейда, я серебристой молнией метнулась вперед, резким рывком выдирая лопасти из спинки кресла. Фабио потерял управление, вписавшись в стену. Сообразительный Гаррет отважно встал на пути робота-уборщика. Обиженная Никс мстительно протащила шейдера несколько метров на выпирающем пылесборнике, пока наконец не вырубил двигатель.

Бросив на неонового приятеля победный взгляд, хакерша торжествующе помахала рукой зрителям.

– Нечестно! – Потирая ушибленное плечо, Фабио вспрыгнул на ноги. – Налицо вмешательство третьих сил.

Никс только фыркнула.

– Первое место присуждается нашему грозному боссу. – Поймав мой недовольный взгляд, она высунула язык. – Над весельем Шей Диаз одержала полную и безоговорочную победу.

Я мысленно вздохнула. Некоторых все-таки не меняло ни время, ни положение. Сколько Никс ни пыталась примерить официальную должность белого правительственного хакера, беззаботная жизнь в серой зоне все равно сманивала ее обратно нестандартными задачами и щекочущим нервы чувством опасности. Да и Фабио, даром что пресс-секретарь самого мэра Абисс-сити, нет-нет да и порывался вспомнить бурную подпольную молодость.

Например, гонки устроить.

– Кажется, – выразительно изогнула я бровь, – вы обещали обновить электронную прошивку диагностического оборудования, а не проводить непрошенный апгрейд мебели и перегрузку клининговых аппаратов.

Робот-уборщик согласно пикнул.

– Простите, о штрашный большой бошш, – залепетала Никс, изобразив испуг так убедительно, что, не зная я ее так хорошо, точно бы купилась на фальшивое раскаяние хитрой полукровки. – Прошивка прошита, перешита и подшита в стройные папочки в алфавитном порядке. И так как у нас еще осталось время, мы решили отработать щедрый гонорар и проверить качество проведенных отделочных работ. Нор Су-Ри жаловалась, что у тебя в клинике самые длинные коридоры из всех, какие она только чистила. Нельзя было упускать такой шанс.

– Разнести диагностическое крыло и поломать новенького робота?

– Не будь такой занудой, детка-босс, – беспечно отмахнулась Никс. – Роботу уже два месяца, а кресло, наверное, тылы самого Ли Обелля видело. Ему давно пора в утилизатор кормить шиссов. А вот нам, уникальным специалистам высокоинтеллектуального труда, надо было чуточку развеяться, потому что вчера Фабио додумался пригласить меня на свидание в мэрию, а там... Ну, ты даже не представляешь, насколько скучно, стерильно и уныло. И голограммы Рохаса на каждой стене. Даже в уборной.

Долго сердиться на безбашенную парочку у меня никогда не получалось. Пришлось махнуть рукой и оставить их громить остаток коридора под неусыпным присмотром Гаррета. Впрочем, я небезосновательно опасалась, что эти двое и моего нового медика успеют научить плохому.

Встречи, как оказалось, на сегодня не закончились.

Крики я слышала задолго до того, как добралась до указанной Гарретом приемной. А когда в дополнение к ним раздался грохот, стиснула зубы и перешла на бег в надежде остановить смертоубийство.

Или, наоборот, лично прикопать разбушевавшегося шейдера в ближайшем утилизаторе. Потому что... Ну, сколько можно! Пятый раз за неполный месяц!

– Анхель! – Я ворвалась в медкабинет разъяренным серебряным смерчем. Мгновенно оценив ситуацию – перевернутый стол, разбитые пробирки, медик и ассистентка, сжавшиеся в углу, Ракель в смотровом кресле, плачущий малыш и младший Кессель с перекошенным лицом, сжимавший в руке вырванные трубки капельницы, – я бросилась вперед и, повиснув на каменном локте шейдера, с силой отшвырнула его к стене. – Сколько можно? Утихни!

– Сола, сестренка! – отряхнулся снова привычно красноволосый шейдер, не переставая прожигать моих медиков кровожадным взглядом. – Ну наконец-то! Эти шиссовы дети утверждали, что ты категорически недоступна, но я-то знаю, что главное – как следует попросить.

– Извини!.. – Ракель с катетером в предплечье смущенно улыбнулась. – Мы знаем, что ты очень занята, но Дамиан застрял на переговорах с торговыми представителями Брессы, а нам с малышом надо сдавать анализы четко по расписанию. Кроме тебя, мы никому не доверяем.

– Ракель... – Бросив предостерегающий взгляд на младшего Кесселя, я подошла к фемме, привычно обработала руки, натянула перчатки. – Сколько раз я просила тебя не брать с собой Анхеля. Он пугает мой персонал.

– А я не могу ее оставить, – буркнул из своего угла манн. – Я ее личный охранник, вот, даже жетон есть. – Он гордо продемонстрировал голографическую карточку. – Мне лично шиссов мэр Рохас платит, чтобы я никому не давал обижать Ракель и мальчика. Поэтому я имею полное право требовать для них самое лучшее. То есть тебя.

Бывшая барменша «Логова» слабо улыбнулась и попыталась расслабиться, но мышцы под моими пальцами так и остались напряженными. Стараясь доставлять Ракель минимальный

дискомфорт, я набрала несколько пробирок крови на анализ и сразу же вытащила катетер.

Молодая мать проворно вскочила из кресла и подлетела к обиженно сопящему малышу. Тот моментально притих, уткнувшись в теплое родное плечо. Укола он даже не почувствовал – связь с шейдом у детей была менее осознанной, чем у взрослых, отчего ранки и ссадины затягивались сами собой.

Дальнейшее обследование прошло быстро.

Анализатор пискнул, выводя на монитор жизненные показатели матери и ребенка. Годовалый шейдер был абсолютно здоров и развивался согласно норме. Вторую сущность малыш унаследовал от отца – его шейд был на диво крепким, живучим и активным. А еще беременность значительно улучшила показатели самой Ракель. Конечно, полноценным шейдером со второй сущностью она стать не могла, но связь с сыном дала ей дополнительные силы, повысив устойчивость и выносливость организма.

Это не могло не радовать.

После моих слов молодая мать наконец расслабилась, и даже Анхель, понукаемый мной и Ракель, честно принес извинения слегка потрепанным врачам. Шейдеры засобирались домой, а я...

Короткий взгляд на часы быстро привел в чувство.

Опаздывала!

Я безнадежно опаздывала.

– После торговой встречи у Дамиана запланирована конференция с главами районов, – словно прочитав мои мысли, проговорила Ракель, мягко коснувшись моей руки. – Хавьер тоже, скорее всего, задержится.

– Спасибо, – буркнула я.

Досада всколыхнулась внутри – не в первый раз срочные дела влезали то в мои планы, то в планы Хавьера, откладывая долгожданный тихий совместный вечер.

Но что поделать. Наша работа была нужна и важна – я занималась реабилитационным центром, а Кессель, как и в прежние подпольные времена, управлял семнадцатым, только теперь официально, – и иногда приходилось ставить обязанности выше личных планов.

И все равно...

Даже если бы у меня был выбор, я не захотела бы быть ни с кем, кроме Хавьера Кесселя.

Нет.

Оставив хOVER на парковке клиники, я отправилась домой пешком.

С тех пор, как мэр Рохас вынес большую часть промышленных предприятий за черту мегаполиса и установил строгий контроль над выбросами в атмосферу, гулять стало намного приятнее, чем раньше. Чистое небо мы, жители окраин, теперь видели гораздо чаще, чем раз в год, а высокие шпили небоскребов Центра прекрасно дополняли пейзаж. На орбите серебристыми каплями мигали у кольца космопорта транспортники представителей Брессы, а со стороны пустошей, где не было искусственных источников света, ярко сверкали на темном небе первые белые точки звезд.

Где-то там была и та, что принадлежала моему отцу...

Один перегон на новеньком, чистом скайвее, два квартала пешком по оживленным, хорошо освещенным улицам, лифт на предпоследний этаж, и я дома.

Наши с Хави апартаменты были не такими большими и роскошными, как капитанские комнаты в «Логове» или квартира в Центре, где я жила с матерью и Ли Эбботом, но нас все устраивало. Кабинет, гостиная с панорамным окном, бар, спальня, просторная ванная, о которой я могла только мечтать все десять лет, что прожила в каморке над закусочной Нор Лю-Циня. Что еще может быть нужно двум вечно занятым шейдерам? Разве что собственный выход на крышу, где можно было бы припарковать хOVER, чем, например, активно пользовался на правах мэра Абисс-сити Дамиан Рохас. Хавьер шутил, что такая сильная любовь к крышам пришла ко мне после нашего совместного побега из полицейского участка Ли Эббота, и даже в шутку прокладывал пути отхода, когда мы после занятий любовью пили золотистые коктейли у окна, разглядывая прекрасный ночной город.

Но на самом деле причина была не в этом.

«Нужно только не бояться, а там поток ветра подхватит тебя, и – вшух-х – ты окажешься выше самого высокого небоскреба».

Лопатки зачесались. Шейд рвался на волю, мечтая почувствовать ветер в кожистых крыльях.

«Летать! Летать! Шейдеры рождены летать!»

Горячая вода смыла все мысли.

Я замерла, наслаждаясь теплом и ароматным паром, – и едва не пропустила, как хлопнула входная дверь. Шейд радостно потянулся навстречу дуалу, сердце забилося предвкушающе быстро. Еще немного...

Открылась и закрылась дверца душевой кабинки. Я нарочно не поворачивалась, прекрасно зная, что последует дальше.

Руки, скользящие по телу, покрытому мягкой мыльной пеной.

Поцелуй-укус в шею, словно метка: моя.

Шаг к стене, чтобы было куда упереть руки.

– М-м-м, Кессель...

Я выгнулась, принимая в себя его пальцы.

– Диаз... – Горячее дыхание пощекотало кожу за ухом. – Извини, задержался...

– Не важно. – Я развернулась, скользнула рукой между нашими телами. – Ракель предупредила.

– Хор-рошо, – рвано выдохнул мой манн, когда я заскользила мыльной рукой вверх-вниз. – А сейчас будет еще лучше...

Руки под бедрами, резкий толчок.

– М-м-м...

– Как я могу искупить вину за опоздание?

Я усмехнулась.

– Глубже. И сильнее.

– Как скажешь...

– Да... Да... Да...

Из душа мы вышли нескоро.

По телу растекалась ленивая истома, и ни в какой ресторан, даже самый раскрепасный, уже не хотелось.

Хави это предвидел. Отключив рабочий коммуникатор, разрывавшийся от писка входящих сообщений, он повернулся ко мне.

– Сегодняшний вечер только наш, мелочь. Если не соблазняет идея выбратся в Центр и замучить официантов в любимом ресторане мэра, есть альтернативное предложение. Ты берешь бокалы, а я бутылку и стим. Идет?

Я кивнула.

Балкон, вертикальная пожарная лестница, несколько безумных прыжков по антеннам и техническим блокам – и мы оказались на крыше. Сняв удобную рубашку – отдельный плюс того, что не

пришлось прилично одеваться ради нескольких часов среди эстетов Центра, – Хавьер расстелил ее на площадке для хOVERов и жестом предложил мне сесть.

– Все только для тебя, Диаз.

Я фыркнула, принимая из его рук коктейль с щедрой порцией стиму. Отставив бутылки, Кессель опустился рядом и обнял меня одной рукой.

Абисс-сити раскинулся перед нами, сверкающий и прекрасный. Высокие шпили небоскребов окутывало облако воздушных трасс со светящимися точками хOVERов, напоминавших планетарные кольца. Светились неонов многоярусные улицы, стеклянные стены отбрасывали разноцветные блики на мостики-улицы. Серебряные нити скайвея расчерчивали небо ровными длинными линиями.

Нельзя было не признать: с каждым месяцем наш город становился все лучше и лучше.

– Никогда не подумала бы, но смена мэра и правда пошла Абиссу на пользу, – призналась я, кладя голову на плечо Хавьера. – Он никогда не казался мне таким красивым, как сейчас.

– Осторожнее с похвалами, – усмехнулся Кессель. – Рохас чувствует, когда кто-то начинает расточать ему комплименты. Не говори такого вслух, если не хочешь, чтобы через пять минут на нас приземлился личный хOVER тщеславного мэра.

Я застонала.

– Не-ет! Еще одного вечера, мановением чудо-руки бывшего «Хирурга» превратившегося в рабочее совещание, я не вынесу.

– То-то. Поэтому никаких мыслей о Рохасе во время нашего заслуженного свидания. К тому же кое-кто может начать ревновать.

– Кое-кто первый начал, – поддела я его.

– Ладно, ладно, сдаюсь. Ты права – вид просто шикарный.

Я не сразу заметила, что Хави смотрел не на высоты, а на меня.

– Что?

– Я люблю тебя, Солана Диаз.

– И я, Хавьер Кессель. Но... с чего вдруг такие откровения?

– Давно этого не говорил. Целых... – Быстрый взгляд на коммуникатор. – Двенадцать часов.

Он осушил остаток коктейля. И вдруг одним рывком поднялся на ноги. Озорная белозубая улыбка сверкнула в полумраке неоновой

ночи.

– Догоняй.

– Что?

Но по телу уже разливалась серебром волна азарта и пьянящей легкости.

Я бросилась вдогонку трансформировавшемуся на бегу Кесселю. Замерла на секунду, балансируя на самом краю.

«Летать! – радостно встрепенулся шейд. – Летать!»

Хави оттолкнулся от парашюта, я – следом.

Миг, и два серебристых крыла раскрылись за спиной, сильные и прекрасные. Ветер подхватил меня, подбрасывая вверх – к самым шпилькам высоток Абисс-сити.

А рядом, распахнув черные крылья, парил мой дуал. Мой друг и партнер, поддержка и опора, манн, которого я любила всем сердцем.

И я знала: вместе, крылом к крылу, мы можем подняться так высоко, как захотим.

К самым звездам.

Потому что шейдеры рождены летать.

Конец